

И. КАРАЦУБА, И. КУРУКИН, Н. СОКОЛОВ

ВЫБИРАЯ СВОЮ ИСТОРИЮ

РАЗВИЛКИ НА ПУТИ РОССИИ:
ОТ РЮРИКОВИЧЕЙ ДО ОЛИГАРХОВ

**Ирина Владимировна Карацуба
Игорь Владимирович Курукин
Никита Павлович Соколов**

**Выбирая свою историю. Развилки на пути
России: от Рюриковичей до олигархов**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7689266

*Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от Рюриковичей до олигархов / Ирина Карацуба, Игорь Курукин, Никита Соколов.: КоЛибри; Москва ; 2015
ISBN 978-5-17-085773-9*

Аннотация

Книга трех российских ученых – собрание очерков, повествующих об исторических развилках, когда история нашего Отечества могла пойти не так, как она пошла. Но это не учебник альтернативной истории. Это глубокие и насыщенные историческими фактами рассуждения о зарождении гражданского общества в России, о проблеме исторического выбора и о том, что историю во все времена творили конкретные люди, причем по собственной воле.

Идея книги появилась во время семинаров фонда “Открытой России”. В течение двух лет шла работа, и в результате книга была опубликована в 2005 году и вызвала дискуссии как в профессиональной среде, так и среди простых читателей, интересующихся судьбой России. Книга мгновенно стала бестселлером. Перед вами – отредактированное и существенно дополненное издание.

Содержание

“Что быть могло, но стать не возмогло...”	5
С точки зрения ежика. Вместо введения	7
Власть и волость	10
Меж Ордой и орденом	24
Несостоявшийся союз	38
Самоубийство средневековой демократии	49
Шемяка против Темного	60
Опричнина против земщины	70
За что боролись в Смуту	81
От “симфонии” к расколу	91
Европеизация от амуниции	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ирина Карацуба, Игорь Курукин, Никита Соколов Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от Рюриковичей до олигархов

Идея этой книги родилась в ходе обсуждения исторических сюжетов с участниками семинаров “Клуба региональной журналистики” и слушателями “Школ публичной политики”, проводимых Межрегиональной общественной организацией “Открытая Россия” под председательством М. Б. Ходорковского. Авторы глубоко признательны “Открытой России” за эффективную и увлекательную “обкатку” многих идей и подходов, нашедших отражение в этой книге, а также за большую помощь в подготовке и издании этой книги.

“Что быть могло, но стать не могло...”

Эта книга необычна. Профессиональные историки делятся с читателями мыслями об альтернативах исторического развития. Мысли эти остаются подчас не востребуемыми, таятся в уголках сознания, пока общество не потребует сказать о них открыто. Такой момент настал. Часть российского общества явно ищет ответа на вопрос о том, что “с нами происходит”...

Необычной книге хотелось бы предпослать и не совсем привычные слова напутствия. Можно разделять или не разделять основные интенции авторов, моих коллег, – все-таки альтернативная история выходит за рамки строго доказательной академической истории, – но их книга мне интересна. Более того, считаю ее полезной и для широкого круга читателей, которые могут увидеть русскую историю в контексте “упущенных возможностей”.

Что же в этом интересного и полезного?

Всякая косность мысли оборачивается догмой, хуже того – идеологией, которая по природе своей не терпит разномыслия, сомнений, рефлексий. Сейчас в России вновь наступает эпоха, когда история становится разменной монетой в политической игре, при помощи которой государственные мужи намереваются “сплотить народ” на основе идеи “священной державы”. Авторы книги продолжают начатый во времена перестройки и прерванный впоследствии разговор о судьбах страны, народа, государства.

Сталкиваются два несогласия “так жить”. Одних пугает непредсказуемость науки, непредсказуемость личности, непредсказуемость творчества. Другим претит безжизненность схемы, самодовлеющий механизм шаблона.

Взыскующие “порядка” правы по-своему – нет уже сил просто взирать, и не видно других средств цивилизованно управиться с разгулом примитивного эгоизма в “невнятном” государстве: с двуглавым орлом, советским гимном и олигархами. Но своя правда и у тех, кто не ожидает ничего доброго от победы над эгоизмом ради “общей пользы” ценой удушения живой мысли, живого дела.

В этой ситуации не случайно возникает потребность в провоцирующей книге, смысл которой – поколебать уверенность в том, что возможно лишь одно объяснение прошлого. Нет, говорят историки, объяснений может быть больше. Хотя – и это тоже важно – существенна не только сама возможность исторической “развилки”, но и то, насколько она была осознана современниками.

Уверен, книга вызовет неоднозначное отношение читателя, потому что авторы сознательно ставят перед собой цель возмутить обывательский уют привычных представлений, порой далеко не бесспорных. “Разве мы не страдали от монголов, от ига, и поэтому у нас не сложилась современная демократия?” – спросит иной поборник “традиции”, привыкший находить в исторических событиях объяснение своей собственной отсталости. Речь, конечно, не идет о том, чтобы определить здесь и сейчас “окончательный” взгляд на факты прошлого – историки продолжают разговор о возможностях научного сомнения, прибегая к казусам альтернативы, чтобы нагляднее показать, что к истории, как и ко всему на свете, можно относиться по-разному.

Когда сегодня ставится вопрос о воспитании историей, то хотелось бы знать: что мы стремимся воспитывать? Одни найдут в истории примеры единения ради общих интересов и вопреки мнению отдельных личностей и целых социальных слоев, другие... Весь пафос этой книги заключается в том, что должны быть “другие”: верившие, боровшиеся, часто отдававшие собственную жизнь за иное будущее своей родины; наверное, не обладавшие полнотой истины (а кто из смертных ею обладает?), но имевшие право думать иначе. Только это признание права на “инаковость” позволяет стать гражданином, для которого история

страны – это не звук фанфар на юбилейных торжествах, а боль утраты, острое желание не быть отсутствующим в собственной отчизне. Не сносить молча, по выражению Н.М. Карамзина, все ее “нестроения” и несправедливости, “терпя, чего терпеть без подлости не можно”.

Словом, эта книга вызовет спор, несогласие, сомнения, рефлексии. Это, я думаю, и требуется от альтернативной истории – не быть скучной, назидательной, окончательной, но вызывать заинтересованный взгляд читателя беспокойством мысли, неожиданностью сравнений, порой даже рискованностью сомнений. Ради одного – пробуждать гражданский интерес к истории России. Или, по словам Карамзина, к тому, “что быть могло, но стать не могло...”.

Андрей Юрганов

С точки зрения ежика. Вместо введения

И вы себе не представляете, как ужасно неудобно играть, когда все они живые!.. А вот сейчас я могла крокировать королевинного ежика, а он взял да и убежал от моего ежа...

Льюис КЭРРОЛЛ. Алиса в Стране чудес¹

Эта книга – вовсе не учебник. Она скорее “антиучебник”. И даже не потому, что некоторые события здесь получают непривычное освещение. Существеннее другое. Учебники рассказывают о правилах и законах, которые нужно выучить и запомнить. Когда так пишут учебники по физике и химии, это естественно; беда, что тем же манером пишут и учебники по истории. Даже когда “закон истории” не формулируется в них открыто, построение рассказа всегда подразумевает некоторую скрытую предопределенность исхода. Представления эти проявляются в оценках действующих лиц как “прогрессивных” и “реакционных”, то есть приближающих или отдаляющих желательный “конец истории”.

Это происходит не по злему умыслу. В конце концов, история состоялась так, как состоялась, а не иначе, и человек, изучающий ее, знает (пусть даже эти знания весьма ограничены), как и чем закончились те или иные события. Но проблема в том и состоит, что история не имеет объективных законов, кроме тех, которые придумывают пишущие. Все попытки подвести историю под какое бы то ни было общее правило, будь то: божий промысел, понимаемый в качестве генерального плана; прогресс просвещения; “естественно-исторический процесс” смены общественно-экономических формаций; позаимствованные у биологии законы рождения, роста и гибели цивилизаций – пошли прахом. Целенаправленная деятельность человека в прошлом, составляющая существо истории, не подчиняется никакой кабинетно измышленной закономерности. Если бы подчинялась, историк, подобно физики и химику, мог бы знать, чем закончится процесс, и делать верные предсказания на будущее. Удавалось – весьма редко и самым чутким – угадывать. Предсказывать не удавалось никому, и не потому, что предсказателям недоставало таланта или знаний. Просто история – поле деятельности человека, который обладает не только разумом, но и свободой воли. В силу этой свободы никакая последовательность исторических событий не представляет собой “процесса”, подчиняющегося закономерности, которая хотя бы отдаленно напоминала законы, действующие в природе. Траекторию движения упругих тел после столкновения можно предсказать с большой точностью, но совершенно бессмысленно требовать, как Алиса, чтобы живые ежики вели себя как деревянные крокетные шары. Нет, они, конечно, катятся после удара носом фламинго, но... куда сами хотят.

Именно потому, что человек наделен разумом и волей, нельзя сделать никакого верного прогноза относительно будущего человеческого общества. В 40-е годы XIX в. Карл Маркс, наблюдая чудовищную эксплуатацию промышленных рабочих, предрек неизбежность построения коммунизма в результате обострения классовой борьбы и победы пролетариата. Нашлись люди, приложившие немало усилий для приближения пролетарской революции. Но немало усилий было затрачено и теми, кто старался такого будущего избежать, среди них были как рабочие, так и работодатели. Прошло 100 лет, и в мире (по крайней мере в той его части, которая активно сопротивлялась проекту будущего по Марксу) уже не существует того пролетариата, об участии которого сокрушался Маркс. Проблемы, касающиеся будущего, не исчезли, но это уже совершенно другие проблемы.

¹ Перевод Б. Заходера.

Как остроумно заметил французский историк Антуан Курно, общий ход истории правильнее уподоблять шахматной партии, где каждый новый ход – результат свободного выбора игрока. Мы можем постараться понять его мотивы (собственно, в этом и состоит главная задача историка), но не можем сформулировать общий закон развития партии и предсказать ее результат. Игрок свободен в тех пределах, которые диктует ему позиция, также являющаяся результатом предшествовавшего свободного выбора, а не какой-либо закономерности. Более того, у каждого человека свое понимание этих пределов. И это единственный неоспоримый вывод, к которому пришла историческая наука, пройдя за последние полтора столетия через множество искушений и соблазнов. Урок истории – это урок свободы. Урок, усвоенный еще в глубокой древности. “К свободе призваны вы, братия!” – писал апостол Павел (Гал. 5:13). Разумеется, свободу в этом смысле, свободу действий самостоятельного и ответственного гражданина, не следует путать с безграничной холопско-казацкой “волей” и купчески-новорусским своевољством.

Свобода – это возможность выбора. Даже у самой незамысловатой шахматной позиции есть несколько продолжений. Жизнь человеческого общества гораздо богаче вариантами. И, хотя зачастую приходится выбирать из двух зол, безвыходным мы обычно называем такое положение, ясный и очевидный выход из которого нам просто не нравится.

Исторический выбор мы делаем ежедневно, подчас совершенно этого не сознавая. Иногда только весьма отдаленные последствия могут прояснить все значение сделанного некогда шага. Но всегда наш выбор диктуется образом желательного будущего. Мы выбираем свой проект будущего не только тогда, когда выбираем президента и парламент. Мы делаем это ежедневно, выбирая людей, с которыми дружим, и книги, которые читаем. В любом сообществе людей постоянно идет эта сложная борьба между разными проектами будущего.

В ходе этой борьбы довольно часто общественные системы оказываются в состоянии неустойчивого равновесия, и тогда выбор немногочисленной, но энергичной группы (и даже одного человека!) может существенно изменить траекторию движения всего сообщества. Или, наоборот, повседневная деятельность множества “обычных” людей, преследующих собственные, часто мелкие и сиюминутные, цели, сдвигает общество в ту или иную сторону, вопреки замыслам могущественных государственных мужей и великих реформаторов.

В этом смысле история представляет собой длинную цепочку развилки (в научной литературе для их обозначения пользуются специальным термином “точки бифуркации”). Каждый акт выбора отодвигает в тень нереализованные, потенциальные возможности, набор которых, существовавший на момент совершения выбора, по прошествии времени часто уже с трудом поддается реконструкции.

Гораздо проще и удобнее описывать только пройденный обществом путь, не задумываясь о том, какими ответвлениями и почему оно пренебрегло в цепочке развилки. Но при таком подходе неизбежно возникает иллюзия “тотально целенаправленной” и “фатально предопределенной” истории, для описания мистического механизма которой и пользуются метафорами “божьего промысла”, “национальной судьбы” и проч. Историю этого типа любят власти предержащие, поскольку такая история служит обоснованием если не “исторической прогрессивности”, то уж по меньшей мере “исторической неизбежности” наличествующей власти.

“Казенная” история, история “допущенных и рекомендованных” учебников, не знает сослагательного наклонения. По существу, это предыстория торжествующего на данный момент “проекта будущего”. Ее задача – воспитать гордость “героическими деяниями предков”. Овладение этой историей – главная добродетель верноподданного, готового малодушно передоверить власти строительство будущего. Понимать обстоятельства и мотивы

выбора предков (нередко совершавших деяния, гордиться которыми затруднительно) – добродетель гражданина, готового действовать сознательно и свободно.

Знание и понимание альтернатив прошлого – лучшая из известных профилактик тяжелого заболевания национальной памяти типа “сделайте нам красиво”, увы, весьма распространенного в наших широтах. Если немецких школьников водят на экскурсии в музей бывшего концлагеря Дахау, где они учатся каяться и не забывать, а следовательно, и не повторять ошибок предков, то наших водят в Оружейную палату – любоваться золотом и блеском алмазов (той самой имперской “славой, купленной кровью”, от которой отрекался Лермонтов). Обязательного посещения музея “Петровский пыточный застенок” и экскурсий в “Сталинский лагерь” в отечестве нашем не заведено. Но прав был немецкий философ Карл Ясперс, когда требовал: “Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее. Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило”.

Эта книга – собрание очерков, повествующих об исторических развилках, когда история нашего отечества могла получить существенно различное продолжение, и о том спектре альтернатив, который держали в уме участники событий (историки называют его “горизонтом ожиданий”). Пусть вас не смущает, что выбор всякий раз, по видимости, совершают значительные и высокопоставленные личности. Они всего лишь знаковые фигуры, о которых мы больше знаем и чей выбор символизировал выбор определенной части нации. Важно то, что, сознательно одобряя или не одобряя этот выбор, вы совершаете свой собственный.

Власть и волость 862

8 сентября 1862 г. в Великом Новгороде на площади между Софийским собором и Присутственными местами проходила невиданно пышная церемония. В присутствии государя императора, наследника цесаревича, членов императорской фамилии, Синода и Сената был торжественно открыт памятник Тысячелетия России.

Грандиозное сооружение, плод фантазии дотоле никому не известного выпускника батального класса Императорской академии художеств Михаила Микешина, силуэтом напоминало одновременно шапку Мономаха и колокол. Но главная удача скульптора, обеспечившая победу его проекту, заключалась в удивительно точном переводе на язык скульптуры традиционного взгляда на отечественную историю. Сущность России виделась в уникальном сочетании “православия, самодержавия и народности”. Соответственно, в верхней части монумента ангел, олицетворяющий православие, благословляет коленопреклоненную женщину – Россию. Помещенные на втором уровне шесть групп представляли разные стадии становления российской монархии. В нижнем ярусе располагалось 109 персонажей, в частности и простого звания, положивших жизнь на создание великой России. Тысячелетняя история России мыслилась как тысячелетняя история монархии.

Памятник себе

Почетное место в среднем ярусе монумента занимала сцена призвания славянами на княжение варяга Рюрика. К юбилею этого события, собственно, и было приурочено торжество, ибо с актом “добровольного призвания” связывалось установление на Руси монархического начала и даже появление государственности вообще. Уже Василий Никитич Татищев – первый российский историк – изображал древнерусских князей самовластными государями, а политическую систему Древней Руси как монархию. Идея эта закрепилась в российском общественном сознании с появлением в 1816 г. “Истории государства Российского” Николая Михайловича Карамзина, ставшей для россиян своеобразным “открытием” собственной истории. Прекрасный язык, глубокое знание источников, яркие образы героев – все это сделало труд Карамзина основой исторических знаний многих поколений.

Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш Летописец – и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиєю и с землями Северной Америки, с Швециєю и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти.

(Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. Гл. 4)

В трудах историка Михаила Петровича Погодина (сына крепостного, отпущенного на волю, получившего возможность учиться в Московском университете и впоследствии ставшего его профессором и главой кафедры русской истории) добровольное призвание было истолковано в духе этой доктрины, но со значительным антизападническим заострением в соответствии со знаменитой триадой министра народного просвещения графа С. С. Уварова “Православие, самодержавие, народность”. Сама формула Уварова была создана как своего рода полемический ответ на знаменитый лозунг Великой французской революции “Свобода, равенство, братство”: вместо свободы Уваров предлагал православие как подлинную свободу (не в человеческом, а в божественном смысле), равенству противопоставлял самодержавие, а вместо космополитического братства выдвигал народность, то есть национальную идею.

Противопоставление России Западу особенно усердно насаждалось в эпоху Николая I. Перо Михаила Погодина было отзывчиво на пожелания начальства, и он писал, что в Западной Европе государства возникали в результате завоевания (например, галлов франками, бриттов норманнами), а на Руси – добровольного призвания варягов новгородцами. Поэтому русская история бесконфликтна и проникнута “народностью” (то есть идеей единства русского народа и единения его с царем), а западная началась с порабощения и движется социальной борьбой и т. д.

Впоследствии представление об исконном существовании монархии на Руси было усвоено и “государственной школой” историков и марксистской историографией. Так, М. Н. Покровский считал возможным говорить о “варяжском абсолютизме” в Древней Руси. Да и в наши дни, открыв любой школьный учебник, мы непременно обнаружим в начале главки сакраментальную формулу: “Во главе Руси стояли великие киевские князья, которые были полноправными правителями страны”, позднее переходящую в тезис о Киевской Руси как о “раннефеодальной монархии”. А популярный политик запросто может заявить с экрана телевизора, что гражданское общество в России невозможно, ибо ее “естественный путь” – самодержавие.

Между тем при обращении к первоисточникам уже в эпизоде с призванием варягов обнаруживается устройство власти, весьма далекое от самодержавной монархии.

Древнейший летописный свод “Повесть временных лет” под 862 годом сообщает, что несколько племен, населявших северо-запад современной России, – ильменские словене, кривичи и чудь, платившие дань варягам, – возмутились, “изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”.

И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля”.

Распространенная в XVIII–XIX вв. трактовка варяжского призвания как момента образования государства давно оставлена наукой. В момент же своего появления она была вполне основательной научной гипотезой, поскольку считалось, что феодальные отношения возникают только в результате завоевания, когда иноплеменные победители “надстраиваются” в

качестве высшего сословия над подвластными и порабощаемыми племенами. Поскольку, по крайней мере с XII столетия, на Руси несомненно обнаруживались элементы социальной (экономической и политической) конструкции, близкой к феодальной, то естественно было историкам искать и завоевателя. Варяги вполне подходили на эту роль. Когда к концу XIX в. выяснилось, что феодальные отношения могут возникать без всякого завоевания, гипотеза потеряла основание и из научной литературы перекочевала в пропагандистские брошюры, изготавливавшиеся как в России, так и в Европе для моральной подготовки подданных к войне (от Семилетней в XVIII в. до холодной в XX столетии).

Впрочем, просто при внимательном чтении летописного известия становится очевидным, что призвать кого-либо, хотя бы и варяга, для исполнения общественных функций можно только в том случае, если сами эти функции уже существуют, когда есть кому и куда призывать. В известии о призвании Рюрика мы, несомненно, обнаруживаем три важнейших элемента политической конструкции Древней Руси в их взаимодействии. На первый план выступает здесь собрание представителей племен, прообраз земской власти, известной нам по более поздним источникам как вече. Вторую силу представляет призываемый “володеть и судить” князь. Князь приходит не один, он является в окружении соратников, пособляющих ему исполнять княжескую должность. Мифические братья Рюрика, бесследно исчезающие сразу после прибытия, по всей видимости, – плод недоразумения. Скорее всего, летописец, читая скандинавский источник, принял описание традиционного окружения варяжского предводителя – конунга – за имена его братьев: Синеус возник из *sine hus* (“свой род”), а Трувор из *thru varing* (“верная дружина”). Вооруженный отряд князя, его интернациональная дружина, составляет третий необходимый элемент древнерусской политической конструкции. Эти три силы находятся в сложном взаимодействии, которым и определяется все своеобразие нашей политической истории древнейшего периода.

В 1862 году самодержавная империя увековечила в бронзе тот образ истории, который ее наилучшим образом устраивал. Выбор, сделанный нашими более отдаленными предками в 862 г., имел совершенно другой смысл. Во всяком случае, у современных историков есть веские основания полагать, что, если бы жителям Древней Руси довелось участвовать в открытии микешинского монумента, они пришли бы в недоумение, а разобравшись что к чему, потребовали бы поменять ярусы местами.

Земля наша велика и обильна

Историки много спорили и будут спорить впредь относительно реальных событий, отразившихся в легенде о призвании варягов, произвольно и, по всей видимости, неточно отнесенных летописцем к 862 г. Идиллическая картина “добровольного призвания”, во всяком случае, не соответствует действительности. Скорее всего, тогда речь шла о призвании варяжского конунга с дружиной не на княжение, а для помощи в войне. Позднее варяги совершили “государственный переворот”, сопровождавшийся избиением словенских предводителей и знати, смутные воспоминания о котором сохранились в поздней Никоновской летописи (XVI в.). Под 864 годом там повествуется о том, как “оскорбились новгородцы, говоря: каково быть нам рабами, принимая столько зла от Рюрика и его родичей! В том же году убил Рюрик Вадима Храброго, и других многих перебил новгородцев его советников”. В 867 г., по сообщению той же летописи, “убежали от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей”. Так что варяжская династия утвердилась в Новгороде не без борьбы, но все попытки более детальной реконструкции тогдашних событий сталкиваются с острой нехваткой надежных источников, и все выводы остаются в высшей степени гадательными.

Несомненно, однако, что летописец, повествуя о событиях IX в., осмысливает их через реалии конца XI – начала XII столетия, когда политическая система Древней Руси вполне оформилась и на основе племенных союзов завершилось образование волостей-земель.

Прежде всего, приходится устранить обманчивую ясность слова “земля”. О какой земле говорится в речах, вкладываемых летописцем в уста словен, кривичей и чудь? Безусловно, имеются в виду не тучность новгородских почв и не лесные богатства. Землею, или волостью (“властью”), именуется в наших летописях самостоятельная государственная область, находящаяся под управлением “города”.

Древнерусский город – автономный общественный союз, носитель суверенитета. То, что в наших учебниках называется Древнерусским государством, по существу, представляло собой совокупность таких волостей. Во время похода Олега на Царьград он потребовал с греков дань не только для всех участвовавших в походе воинов со всех кораблей “по 12 гривен на уключину”, но и для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и для других городов, то есть в пользу всех общин, участвовавших в организации похода.

Древнейшие города возникают, как установили археологи, в результате слияния нескольких родовых поселков. Относительно Киева смутные воспоминания о существовании таких поселений сохраняются в предании об основании города тремя братьями – Кием, Щеком и Хоривом. Точно так же образовались в результате слияния нескольких первобытных поселений Новгород, Суздаль и Смоленск. Аналогичная картина прослеживается и в других городах.

Город возникал как центр взаимодействия нескольких племен, территориального, а не родового объединения – земли-волости, включавшей сельскую округу и малые укрепленные центры, подчиненные городу, числящиеся его “пригородами”. О главенствующем положении старшего города свидетельствует множество эпизодов, описанных в летописях. В частности, в 1151 г. жители Белгорода отказались открыть ворота Юрию Долгорукому, поскольку его не пустил к себе их старший город Киев.

Волости не были вполне устойчивы. Пригороды стремились к обособлению от своих городов и образованию самостоятельной земли-волости. Мотивы, толкавшие к такому обособлению, были не только материально-меркантильными. Пригороды, конечно, тяготились военными и финансовыми повинностями в пользу волостного центра, но главным образом стремление к обособлению порождала структура власти в земле-волости. Чересчур крупные размеры волости препятствовали непосредственному участию жителей в осуществлении власти.

Основным отличительным внешним признаком города были городские стены (в древности – просто частокол). Но замечательно то, что в сознании людей Древней Руси город отличался от других огороженных поселений – пригорода, городка и городища – признаком совсем не внешним. Городом именовался центр земли-волости, в котором функционировало вече.

Вопреки распространенному предрассудку вече действовало не только в Новгороде, Пскове и Вятке. Само слово “вече” употреблялось преимущественно в Северной Руси, но народные собрания, игравшие аналогичную роль в политической жизни, существовали повсеместно. В летописях они скрываются под псевдонимом “дума”. Ключ к такому пониманию дает сообщение Лаврентьевской летописи под 1176 г. о вечевом собрании во Владимире, решавшем вопрос о том, какой князь должен “занять стол” после убийства Андрея Боголюбского.

Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якож на думу, на веча сходятся; на что же старейший сдумают, на том же пригороды стануть².

(Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 377–378)

Помимо ясного указания на устройство земли-волости, в которой периферийные центры – “пригороды” – безусловно подчинены власти вечевых “городов”, в этом отрывке ценно пояснение летописца, утверждавшего, что собрать вече – то же самое, что сойтись на думу и, соответственно, сдумать – значит принять вечевое решение. Это указание позволяет увидеть действие вечевого института и в тех случаях, когда само слово “вече” не упоминается. Благодаря этому ключу можно с большой долей уверенности утверждать, что, когда в ответ на хазарские требования “сдумавше поляне” и дали в качестве дани от дома по мечу, они придумали это не каждый сам по себе, а сойдясь на племенную сходку. Точно так же и древляне в 945 г. “сдумавше со князем своим Малом” оказать сопротивление киевскому князю Игорю, проявившему “несытовство” – то есть требовавшему непомерной дани, – видимо, приняли это решение на собрании, аналогичном вечу.

Источники не позволяют проследить промежуточные формы и этапы эволюции, но большинство историков склоняется к мысли, что вечевые собрания естественным образом вырастают из племенных сходок эпохи военной демократии. Косвенным свидетельством существования у славян таких собраний служит известие византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского, отметившего, что славяне “не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом”. Длительное отсутствие термина “вече” в отечественных летописях, скорее всего, не означает перерыва в существовании самого этого института. Летописцы (составлявшие свои своды при княжеских дворах или в кельях – как правило, тоже княжеских монастырей) вообще мало интересовались регулярной работой органов власти и обращали на них внимание только в моменты внутри- и внешнеполитических кризисов. Во всяком случае, неосновательным представляется мнение, высказанное в 1930-е гг. Б. Д. Грековым и получившее довольно широкое распространение по внеучным причинам, а ныне разделяемое, кажется, только М. Б. Свердловым, будто “племенное вече – верховный орган самоуправления и суда свободных членов племени – с образованием государства исчезло, а в наиболее крупных территориальных центрах – городах (правда, не во всех русских землях) вече как форма политической активности городского населения появилось в XII–XIII вв. вследствие растущей социально-политической самостоятельности городов”.

Такой перерыв в деятельности старинного института представляется странным и к тому же не подтверждается источниками, в которых вечевые собрания эпизодически упоминаются и в XI столетии. В 1015 году Ярослав Мудрый, варяжская дружина которого накануне перебила новгородскую верхушку “нарочитых мужей”, вынужден был при получении на другой день известия о захвате власти в Киеве Святополком просить у новгородцев помощи “на вечи”. В 1068 году киевляне “створиша вече”, дабы организовать отпор половецкому набегу, в борьбе с которым потерпел неудачу князь Изяслав. А на следующий год, когда изгнанный Изяслав попытался вернуться в Киев с помощью польских войск, горожане вновь “створиша вече”, призвавшее на помощь братьев Изяслава – Святослава и Всеволода, угрожая в противном случае, сжегши город, уйти в “греческую землю”.

Разумеется, сущность этого учреждения со временем менялась, и племенная сходка эпохи родового быта существенно отличалась от волостного веча XI–XII столетий. Однако

² Новгородцы же издревле и смоляне, и киевляне, и полочане, и все волости, как на думу, на веча сходятся; что старейшие [города] решат, на том и пригороды станут.

ограниченность наших сведений не позволяет совершенно однозначно определить характер этих изменений. Спорными, как и 100 лет назад, остаются вопросы о составе и компетенции вечевых собраний, порядке их проведения.

Во всяком случае, неправильно представлять себе вече в виде хаотической толпы, принимавшей или отвергавшей предлагаемые меры силой крика. Единственное подробное летописное описание вечевого собрания позволяет заключить, что это было вполне формализованное действие, проходившее по определенному протоколу. На митинг собрание было мало похоже; по сообщению Лаврентьевской летописи, в 1147 г. “многое множество” киевлян, явившихся на вече у Софийского собора, прежде всего “седоша”. Далее рассевшиеся киевляне выслушали сообщение князя о причине собрания, приветствия послов, обращенные с соблюдением строгого этикета сначала к митрополиту, тысяцкому, а затем и ко всем “киянам”, и только затем выслушали посольские предложения.

То обстоятельство, что участники веча сидели, заставляет предполагать, что число их было невелико. Археолог В. Л. Янин, непревзойденный знаток быта древнего Новгорода, провел однажды с участниками своей археологической экспедиции эксперимент. Когда вечевою площадь устали скамьями, оказалось, что поместиться на них может не более 400 человек. Но если в этих сходках принимали участие не все жители города, то каким образом формировался их состав?

Относительно состава вечевых собраний продолжаются споры. Часть исследователей разделяет убеждение Янина о том, что 300 “золотых поясов”, заседавших на новгородском вече, по сообщению иноземного путешественника, представляли городской патрициат, старейшин усадеб, из которых состоял средневековый город. Другие полагают, что вечевые собрания были более “демократическими” и включали в себя выборных представителей городских районов – “концов”. Споры ведутся, конечно, относительно “правильного” веча в обычной ситуации; во времена смутные – в случае военной катастрофы или острого социального конфликта – на сходки сбегалось множество народа, и там уж было не до процедурных тонкостей.

Компетенция веча была довольно обширна. Среди важнейших вопросов, решавшихся вечем, были вопросы войны и мира, приглашение князя и заключение договора (“ряда”) с ним. В случае недовольства князем и нарушения им условий ряда вече могло указать князю “путь чист” (то есть изгнать). Некоторые эпизоды такого рода широко известны. Например, события 1136 г. в Новгороде, когда был посажен на два месяца под арест со всей семьей, а затем и изгнан князь Всеволод Мстиславич, внук Владимира Мономаха. Новгородцы дважды изгоняли и князя Александра Ярославича (Невского), покушавшегося на городские вольности. Беда в том, что в наших учебниках эти случаи представляются как чрезвычайные и исключительные, между тем это была рутинная практика древнерусских волостей.

Участвовало вече и в направлении “иностранных дел”. Например, в договоре Новгорода с Готским берегом указывалось, что в выработке условий договора, которым князь Ярослав Владимирович утвердил мир “с послом Арбудомъ и всеми немецкими сыны... и с всею латинским языком”, участвовали посадник Мирошка, тысяцкий Яков и все новгородцы.

Вече должно было утверждать чрезвычайные расходы на военные предприятия. В скандинавских сагах, где говорится, что во времена Владимира и Ярослава на Руси собирались тинги – народные собрания, содержится характерный рассказ об Эймунде, предлагавшем свою военную службу “русскому конунгу”, который ответил ему: “Дайте мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я”, и созвал тинг.

Княжеская дружина составляла “корпус быстрого реагирования”, но основная тяжесть военных предприятий, как наступательных, так и оборонительных, если речь шла о земских интересах, ложилась на плечи рядовых “воев” – народного ополчения.

Основная масса свободного населения древнерусской волости была хорошо вооружена и представляла внушительную военную силу Поляне, по преданию, дают хазарам по мечу “от дыма”, то есть в понятиях летописца меч есть в каждом доме, а не только у знати. О том же свидетельствует и статья 13 “Русской правды”, предусматривающая такой казус: “Если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшее в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны за обиду”. Очевидно, что “в своем миру” обнаружить собственное украденное военное снаряжение мог рядовой свободный общинник, а не княжеский “муж”. Народное ополчение состояло как из городских, так и из сельских свободных обывателей. После неудачного для Руси сражения с монголами на реке Калке, как сообщает летопись, “бысть вопль и плачь и печаль по градом по всем и по селом”. Очевидно, “по селом” плакали не из простого сочувствия, но оплакивали павших односельчан. Как отмечают археологи, меч в XII столетии становится массовой продукцией русских оружейников, причем появляются образцы “серийного производства”, для которого был несомненно тесен исключительно дружинный и даже городской “рынок”.

Неверно было бы представлять себе свободного общинника только в роли пешего воина. Простые воины на коне постоянно встречаются на страницах летописи. Князь Изяслав Мстиславич призывал с собой в поход на черниговских ольговичей всех киевлян “от мала и до велика, кто имеет коня, кто ли не имеет коня, а в лоды”. В другой раз киевляне последовали за своим князем “на конях и пеши многое множество”.

Земские “вон” составляли особую военную организацию, отличную и независимую от княжеской дружины. В мирное время поддерживалась сотенная “мобилизационная система”: все население волости (не только городов, но и сел) было разбито на административные единицы – десятки и сотни, объединенные под общим руководством избираемого вечем тысяцкого. В походе это войско, находящееся под командой собственных воевод, действовало под общим руководством князя, но не было подчинено ему безусловно. Нередки случаи, когда городские “вон” прямо нарушали княжеские распоряжения. Князья Святополк, Владимир и Ростислав во время похода 1093 г. решили не переходить Стугну, стремясь избежать столкновения с половцами. Однако киевляне не согласились с этим решением, они постановили двинуться “на ону сторону реки”, и князья вынуждены были следовать за земской ратью.

Своей численностью городской “полк” по крайней мере на порядок превосходил княжескую дружину. Неудивительно, что в случае конфликта князя с городом, когда горожане расторгали договор с князем и “казали ему путь чист”, неуголному “самодержцу” ничего не оставалось, как подчиниться и отправиться по указанному пути искать другого “стола”. Для вооруженного противодействия сил дружины явно было недостаточно.

Суверенитет древнерусских городов-государств ярко проявляется в том, что они вступали в дипломатические сношения – “правили посольства” друг к другу и в отдаленные страны. В 1164 году к византийскому императору Мануилу прибыли “Киевский сол (посол) и Суждальский сол Илья, и Переяславский, и Черниговский”. В 1229 году для заключения договора с Ригой и Готским берегом отправились послы “от Смолнян”, то есть послы городской общины участвовали в заключении договора наряду с княжескими и отдельно от них. Существовал и институт “международного посредничества”: в 1135 г. “ходил Мирослав посадник из Новгорода мирить киевлян с черниговцами”, успеха акция, правда, не имела.

В целом позволительно утверждать, что политическая система древнерусской волости была вполне “демократической” (постоянно имея в виду условность и неточность употребления современной политической терминологии по отношению к такой удаленной эпохе). По всей видимости, в рамках города существовал некий олигархический орган. Однако скудные сохранившиеся источники не позволяют сказать ничего определенного относительно статуса упоминаемых в них “старцев градских”, с которыми, например, в 988 г. держит

совет относительно принятия новой веры князь Владимир Святославич. Во всяком случае, не будет большим преувеличением утверждать, что русские волости не отличались в этом отношении по своему устройству от античных полисов и городов-государств средневековой Европы. Но только в античном полисе не было князя с дружиной, а русский город не знал западноевропейской “коммунальной революции” – этому препятствовала сама его структура, он состоял из княжеских и боярских дворов-кварталов. Один из лучших знатоков Древней Руси И. Я. Фроянов пришел к заключению, что “с помощью веча, бывшего верховным органом власти городов-государств на Руси второй половины XI – начала XIII в., народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении”. Едва ли положение было существенно иным в предшествующие два столетия.

Изучение всего комплекса источников, доступных нам, неизбежно приводит к выводу, впервые сформулированному историком древнерусского права В. И. Сергеевским еще в начале XX столетия: “Наша древность не знает единого “государства Российского”; она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств”. Трудно говорить о Древней Руси как о едином государстве при отсутствии единой административной организации, единого “экономического пространства” и даже общего наименования, охватывающего все русские земли-волости, население которых, довольно резко различавшееся хозяйственными и культурными обычаями, невозможно представить в виде “единой древнерусской народности”.

Наши летописи говорят о “русской земле” в совершенно своеобразном смысле, и значение этого словосочетания остается не вполне ясным. В частности, в 1145 г. “вся Русская земля” ходила походом на... Галич. С помощью скрупулезного анализа семисот упоминаний “русской земли” в памятниках домонгольской эпохи, проведенного В. А. Кучкиным, было установлено, что словосочетание это используется в двух различных значениях. “Русской землей” “в узком смысле” именуются южные волости в нижнем течении Днепра, южного Буга и Днестра. Причем в состав этой “русской земли” никогда не включаются области Великого Новгорода, Полоцка, Смоленска, Суздаля (Владимира), Рязани, Муром, Галича и Владимира на Волыни. Относительно смысла и происхождения этого словоупотребления нет даже убедительной гипотезы. Помимо этого, словосочетание “русская земля” употребляется “в широком смысле”, и тогда оно охватывает не только те земли, которые мы и сейчас назвали бы русскими, но и болгарские, польские, валахские, а позднее и литовские города. В основе этого объединения лежал принцип единства церковнославянского языка. Таким образом, “русская земля” “в широком смысле” – совокупность земель, исповедующих истинную веру, связанную с церковнославянским языком, то есть вообще православный, богоспасаемый мир. Но это представление древнерусских книжников мало влияло на политические реалии Древней Руси, которая предстает совокупностью независимых земель, объединяемых общностью веры, княжеской династии и языка.

С домом и дружиной

Обращаясь к летописям, мы обнаруживаем, что князь – совершенно необходимый элемент социально-политической организации древнерусского общества. Случаи, когда та или иная волость временно оказывалась в положении “безкняжья”, неизменно привлекают внимание летописца. Летописец, повествуя о конфликте родного Владимира с Ростовом и Суздалем, отмечает как чудо и проявление особого божественного благоволения, что владимирцы выстояли в этой борьбе целых семь недель “безо князя будуще”. Вольнолюбивые новгородцы и те, оставшись на полгода без князя, “не стерпели без князя сидеть”. С князем горожане чувствовали себя спокойнее: когда Изяслав Мстиславич, отлучавшийся из Киева

на несколько месяцев для поездки в Новгород и Смоленск, вернулся обратно, радовалось все “людье”.

Радость эта легко объяснима. Князь выступает в наших древнейших памятниках прежде всего как организатор обороны, и его отсутствие приводило к существенному ущербу “обороноспособности” волости. В 1152 году дружина князя Изяслава не смогла остановить половцев у днепровского брода, поскольку князя с ними не было, а “боярина не вси слушают”. Необходимость быть при войске и вдохновлять его своим примером отлично сознавали и сами князья, признавшие в один голос на одном из княжеских съездов – снемов: “Не крепко быются дружина и половцы, если с ними не ездим сами”. Древнерусский князь во многом сохраняет черты военного предводителя родоплеменной эпохи. Например, он должен принимать непосредственное участие в битвах в качестве передового бойца.

Идеальный князь денно и ночно сам печется о военном “наряде”. В “Поучении” Владимир Мономах наставляет детей своих: “На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано”.

Главная добродетель князя – храбрость, отвага. Волость могла изгнать князя, проявившего трусость, то есть обнаружившего, как сказали бы сейчас, “неполное служебное соответствие”. В 1136 году новгородцы изгнали князя Всеволода Мстиславича за то, что тот уехал из похода “впереди всех”. Смерть князя на поле брани считалась нормой. “Дивно ли, если муж пал на войне? – писал Мономах о гибели собственного сына Изяслава. – Умирали так лучшие из предков наших”.

Помимо собственно руководства военными действиями на князе лежала обязанность снабжения дружины оружием и конями, для чего князьям приходилось организовывать внешнеторговые предприятия и заводить собственные “села”, где разводили боевых коней.

Другой важнейшей задачей князя было поддержание внутреннего порядка. “Княж двор” был местом суда, а судебные разбирательства со временем превратились в повседневное занятие князя. В распорядке дня Владимира Мономаха было установлено специальное время, когда он должен был “люди оправливати”. В тех случаях, когда князь по немощи и болезни, как, например, Всеволод Ярославич на склоне лет, отходил от судебных дел, поручая их своим помощникам – тиунам, “княжа правда”, по выражению летописца, переставала доходить до людей.

Княжеский суд должен был быть “истинен и нелицемерен”, что в значительной степени гарантировалось его открытостью, гласностью и “равноудаленностью”, не случайно в принципиально ограничившем княжескую власть Новгороде князь остался прежде всего судьей. Состязательный процесс, в котором тяжущиеся стороны доказывали свою правоту, проходил “пред людьми”. В судебном процессе активную роль играли разного рода свидетели – видоки, послухи, поручники, – отзыв которых позволял князю верно выбрать подлежащую применению к разбираемому случаю норму традиционного, обычного права. С начала XI в. нормы обычного права начинают дополняться писаным законодательством. Около 1016 г. создается Правда Ярослава, между 1054 и 1068 гг. – Правда Ярославичей, затем появляются Уставы Владимира Мономаха. Но следует обратить внимание на то, что законодательство не было исключительной прерогативой князя. В перечне “мужей”, участвовавших в разработке и утверждении Правды Ярославичей, помимо членов их дружин указаны земский воевода Коснячко и просто “киевлянин Микифор”. Для составления Устава о резах (резы – проценты по займу), первого в нашей истории свода коммерческого законодательства, Владимир Мономах “созва дружину свою... Ратибора Киевского тысячьского, Прокопью Белгородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского”. Несмотря на скудость данных, которыми мы располагаем, можно утверждать, что участвовало в законодательстве и вече. В предисловии к Уставной грамоте князя Ростислава смоленской еписко-

пии указывается, что князь готовил этот акт “сдумав с людми” (просто людьми, в отличие от княжеских приближенных – “мужей”, именовались в то время все свободные жители земли-волости).

Князь действует не в одиночку, он всегда появляется в памятниках в окружении своей дружины. Дружина в глубокой древности, по всей видимости, обозначала боевой отряд племени или мужской союз, составлявший единицу общеплеменной военной организации, подобную тем, какие европейцы еще в XVIII в. могли наблюдать у индейцев Северной Америки.

Князь и его дружина соединены общностью очага и хлеба, это своеобразная военная община. Оторвавшись и изолировавшись от общины свободных людей, дружина как корпорация профессиональных воинов воспроизводила общинные порядки в своем внутреннем устройстве. Среди дружинников князь не господин, но только первый между равными. Как отмечал византийский автор Лев Диакон, лично видевший князя Святослава Игоревича, “его белые одежды не отличались от одежд его людей и были лишь чище”.

Князь должен был считаться с мнением дружины, без которой существовать не мог. Князь Святослав Игоревич отказался принять христианство, несмотря на решительные уговоры матери, опасаясь насмешек дружины. Характерен в этом смысле эпизод, помещаемый летописью под 945 г., о гибели Игоря в древлянской земле. Дружинники Игоря возмутились, что князь плохо содержит их, и завидовали дружинникам боярина Свенельда, которые “изоделись оружием и одеждой, а мы наги”. “И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его”. Тем самым мы видим, что Игорь уступил требованию своей дружины и отправился к древлянам за дополнительной данью, презрев как соображения о несправедливости повторного собирания дани, так и соображения личной безопасности.

Схожий рассказ читаем в летописи за 996 г. На пиру у князя Владимира Святославича дружинники принялись роптать, что им приходится есть деревянными ложками, а не серебряными. Услышав это, Владимир немедленно “повелел исковать серебряные ложки”. Летописец, ставивший перед собой задачу нарисовать идеальные отношения между князем и дружиной, вкладывает в уста князя такое объяснение его поступку: “Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра”.

Как правило, дружина следует за своим князем, переходящим со “стола” на “стол”, разделяя его удачи и невзгоды. Но не обязательно. Так, в 1146 г. князь Святослав Ольгович вынужден был бежать из Новгорода Северского под натиском своего противника Изяслава Мстиславича, “дружина же его – иные пошли с ним, а други оставили его”. Когда Ярослав Святославич был принужден бежать из Владимира в “угры” (Венгрию), его бояре “отступиша от него”.

Что же привязывало дружину к князю? Едва ли не главным достоинством князя с точки зрения дружины считалась щедрость. Хороший князь удостаивался похвалы летописца, если “любил дружину, золота не собирал, имения не щадил, но раздавал дружине”. Между прочим, пир – это не только многодневная гульба, но и своеобразное политическое учреждение той эпохи, когда власть еще не окончательно отделилась от народа. Именно там князь общался с подданными, творил суд, выслушивал просьбы, отличал заслуживших: так вот “поступил на работу” былинный “мужичище-деревенщина” Илья Муромец – в качестве современных анкет и резюме он предъявил пленного Соловья-разбойника.

Там князь назначал на службу и жаловал своих богатырей-дружинников, раздавал им золото и серебро – кубки, мечи, кольца и т. п. Причем раздаваемые предметы не составляют богатства, материальной ценности в нашем современном понимании. По понятиям людей того времени, в золоте и серебре аккумулируются удача, счастье и благополучие. “При этом

золото и серебро сами по себе, – как отмечал один из лучших знатоков европейского Средневековья А. Я. Гуревич, – не содержат этих благ: они становятся сопричастными свойствам человека, который ими владеет, как бы “впитывают” благополучие их обладателя и его предков и удерживают в себе эти качества”. Раздавая золотые чаши и кольца, князь делился своей удачей.

Вместе с даром к его получателю переходила часть удачи, счастья дарителя. Акт дарения устанавливал зависимость получателя от дарителя. Дар, не возмещенный равноценным даром или верной службой, становился угрозой чести и даже жизни принявшего дар.

Характерно, что дружинники, взыскую внешних признаков богатства, связанного с удачей, никогда не требовали земельных пожалований. Земля в Древней Руси до XII в. не стала феодальной собственностью. Ее было слишком много, а границы обрабатываемых земель, которые только и могли стать основанием феодальной условной службы, невозможно было установить, поскольку расчищенные от леса угодья быстро “выпахивались” и земледелец приступал к раскорчевке нового лесного участка. По всей видимости, именно это обстоятельство затормозило в Восточной Европе развитие классических феодальных отношений. Эти отношения, сопряженные с появлением земельного владения – вотчин, складываются в XII–XIV вв. и так и не приводят к появлению на Руси известной по школьным учебникам феодальной иерархии.

Понятно, что при таком способе формирования дружины она не могла быть велика. Для того чтобы обзавестись дружиной, князь должен был совершить немало удачных военных предприятий и раздать много злата. По свидетельствам иноземных путешественников, косвенное подтверждение которым находится при археологических раскопках дружинных “городищ”, у князя, находившегося в зените карьеры, дружина насчитывала от 100 до 400 воинов.

Состав княжеской дружины сложен. Влиятельную “старшую дружину” составляли бояре (происхождение и точное значение этого слова по сей пору неясно, в источниках наряду с ним используются как синонимы “огнищанин”, “русин”, “княж муж” или просто “муж”), часто имевшие собственные дружины. Это соратники и сотрудники князя, пользовавшиеся правом свободного выбора, кому служить. По всей видимости, старшая дружина была по своему происхождению дружиной “отцовской” и потому не только чество, но и возрастом буквально старшей. “Младшая дружина” состояла из “гридей”, “отроков” и “детских” – боевых слуг князя, людей несвободного состояния.

Судьба двух этих частей дружины была различной. Старшая часть (члены которой периодически получали временные назначения судить и собирать дань с известной территории и постепенно заводили более прочные связи в земле-волости) уже с XI в. обзаводилась земельной собственностью и теряла подвижность, переставала перемещаться вместе с князем. Младшая дружина по мере разрушения архаических дружинных отношений постепенно сливается с “двором” князя – служебной организацией, обслуживающей княжеское хозяйство.

Кочующие “самодержцы”

Несмотря на значительный вес в обществе и важность отправляемых князем функций, он так и не стал в Древней Руси подлинным монархом, государем. Прочная монархическая власть невозможна без земельной собственности, но, как установил еще В. О. Ключевский, в Древней Руси “понятия о князе как территориальном владельце, хозяине какой-либо части Русской земли, имеющем постоянные связи с владимой территорией, еще не заметно”.

В советской исторической литературе, трудами главным образом академика Л. В. Черепнина, была разработана концепция верховной княжеской собственности на землю.

Однако трудно представить верховным собственником князя, который, приезжая в ту или иную волость, должен был рядиться с вечем и принимать выдвигаемые вечевой общиной условия. Акт княжеского призвания никак не сочетается со статусом собственника. Как писал авторитетный историк-юрист К. Д. Кавелин, “отношений по собственности нет и не может быть, потому что нет прочной оседлости. Князья беспрестанно переходят с места на место, из одного владения в другое, считаясь между собой только по родству, старшинством”.

Действительно, князья Рюриковичи постоянно перемещаются из одной земли-волости в другую. В этом их коренное отличие от князей – племенных вождей древнейшей эпохи. Общеславянское слово “князь”, родственное древненемецкому *kuning*, обозначало первоначально старейшину рода. Воспоминание об этом архаическом значении слова удержалось в русских свадебных песнях, в которых жениха и невесту как основателей нового рода, родоначальников, именуют “князем” и “княгиней”. Варяги, подчиняя себе славянские земли вдоль днепровского торгового пути, довольствовались установлением даннических отношений, оставляя подчиненные племена жить прежним бытом со своими племенными князьями.

В уже упоминавшемся договоре, заключенном киевским князем Олегом с греками в 907 г., указывалось, что дань полагалась на все русские города “ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу”. Нет никакого основания видеть в этих великих князьях потомков Рюрика. Выделение “Рюрикова рода” из общей массы “князья” происходит постепенно. По всей видимости, племенные княжеские династии пресеклись, а уцелевшие представители их влились в состав боярства в результате длительного процесса “примучивания” (то есть подчинения) киевскими Рюриковичами окрестных славянских племен. В 945 году во главе древлян мы видим еще их собственного князя Мала, но к исходу этого столетия во всех русских землях наблюдаем только потомков Рюрика, заметно размножившихся и образовавших несколько конкурирующих династических линий.

Отношения между князьями Рюриковичами довольно сложны. Неоднократно историками предпринимались попытки объяснения их на основании какого-либо единого принципа. Наибольшей популярностью пользуется до сих пор предложенная С. М. Соловьевым и развитая В. О. Ключевским гипотеза “очередного порядка” или “лестничного восхождения” князей. В соответствии с этой гипотезой Русь находилась в нераздельной собственности всего рода Рюриковичей. При этом существовало понятие об иерархии земель (старшим городом считался Киев, за ним шли Чернигов, Переяславль и т. д.) и параллельной иерархии княжеского рода по старшинству. После кончины очередного киевского князя две эти иерархии должны были заново приводиться в соответствие: на киевский престол переходил старший во всей династии Рюриковичей (как правило, это был не сын, а брат почившего князя), следующий за ним по старшинству перебирался в Чернигов и так далее. Однако и этот порядок, по мнению авторов гипотезы, устанавливается только со времени Ярослава Мудрого, а до того, по мысли В. О. Ключевского, “при отце сыновья правили областями в качестве его посадников”, когда же отец умирал, “разрывались все политические связи между его сыновьями... между отцом и детьми действовало семейное право, но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права”. Эта гипотеза позволяет объяснить гораздо меньшее число фактов, нежели остается фактов, ей противоречащих, так что Ключевскому приходилось признавать, что этот “очередной порядок” “действовал всегда и никогда – всегда отчасти и никогда вполне”.

Прямо противоположную гипотезу выдвинул в конце XIX в. историк-юрист В. И. Сергеевич. Он настаивал, что все отношения между князьями “Рюрикова дома” носят исключительно договорный характер. Этими договорами, до XIV в. заключавшимися в устной форме, устанавливались вполне произвольно взаимные отношения старшинства князей по “чести” вне зависимости от кровного родства. Князь, испытывая судьбу, считал себя вправе

“искати” любого стола и в случае удачи приобретал более “чести”. Князь, признававший себя по такому договору “братом младшим”, мог приходиться в действительности своему “брату старейшему” дядей. Средством выяснения взаимного старшинства служили почти непрерывные княжеские “усобицы” (вооруженные конфликты, в которых князь воевал “о себе” – отсюда слово “усобица”, – а не за земские интересы).

Несмотря на то что в рамках обеих гипотез было сделано много полезных наблюдений, ни одна из них не может претендовать на полное описание реального механизма междукняжеских отношений. Перемещение князя из одной волости в другую определялось множеством факторов – княжескому стремлению занять определенный стол могло воспрепятствовать как противодействие другого князя-претендента, так и вмешательство интересов главного областного города, мало считавшегося с княжеским старшинством.

Первой попыткой установления наследственности княжеских столов считается предсмертное завещание Ярослава Мудрого. Этот “ряд Ярославль” в изложении Лаврентьевской летописи предписывал:

“Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск”. И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: “Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают”. И так наставлял сыновей своих жить в любви.

Ни из чего не следует, что это предсмертное распоряжение Ярослава – акт частного права – имело значение общегосударственной нормы. Даже собственные дети не исполнили его завещания. Мирное соправление Ярославичей продолжалось недолго. В 1073 году между ними началась кровопролитная усобица, продолжавшаяся до 1078 г., после завершения которой князья стали предпринимать энергичные усилия к установлению большего порядка в междукняжеских отношениях. Однако известное постановление княжеского съезда, собравшегося в Любече в 1097 г., гласящее: “...каждый да держит отчину свою” (то есть не ищет других княжений, кроме тех, которые занимали его непосредственные предки), – еще долгое время оставалось благим пожеланием. Лишь постепенно происходит закрепление определенных земель за определенными княжескими линиями. Эта общая тенденция отчасти была связана с “оседанием на землю” дружины. Отчасти укрепление княжеской власти и более тесная связь князя с известной волостью возникали вследствие того, что в каждой волости со временем увеличивался удельный вес населения, находящегося под непосредственной княжеской юрисдикцией.

Помимо княжеских “мужей”, дружины, под собственной юрисдикцией князя вне власти земских городских органов оказывались знаменитые смерды – одна из самых загадочных категорий населения древнерусской волости, о статусе которой на протяжении столетия шли в науке ожесточенные споры. Смерды выступают как один из разрядов неполноправного населения, что выражается в пониженном штрафе за убийство смерда и низкой цене его службы. В 1016 году Ярослав, награждая участников похода, приведшего его на киевский стол, выдал “смердам по гривне, а новгородцам по десять гривен всем”. Однако харак-

тер неполноправности смерда из юридических памятников неясен. Многие историки трактуют смердов как категорию феодально-зависимого населения, однако смерды не находятся в частной зависимости, а являются княжескими людьми. В частности, выморочное имущество смерда отходит князю.

Ключ к пониманию положения смердов дает наблюдение, сделанное И. Я. Фрояновым: тогда как свободное население волости, “люди”, платит полюдье – общегосударственный налог, смерды всегда в источниках оказываются плательщиками дани, которая имеет значение военной контрибуции или платы за несостоявшийся набег. Смерды наших древнейших памятников (с XIV столетия это просто бранное слово) – недавно покоренные и обложенные данью племена, как правило неславянские. Толковать несвободное состояние этих “внешних смердов” как феодальную зависимость не представляется возможным. Они жили традиционным бытом и внутри своих общин были свободны, но община смердов как целое облагалась данью. Помимо них существовали “внутренние смерды”, то есть представители тех же племен, переселенные вглубь земли-волости на положении государственных рабов. Князья изначально несли в волости обязанность “блюсти смердов”, составлявших тем самым собственную социальную опору князя, со временем увеличивавшуюся.

С тремя политическими силами, которые так наглядно взаимодействуют в легенде о призвании Рюрика, связаны различные варианты исторического пути городов-государств Древней Руси. Постоянная борьба трех политических сил приводила в разных землях к различным результатам. В киевской и северо-западных волостях постепенно усиливаются демократические вечевые институты, в Юго-Западной Руси заметны олигархические тенденции, связанные с усилением положения боярства. Здесь бояре сожгли на костре любовницу князя Ярослава Осмомысла, когда он захотел передать престол сыну от нее в обход сына от законной жены, а на княжеском столе некоторое время сидел боярин Владислав Кормилич (единственный случай на Руси). На северо-востоке – во Владимиро-Суздальской области – обозначились монархические тенденции. Однако борьба эта была далека от завершения, и условия для становления монархии (и то первоначально только во Владимиро-Суздальской Руси) сложились уже за пределами древнерусского периода отечественной истории.

Подробнее на эту тему

- Вернадский Г. В. *Киевская Русь*. М., 2001 (<http://gumilevica.kulichki.net/vGv/vgv2.htm>).
- Данилевский И. Н. *Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII в. в.)*. М., 1999 (<http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/index.htm>).
- Пресняков А. Е. *Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий*. М., 1993.
- Сергеевич В. И. *Русские юридические древности*. СПб., 1902.
- Фроянов И. Я... *Начала русской истории*. М., 2001.

Меж Ордой и орденом 1252

24 июля 1252 г. в канун памяти святых Бориса и Глеба под стенами Владимира явилась ордынская рать. Событие было чрезвычайное по многим причинам. Двенадцать лет на Руси не видали вооруженных монголов. К тому же на сей раз пришли они не сами собой, а были “наведены” одним из русских князей на другого. А что еще более существенно, приход войска царевича Неврюя по просьбе князя Александра Ярославича означал, что этот сильнейший из князей Северо-Восточной Руси сделал окончательный выбор в пользу союза с Ордой – выбор, в значительной степени определивший весь дальнейший ход отечественной истории, ибо с прихода “неврюевой рати”, собственно, и начинается установление на Руси ордынского ига.

Нашествие и иго

Тринадцатое столетие – век глубокого перелома в истории Руси. Со времени выхода в свет “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина перелом этот связывают с установлением “монгольского ига”. Это удивительное слово в значении формы военно-политической зависимости со “страдательным” оттенком, впервые введенное в ученый обиход Карамзиным, пережило в школьных учебниках императорский и советский периоды и удерживается до сих пор.

Иго (латинское *jugum* от *jungere* – “соединять”) – всего-то навсего воловье ярмо, которое надевали на шею побежденному предводителю варваров во время триумфального входа военачальника-победителя в Рим. Выбирая именно это слово, Карамзин следовал библейской церковнославянской традиции, в которой оно употребляется в двух смыслах: как ярмо, бремя, тяжесть (в прямом и переносном смысле) и как владение, господство.

Обычно такие художественные образы в научном и школьном обиходе не приживаются, но “игο” живет уже второе столетие. Живучесть слова, по всей видимости, объясняется его замечательными “камуфляжными” свойствами, благодаря которым в массовом сознании россиян двухсотлетние отношения с Ордой представляются едва ли не непрерывным Батыевым погромом.

Если присмотреться внимательно, то окажется, что под игοм понимается форма даннических отношений, при которых русские князья обязаны были периодически выплачивать ордынским ханам денежную дань и предоставлять войска для ордынских походов, а взамен получали ханский ярлык на княжение – удостоверение, что предъявитель находится под защитой и покровительством хана. Отношения такого типа были широко распространены как в Западной Европе, так и на Востоке и в своей наиболее известной форме называются вассальными отношениями. Ничего унижительного, по средневековым понятиям, даннические отношения не заключали. Для чего же понадобилось называть эти отношения туманным словом “игο”?

Ответ, по всей видимости, заключается в том, что “игο” позволяет избежать бестактного разговора об обстоятельствах и способах установления этой зависимости. “Иго” продолжает воспроизводиться в наших учебниках, чтобы закамуфлировать тот неприятный факт, что зависимость Северо-Восточной Руси от Золотой Орды есть результат сознательного выбора и целенаправленной политики князей.

Едва ли не во всех доступных широкой публике учебниках и популярных исторических сочинениях дело представляется так, будто пресловутое игο установилось сразу после Баты-

ева нашествия 1237–1240 гг. Беда, однако, в том, что даннические отношения такого рода не “возникают”, не “складываются” и не “устанавливаются” сами собой. Это договорные отношения, и они должны быть зафиксированы юридически значимым актом. В Западной Европе вассал должен был, став на колени, произнести формулу присяги – оммажа, сюзерен – нанести ему символический удар мечом плашмя по спине и также произнести свою часть ритуальной формулы; в Монгольской империи был особый ритуал, скреплявший отношения старшего хана с поступающим под его власть “улусником”.

Первым из русских князей совершил этот обряд по монгольскому обычаю великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Старейшее из сохранившихся до нашего времени повествований об этих событиях – Лаврентьевская летопись – эпическим слогом сообщает, что в 1243 г. великий князь Ярослав поехал к Батыю, а сына своего Константина послал к великому хану в Каракорум; Батый же “почтил Ярослава великою честью” и даровал ему старейшинство во всей Руси³. То есть князь по собственной воле отправился в Сарай на Нижней Волге – кочевую ставку только что вернувшегося из похода в Западную Европу Батыя, принес присягу, по-монгольски – шерть, и сделался данником хана.

На следующий год его примеру последовали другие князья Северо-Восточной Руси – Владимир Константинович, Борис Василькович, Василий Всеволодович поехали в Орду и получили от Батыя ярлыки на свои “отчины”.

Учебники даже если и упоминают об этих поездках, то, как правило, объясняют покорность князей Северо-Восточной Руси непреодолимостью монгольской силы, которой не могли противостоять разобщенные земли и княжества, опустошенные нашествием. Все эти традиционные аргументы имеют силу только с существенными оговорками.

Древнейшие наши летописи при описании нашествия действительно всячески подчеркивают многочисленность, силу и неутомимость “татар”. Однако летописный текст не следует понимать буквально, летопись – не столько описание, сколько способ осмысления событий. Нашествие “иноплеменных” рассматривалось книжниками как бич божий, кара господня, а монголам приписывались черты библейских “нечистых” народов, появление которых знаменует начало светопреставления. Летописные фрагменты, повествующие о нашествии, часто буквально совпадают с текстами библейских пророчеств.

Ранние летописи по этой причине не содержат никаких цифр. Единственное точное указание численности монгольского войска находится в позднейшем и недостоверном источнике, знаменитой “Задонщине”, где сказано, что “у Батыя было четьреста тысяч окочанная рати”, то есть только тяжелой конницы. Это, разумеется, преувеличение, такого множества бойцов не было во всей Монголии XIII в. Противоположную крайность представляет мнение Льва Гумилева, утверждавшего, что “у Батыя и его братьев было всего 4 тысячи всадников”. Однако невозможно представить себе, чтобы такое малочисленное войско прошло без единого поражения от Волжской Булгарии до Адриатики, разгромив не только русские полки, но и шестидесятитысячную польско-немецко-моравскую рать в битве при Легнице. Широкое распространение получили расчеты В. В. Каргалова, оценивавшего общую численность Батыева войска в 120 тыс. воинов на том основании, что обычно монгольские ханы командовали в походе туменом (по-русски – тьма, отряд численностью 10 тыс. человек), а вместе с Батыем пришло от 12 до 14 ханов. Но цифра, полученная Каргаловым, по всей видимости, требует уточнения. В современной научной литературе большее доверие вызывает другой способ расчета. В 1235 году на съезде монгольской знати – курилтае – было решено отправить в Великий поход на Запад половину всех имперских сил, то есть, по

³ “Великий князь Ярослав поеха в Татары к Батыеву, а сына своего Костянтина посла к Канови; Батый же почти Ярослава великою честью и мужи его, и отпусти, и рек ему: “Ярославе! буди ты старей всем князем в русском языке”. Ярослав же възвратися в свою землю с великою честью”.

расчетам современных демографов, примерно 70 тыс. человек. Войско действительно немалое, но едва ли можно говорить о подавляющем превосходстве монголов в живой силе даже во время кампаний 1237–1240 гг., не говоря уже о времени после 1242 г., когда значительные силы, подчинявшиеся непосредственно императорскому правительству, оставили приволжские степи, где Батый образовал собственное государство – Золотую Орду. Название, кстати, условное, оно появляется в русских источниках XVI в., когда основанная Батыем держава уже распалась на отдельные ханства. Сами монголы называли эту территорию “улусом Джучи”, то есть земель, принадлежащей сыну Чингисхана Джучи и его наследникам.

Степень разорения Руси в 1237–1240 гг. также сильно преувеличивается в результате излишнего доверия историков летописным эсхатологическим описаниям. Смоленское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и большая часть Новгородской земли вообще не были затронуты нашествием. Но и взятие Батыем того или иного города было событием, разумеется, трагическим, однако отнюдь не катастрофическим. Все крупные города, которыми овладели монголы, в дальнейшем продолжали существовать в качестве значительных центров. Летописное известие о том, что “весь Киев разбежался”, “не терпя татарского насилия”, относится к 1300 г., то есть окончательный упадок Киева наступил через семь десятилетий после нашествия и под влиянием совершенно иных факторов. Единственная столица крупного древнерусского княжества, на месте которой нет современной городской застройки, Старая Рязань, длительное время претендовала на звание русских Помпеев – города, погибшего в одночасье под ударами монголов. Но это представление не соответствует летописным и археологическим источникам. “Повесть о разорении Рязани” описывает восстановление города непосредственно вслед за нашествием таким образом: “Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя”. Археологические изыскания последних десятилетий подтверждают, что Старая Рязань в течение по крайней мере столетия после нашествия не только была оживленным городом, о чем говорит обилие керамики второй половины XII – начала XIV в., но и сохраняла статус важного политического центра. Об этом, в частности, свидетельствует обнаруженная здесь медная пластина, украшенная золоченым рисунком поверх черного лака. Эта очень дорогая техника, как правило, употреблялась для украшения парадных дверей главных соборов крупнейших городов. Замечательно, что старорязанская пластина датируется XIV в.

В целом современные археологи убеждены, что упадок многих поселений, ранее приписывавшийся монгольскому нашествию, произошел существенно позже и под действием факторов климатического характера. Появление монголов совпало с длинной чередой чрезвычайно дождливых лет, в результате чего старые пашенные участки в речных долинах были заброшены, зато велась распашка более возвышенных земель на водоразделах. Население перемещалось и вследствие истощения лесных угодий, что негативно сказывалось на лесных промыслах и связанной с ними торговле пушниной, медом и воском. Эти перемены неизбежно должны были привести (и в полстолетия привели) к изменению сравнительной мощи городских поселений, некоторые из которых пришли в упадок, вовсе не пострадав во время “Батыева погрома”. Разруха, вызванная собственно нашествием, продолжалась недолго, и “структуры повседневности” были восстановлены в кратчайшее время. Показательно, что уже в 1239 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович собрал довольно сил для крупного похода и разорил город Каменец на границе Киевских земель, где княжил в это время его противник Михаил Черниговский, а на обратном пути разбил

литовский отряд, вторгшийся в пределы смоленской земли, и “урядил” смолян, “посадив” им против их воли князя Всеволода Мстиславича.

Таким образом, современная наука накопила немало доказательств того, что разрушительные последствия монгольского нашествия в традиционной литературе сильно преувеличены. Страна хотя и понесла значительные потери, но сохранила достаточно сил для сопротивления монголам и отстаивания независимости. Так, во всяком случае, считали многие влиятельные современники событий, князья и лидеры городских общин. Ориентация Северо-Восточной Руси на союз с Ордой утвердилась в результате острой внутренней борьбы.

Водружение ярма

Для того чтобы отбиться от монголов, разумеется, нужны были совокупные усилия всех русских княжеств. И надо заметить, что удельный порядок вовсе не препятствовал организации совместных военных предприятий, в которых нередко принимали участие практически все русские земли (как в походе Андрея Боголюбского на Киев в 1174 г.). В марте 1238 г. в битве на реке Сити монголам противостояли соединенные силы Владимирского, Ярославского, Углицкого и Юрьевского княжеств, однако их было явно недостаточно. Соединение усилий Северо-Восточной и Юго-Западной Руси было вполне возможно, а кроме того, для борьбы с монголами можно было опереться на помощь внешнего союзника.

Такого союзника естественно было искать на Западе. Вся Европа в те времена, несмотря на взаимные анафематствования в 1054 г. папы римского и константинопольского патриарха, еще считалась относительно единым “христианским миром”, номинальным главой которого был папа. Одним из первых русских князей вступил в переговоры с папской курией Михаил Черниговский, отправивший в 1245 г. на Лионский собор своего кандидата на Киевскую митрополичью кафедру – игумена Петра Акеровича. В том же 1245 г. вступил в сношения с Римом Даниил Галицкий, выразивший готовность в ответ на помощь против татар признать “Римскую церковь матерью всех церквей”. Великий князь владимирский Ярослав Всеволодович также, по всей видимости, не рассматривал присягу Батюю как окончательное и бесповоротное решение вопроса о политической ориентации. Во всяком случае, в 1246 г., во время поездки в столицу Монгольской империи Каракорум, куда он был вызван для “утверждения” великим ханом (Золотая Орда номинально оставалась частью монгольской державы, и назначенцам Батыя требовалось утверждение великого хана), он вел переговоры о союзе с папским легатом Джованни дель Плано Карпини и, по уверению Карпини, согласился принять покровительство римской церкви. Не исключено, что эти переговоры, о которых донес Туракине – матери великого хана Гуюка, фактической правительнице империи – русский толмач Темер из свиты Ярослава, и послужили причиной убийства князя в Каракоруме. По свидетельству Карпини, он был отравлен “матерью императора, которая как бы в знак почета дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело”.

Великим князем владимирским в соответствии с традиционным порядком стал младший брат Ярослава Святослав Всеволодович. Но уже в конце 1247 г. его племянники Александр и Андрей Ярославичи отправились к Батюю. Они оспаривали великокняжеский стол, ссылаясь на акт ханского пожалования их отцу и указывая, что ханское пожалование сильнее обычая. Батый не решился своей властью разрешить спор и отправил братьев в Каракорум.

В 1249 году новая правительница империи вдова хана Гуюка Огуль-Гамиш признала Александра Ярославича “старейшим” среди русских князей: он получил Киев. Но великое

княжение владимирское было пожаловано Андрею. Александр предпочел не ехать в удаленный и сильно разоренный город и продолжал княжить в Новгороде.

Андрей Ярославич, сев во Владимире в качестве ставленника Каракорума, попытался не только проводить политику, независимую от Золотой Орды (что облегчалось конфликтом внутри империи – у Батыя были натянутые отношения с кланом Гуюка), но вместе с младшим братом Ярославом, княжившим в Твери, начал создавать коалицию для совместной борьбы с монголами. Он заключил союз с сильнейшим князем Южной Руси Даниилом Романовичем Галицким. Союз был скреплен в 1250 г. браком Андрея с дочерью галицкого князя, несмотря на то что при этом нарушались нормы церковного – канонического – права, не допускавшие брака между близкими родственниками, в данном случае двоюродными братом и сестрой.

Даниил Романович также готовился выступить против татар и вел интенсивные переговоры с римской курией, которая в этот период стала проявлять большой интерес к русским княжествам как к возможным участникам антимонгольской коалиции. Переговоры Даниила Галицкого с Римом привели в 1246 г. к формальному распространению власти папского престола на Галицко-Волынскую землю. Немногие сохранившиеся документы (до нас дошли папские буллы, но писем русских князей в нашем распоряжении нет) позволяют тем не менее утверждать, что, выражая готовность подчиниться римской церкви, Даниил Галицкий преследовал исключительно политические цели. Не случайно уже в одну из первых папских булл, посланную в мае 1246 г., включено обещание “совета и помощи” против татар. Между тем от прямого подчинения духовной иерархии Риму Даниил сумел уклониться. Выдвинутый им кандидатом на киевскую митрополию княжеский печатник Кирилл в 1246 г. был направлен для утверждения в Никею к патриарху Мануилу II, изгнанному крестоносцами-католиками из Константинополя.

В разгар этих антимонгольских приготовлений удар по создаваемой коалиции неожиданно нанес Александр Ярославич, которому, разумеется, не могло быть приятно назначение на почетный, но утративший всякое значение киевский стол. До времени князь терпел. Изменение положения дел в Каракоруме облегчило ему разрешение задачи. Не благоволившая Батыю Огуль-Гамиш была свергнута 1 июля 1251 г., а великим ханом стал друг и ставленник Батыя Мунке. Между ними, по всей видимости, существовало соглашение о полной автономии Батыева улуса. Руки Батыя оказались развязаны, чем и не преминул воспользоваться Александр Ярославич, которому Батый благоволил.

Лаврентьевская летопись (древнейшая из содержащих рассказ о драматических событиях 1252 г.) кратко сообщает, что ходил “Александр князь новгородский Ярославич в татары, и отпустили его с честью великою, дав ему старейшинство во всей братии его”. По сообщению Василия Никитича Татищева, который, работая в 1730-е гг. над своей “Историей Российской”, пользовался многими не дошедшими до нас источниками, свои притязания на владимирское великое княжение князь Александр подкрепил изветом на брата: “Жаловался Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна”.

В промежутке между прибытием Александра в Орду и возвращением его с “честью” Батый отправил на Русь две карательные экспедиции: одну под командованием Неврюя – против Андрея, другую под руководством Куремсы – против Даниила Галицкого. Андрей и его брат Ярослав были разбиты в сражении у Переславля, после чего Андрей бежал в Швецию, а Ярослава призвали на княжение псковичи”⁴.

⁴ Лаврентьевская летопись так описывает эти события: “Здума Анрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесарем служити, и побеже на неведому землю со княгынею своею и с бояры своими”. “И погнаша Татарове в след его, и

Даниил Галицкий со своей стороны без большого труда отразил нападение Куремсы и повел более решительные переговоры с Римом, требуя в обмен на признание власти папы в церковных делах Южной Руси реальной военной помощи против татар. Дело было улажено в 1253 г.: в обмен на твердое обещание польских князей выставить войско в помощь Даниилу против татар галицкий князь согласился принять от папы королевскую корону.

Получив ярлык на великое княжение и обосновавшись во Владимире, Александр Ярославин, опираясь на монгольскую силу, предпринял шаги по закреплению за собой прав на Новгород, добиваясь признания республикой своим князем того, кто занимал великокняжеский стол во Владимире. Во всяком случае, став великим князем Владимирским, Александр сохранил за собой и новгородское княжение, посадив там своего старшего сына Василия, только с правами наместника.

Новгородцы решительно воспротивились новому порядку. В 1255 году сторонники самостоятельности выгнали из города Василия Александровича и пригласили из Пскова младшего брата Александра, князя Ярослава Ярославича. Александр двинулся на Новгород ратью и, став под городом, потребовал покорности и выдачи своих противников из числа новгородской знати. Горожане раскололись на две партии. “Меньшие” бояре во главе с посадником Ананьей Феофилактовичем, которых поддерживали простые люди (чернь) и купцы, дали клятву стать всем не на живот, а на смерть “за правду новгородскую, за свою отчину”. “Великие” бояре, сторонники Александра, готовились “побита” меньших людей, а князя ввести “на своей воле”. Следует обратить особое внимание на то, что в этот период именно новгородское простонародье твердо стояло за старинные вольности и добилося от князя уступок. Столкнувшись с упорным сопротивлением, Александр Ярославич сбавил тон и вместо выдачи всех “врагов” требовал уже только головы Ананьи, угрожая в противном случае пойти на город “ратью”. Высланные для переговоров с князем архиепископ и тысяцкий достигли компромиссного решения – Ананья должен был лишь оставить пост посадника, который занял ставленник “великих” бояр Михалко Степанович, вскоре возвратился и великокняжеский наместник Василий Александрович.

Но противоборство Александра с новгородцами на этом не завершилось. Вскоре произошло новое выступление новгородской оппозиции. Обстановка в городе обострилась, когда монголы решили ввести в русских землях регулярную систему сбора дани. Для этого в 1257 г. в Новгородскую, Суздальскую, Рязанскую и Муромскую земли были отправлены монгольские “численники”, которые должны были произвести поголовную перепись населения. Александр Ярославин, недавно вернувшийся из очередной поездки в Орду, со своей дружиной сопровождал монгольских переписчиков. Новгородцы взбунтовались, причем на сторону противников подчинения великокняжеским притязаниям и татарским требованиям стал и наместник – сын Александра Ярославина Василий. Новгородцы не дали татарским послам регулярных сборов – “десятины и тамги”, ограничившись дарами хану. Монголы отправились восвояси. Не добившись полной покорности сюзерену, Александр жестоко расправился с мятежниками: Василия “выбил” из Пскова (куда тот бежал при приближении отца) и отослал в Суздальскую землю, а тем, кто подбил его на неповиновение, “овому носа урезаша, а иному очи выимаша”.

Неудача переписи в Новгороде, несомненно, вызвала недовольство Орды. В 1258 году Александр был вызван в Сарай и получил военную подмогу для обуздания новгородцев. В 1259 году дружина Александра Ярославича явилась под Новгородом вновь в сопровождении значительного татарского отряда. Новгородские власти, опасаясь погрома, согласились на ордынскую перепись, но, когда татарские переписчики, сопровождаемые дружинниками

постигоша и у города Переяславля. Бог же сохрани и и молитва его отца. Татарове же россунушася по земли и княгину Ярославлю яша, и дети изымаша, и воеводу Жидослава ту убиша, и княгину убиша, и дети Ярославли в полон послаша, и людии без числа поведоша до конь и скота, и, много зла створивше, отидоша”.

Александра, начали “ездить окаянные по улицам, переписывая дома христианские”, в городе вновь поднялся мятеж⁵. После недолгого сопротивления новгородцы были сломлены и “дали число”, успеху Александра содействовали “великие” бояре, которые, по выражению летописи, творили “себе легко, а меньшим зло”. Александр уехал вместе с татарами, оставив наместником своего второго сына Дмитрия. Так был подавлен еще один очаг сопротивления ордынскому игу.

Союз Александра Ярославича с Ордой предопределил подчинение татарами и Юго-Западной Руси. Даниилу Галицкому, оставшемуся без союзников в русских землях, труднее было добиться помощи католической Европы. Монголы, состоящие в союзе с князем-христианином, перестали казаться Европе опасными. В 1258 году против Даниила было отправлено большое войско под руководством одного из лучших монгольских полководцев, Бурундая, и к 1261 г. сопротивление Юго-Западной Руси было подавлено, Даниил был вынужден даже срыть укрепления многих городов.

Сопротивление установлению ордынского ига на этом, однако, не прекратилось. В 1262 году восстание охватило практически всю Северо-Восточную Русь. В крупных городах – Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле – собрались веча, горожане, взявшие в свои руки власть, изгнали и частью перебили ордынских чиновников и откупщиков дани (часто это были купцы-мусульмане и даже русские люди вроде поразившего воображение современников бывшего монаха Зосимы, принявшего ислам). Позднейшие летописи пытались изобразить русских князей вдохновителями восстания. Устюжская летопись XVI в. даже сообщает, безусловно, вымышленный эпизод о рассылке Александром “грамоты”, “что татар бити”. Но Александр Ярославич, разумеется, не имел отношения к народному движению – ранние летописи ни слова не говорят об участии в нем князей, а хвалебное “Житие” Александра вовсе не упоминает о восстании. При самом начале восстания Александр поехал в Орду, цель и исход этой поездки нам неизвестны. “Житие” и единственная летопись, упоминающая о ее причинах, сообщают, что хан Берке потребовал присылки русских войск для участия в монгольских походах (“гоняхуть христиан, веляще с собою воинствовать”), а князь отправился в Орду, “дабы отмолити людий от беды тоя”. Панегиристы князя предполагают, что в результате его “дипломатических усилий” хан оставил восстание безнаказанным. Но скорее всего, хану Берке, который в это время вел тяжелую войну с ильханом Персии, было не до Руси, и он предоставил разбираться с горожанами самим русским князьям, в преданности которых мог быть вполне уверен. Известно, во всяком случае, что русские отряды впоследствии неоднократно участвовали в монгольских походах.

Таким образом, целенаправленными и долговременными усилиями князя Александра Ярославича ордынское иго над Русью было установлено.

Миф о Крестовом походе

Какие же цели преследовал князь Александр, подводя Русь под ордынское ярмо? Скудость наших источников не позволяет ответить на этот вопрос совершенно однозначно. Поэтому в ходу несколько версий. Традиционная панегирическая трактовка действий Александра Ярославича, несколько модифицированная в 20-е гг. XX в. историками-евразийцами (главным образом Георгием Вернадским) и получившая в последние десятилетия осо-

⁵ Сопротивление переписи помимо чисто прагматического – новгородцы не желали платить дань (ордынский выход), не считая себя связанными обязательствами владимирского князя, – имеет и религиозный мотив. Отказ от “дачи числа” был связан с защитой правой веры. Дело в том, что сам факт исчисления людей в сознании средневекового христианина был делом небогоугодным и прямо греховным. Во всяком случае, ветхозаветный царь Давид глубоко раскаивался в проведении переписи: “И вздрогнуло сердце Давидово после того, как он сосчитал народ. И сказал Давид Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего; ибо крайне неразумно поступил я” (2 Цар. 24, 10).

бенно широкую известность в биологически-пассионарной версии Льва Гумилева, сводится к тому, что князь, заключив союз с Ордой, предотвратил поглощение Северной Руси католической Европой и тем самым спас русское православие – основу национальной самобытности.

В основании этой версии лежит представление о глубоком культурном противостоянии православной Руси и католической Европы, будто бы двинувшейся в XIII столетии на Русь Крестовым походом с целью вернуть православных “схизматиков” “в лоно истинной церкви”. Орда же представляется историками этого направления в идиллическом виде совершенно толерантного и веротерпимого государства, союз с которым не внушал никаких опасений за чистоту православной веры.

Миф о “благодарном” князе, стойко противостоящем католической угрозе, начали творить уже вскоре после кончины Александра Ярославича, в конце XIII в., когда было составлено его знаменитое житие. В этом памятнике, написанном книжником из окружения митрополита Кирилла (который, напомним, получил поставление в Никее – самом антикатолическом месте тогдашнего мира) при участии сына Александра Невского, князя Дмитрия Александровича, вполне заурядная пограничная стычка на Неве впервые приобретает чуть ли не вселенские масштабы столкновения цивилизаций. По сообщению жития, из которого в основном переписываются батальные картины в наши учебники, на Неве в июле 1240 г. высадились не просто ватага шведских искателей приключений – явилась рать “короля части Римьския от полунощные страны”, то есть “католической части Севера”. Широкую известность получил эпизод жития о неудаче католической миссии, присланной для обращения Александра Ярославича. Послы из Рима так говорили князю: “Папа наш сказал: «Слышал я, что ты князь славный и храбрый и что земля твоя велика. Того ради послал я к тебе от двенадцати моих кардиналов двух искуснейших, Агалдада и Ремонта, да послушаешь учения их о законе Божьем»”. Папские посланцы получили отрицательный ответ в предельно резкой форме, князь после раздумья “с мудрецами своими” будто бы отвечал: “Все это нам хорошо известно, а учения вашего мы не примем”.

Ориентация православной церкви на Восток вполне объяснима. Она едва ли могла много приобрести в результате политического союза русских князей с католической Европой и могла потерять очень много в результате обострения отношений с татарами. Церковь в монгольской державе обладала значительными льготами. Только “церковные люди” не подлежали переписи и не несли никаких повинностей. Церковь всячески стремилась упрочить добрые отношения с Ордой, в 1263 г. митрополит Кирилл основал новую православную епархию в столице Золотой Орды Сарае, установив тем самым дополнительный канал постоянных дипломатических сношений с ханами; его примеру вскоре последовала и католическая церковь. Неудивительно, что православные иерархи были верными союзниками Александра Ярославича в его промонгольской политике. Когда князь вернулся из Орды в 1252 г. во Владимир, митрополит Кирилл устроил ему торжественную церковную встречу и сам венчал Александра Ярославича на великое княжение, в 1256 г. митрополит даже сопровождал князя в финский поход, а позднее произнес по нем надгробную речь, где впервые появилась знаменитая позднее формула “зашло солнце земли Суздальской”.

Уже в 80-е гг. XIII в. во Владимире начинается почитание Александра Ярославича как святого, в 1380 г. состоялось открытие мощей, а церковный собор 1547 г. формально канонизировал князя в качестве благоверного, то есть защитника истинной веры. Следует иметь в виду, что все это были периоды обострения отношений русской православной церкви с католиками. На церковном соборе в Лионе 6 июля 1274 г. греческая депутация во главе с печатником константинопольского патриарха Георгием Акрополитом принесла присягу в том, что греки “отрицаются от всякого разделения с римской церковью и признают ее главенство”. И хотя эта Лионская уния, заключенная под давлением византийского императора Михаила

Палеолога, носила чисто политический характер (греки даже сохранили Символ веры без римского добавления об исхождении святого духа “и от сына” – *filioque*), воспринята она была как акт католической экспансии. В этих обстоятельствах и создается образ Александра Невского как стойкого противника католицизма.

Однако в 40-х – начале 50-х гг. XIII столетия монгольская опасность и оживленные контакты с Римом Михаила Черниговского и Даниила Галицкого привели к заметному ослаблению напряженности в межконфессиональных отношениях. В 1245 году, выступая на соборе в Лионе с призывом к борьбе с Ордой, папа Иннокентий IV упомянул Русь в ряду “христианских” стран, разоренных татарами, а в 1248 г. вступил в переписку непосредственно с Александром Ярославичем.

В своем послании к князю от 22 января 1248 г. папа увещевал русского князя, чтобы тот последовал примеру отца, согласившегося признать верховенство Рима, и просил в случае татарского наступления извещать о нем “братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы как только это [известие] через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы могли безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать”.

Ответное письмо Александра до нас не дошло, но, судя по содержанию следующего послания папы (15 сентября 1248 г.), князь был готов принять “покровительство римской церкви”. Во втором послании Иннокентий IV соглашался на предложение Александра построить в Пскове католический собор и просил принять своего посла – архиепископа Прусского. Но, когда в конце 1248 г. к Александру явились послы от папы за окончательным ответом на предложение о переходе в католичество, он ответил решительным отказом. Похоже, перемена мыслей князя была связана не с защитой православия, а с переменой его взгляда на возможность союза с монголами, с порядками которых он успел хорошо ознакомиться во время пребывания в Сарае у Батыя и путешествия в Каракорум.

Защитник Русской земли

Второй традиционный способ объяснять промонгольскую политику Невского связан с его образом защитника “геополитических” интересов Руси на Балтике. Традиция эта складывается в начале XVIII в. В 1724 году по распоряжению Петра Великого мощи святого были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург. Очевидно, что эта акция должна была служить символическому закреплению за Россией прав на новообретенные в результате Северной войны земли. Не случайно по приказу Петра празднование памяти Александра Невского было установлено 30 августа – в день заключения Ништадского мира со Швецией. В дальнейшем этот образ был закреплён в отечественной социальной памяти целым рядом официальных символических жестов. В 1725 году Екатерина I учредила высший военный орден имени Александра Невского, а в 1753 г. был учрежден ежегодный крестный ход из Казанского собора в Петербург в Александро-Невскую лавру.

К этому образу после непродолжительного перерыва обратились и советские власти в начале Великой Отечественной войны. В 1941 году был выпущен на экраны ставший знаковым фильм Эйзенштейна “Александр Невский”, снятый еще в 1938 г., но ввиду союзных отношений СССР и Германии “положенный на полку”. Вскоре после выхода фильма на экраны его создатели были удостоены Сталинской премии.

В основе этой трактовки мотивов Александра Ярославича лежит представление о скоординированной и планомерной “агрессии немецко-шведских феодалов” в Прибалтике. Решительные же действия Александра Ярославича, как писали в советские времена, “предотвратили потерю Русью берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси”.

В действительности собственно русские земли никогда не были целью немецкой и шведской экспансии, речь идет об освоении “буферных” территорий, заселенных языческими племенами, не имевшими собственной государственности.

Проникновение немцев в Ливонию – прибалтийские земли, населенные племенами ливов, латгалов, земгалов, кур шей и эстов – начинается на рубеже XII–XIII столетий. Это были торговые люди, выходцы из Вестфалии и Любека, которые уже раньше завели фактории в городке Висби на острове Готланд. Вскоре вслед за купцами двинулись католические миссионеры. Первым епископом Ливонии был назначен Мейнгард (1186–1196). Новая епископия, столицей которой был городок Икскуль, находилась в зависимости от бременского архиепископа. Распространение христианства встречало сильное сопротивление местных племен, несмотря на то что Мейнгарду оказывал покровительство полоцкий князь Владимир. Мейнгард неоднократно взывал к римскому папе Целестину III, который практической помощи не подал, хотя и много обещал. Более успешной была поначалу деятельность второго ливонского епископа Бертольда (1196–1199), которому удалось в 1198 г. организовать крупный крестовый поход, но уже в следующем году епископ погиб в столкновении с язычниками. Третьему ливонскому епископу Альберту фон Буксгевдену (1199–1229) удалось усмирить ливов. Весною 1201 г. он основал новый город – Ригу – и перенес туда епископскую кафедру. В 1202 г. для распространения христианства на восточном побережье Балтийского моря Альберт основал духовно-рыцарский орден меченосцев. В 1207 году он отправился к германскому императору и получил от него в лен всю Ливонию.

Ведя упорную борьбу с прибалтийскими языческими племенами, главным образом эстами и литовцами, немцы нередко заключали союзы с русскими князьями и городами. Так, в 1212 г. Альберт заключил оборонительный и наступательный союз с полоцким князем Владимиром, который отказался в пользу епископа от права взимать дань с ливов и латгалов. Альберт даже породнился с псковским князем Владимиром Мстиславичем, женив своего брата на его дочери. Борьба с эстами шла успешно для ордена, но литовцы нанесли рыцарям сокрушительное поражение под Шауляем в 1236 г., после чего ослабленный орден меченосцев был слит с Тевтонским орденом и стал его филиалом.

В 1219 году в борьбу за Восточную Прибалтику вступил Вальдемар Датский, который построил здесь крепость Ревель (ныне Таллин) и овладел значительной частью земель эстов – областью Вирумаа.

К середине XIII в. в результате довольно острой борьбы за власть между магистрами ордена и рижскими епископами окончательно оформилось устройство ливонского государства, представлявшего собой средневековую федерацию, состоявшую из Ливонского ордена, Рижского архиепископства, Дерптского, Эзельского и Курляндского епископств и городских общин. Крупнейшие города Ливонии пользовались самоуправлением, важнейшие решения принимали городские советы – раты, возглавляемые бургомистрами. Члены федерации, преследуя собственные интересы, далеко не всегда проводили согласованную политику. Городские власти нередко заключали договоры о торговле со Смоленском, Полоцком, Новгородом, где указывалось, что, если орден начинает войну, “немецкому купцу дела до этого нет”.

Русские также нередко обращались за помощью к немцам в ходе междоусобных столкновений. Например, в 1213 г. нашел убежище в Ливонии изгнанный из Пскова князь Владимир Мстиславич, позднее помогавший рижскому епископу в борьбе с Полоцком и даже ставший фогтом (судьей и управителем) одного из орденских замков. В Ливонии же оказался его сын Ярослав и изгнанный из Новгорода тысяцкий Борис Негочевич со своими сторонниками.

По-видимому, какую-то часть псковичей и новгородцев, заинтересованных в развитии торговли с немцами, больше привлекали политические порядки ливонской конфедерации, чем “самовластие”, к которому явно стремились Ярослав Всеволодович и его сын

Александр. В 1228 году псковичи решительно отказались участвовать в походе Ярослава Всеволодовича на Ригу и заключили договор о взаимопомощи с рижанами (в частности, рижане обязывались защищать Псков от Новгорода). Новгородцы, в свою очередь, отказались участвовать в предприятии князя “без своей братии – псковичей”. Князю пришлось оставить затею. В 1240 году немцы вместе с князем Ярославом Владимировичем овладели псковским “пригородом” Изборском, ворота им открыли псковские бояре, бывшие с немцами в сговоре (“перевет держали”, по выражению летописца).

Столь же мало походила на одностороннюю шведскую “агрессию” борьба за право взимания дани с финских племен. С 1157 года правители Швеции приступили к систематическому покорению и христианизации Южной и Центральной Финляндии, населенных племенами суоми, тавастов (сумь и емь русских летописей) и карелов. На эти языческие племена новгородцы издавна периодически устраивали набеги, облагая их данью, причем постепенно племенная верхушка включалась в состав русской знати. Южная Финляндия стала объектом довольно острой борьбы, которая велась с переменным успехом.

Шведы во время морских набегов разоряли русские поселения. Но и на шведские берега не раз обрушивались неожиданные удары с восточных берегов Балтики. Например, в 1187 г. союзные новгородцам карелы разрушили до основания шведский город Сигтуну (на месте которого позднее будет заложен Стокгольм). Городские ворота разоренной Сигтуны, сделанные в 1152–1154 гг. в Магдебурге по заказу епископа Вихмана, украшают и поныне западный фасад Софийского собора в Новгородском кремле.

Представлять эту довольно рутинную борьбу Ливонии, Дании, Швеции, Новгорода и Пскова за контроль над землями чуди, эстов, ливов, суми, еми и карел согласованной агрессией, и тем более крестовым походом против Руси нет никаких оснований. Тем не менее миф о западной угрозе был создан. Для придания ему некоторого правдоподобия идеологам промонгольской политики, проводимой князем Александром Ярославичем и его потомками, достаточно было вырвать отдельные эпизоды этой прибалтийской сутолоки из контекста и раздуть их до событий европейского, а то и мирового масштаба. Так возникли мифологизированные образы Невской битвы и Ледового побоища. Характерно, что популярная отечественная историческая литература в значительной степени черпает детали описания Невской битвы из “Жития”, ну разве что не повторяет вслед за его составителем, что большая часть шведов была побита “от ангела господня” на другой стороне реки, где было “непроходно полку Александрову”. Позднее, когда потомки Александра Невского образовали династию московских великих князей, картина битвы украсилась новыми подробностями к вящей славе Александра Ярославича. Так, в московских летописных сводах с конца XV в. в качестве предводителя шведов начинает фигурировать ярл Биргер, которому будто бы лично Александр Ярославич нанес глубокую рану на лбу, “возложил ему печать на лице”. Участие ярла Биргера действительно говорило бы о государственном характере шведской вылазки, а победа над ним была бы большой честью. Но, увы, Биргер Фолькунг из Биэльбо – фактический основатель современного шведского государства, жизнь которого известна в подробностях, а имя носит центральный проспект Стокгольма, – титул ярла получил только в 1248 г., шрама на лбу не имел никогда, а поход в финские земли совершил только один, в 1249 г., и вполне успешный.

Сотворение мифа об эпохальном сражении на Неве, начатое антикатолически настроенным митрополитом Кириллом, было продолжено московскими летописцами, а затем дипломатами Петра Великого, которому позарез понадобился предшественник на берегах Невы, и было завершено послушными борзописцами от истории сталинской эпохи, опусы которых должны были подготовить советский народ к борьбе с германским фашизмом. Собственно, до сих пор в основе представлений рядового российского гражданина об этой эпохе лежит полный исторических нелепостей гениальный фильм Эйзенштейна. Между прочим,

блестящая критическая рецензия на сценарий этого фильма, написанная академиком М. Н. Тихомировым, называлась “Издевка над историей”.

По всей видимости, о реальных масштабах сражения можно судить по потерям сторон. Русских воинов, по сообщению новгородской летописи, пало в бою 20 человек, а то и меньше, “бог весть”. Но по именам летописец называет всего четверых, и в том числе сына кожевника. Внимание к столь социально незначительному персонажу, скорее всего, означает, что потери были невелики, во всяком случае сравнительно с другими подобными столкновениями, которые происходили в “буферной зоне” довольно регулярно. Из предприятий шведов и их союзников суоми наиболее известны набеги 1142, 1164, 1249, 1293 и 1300 гг. Новгородцы и их союзники карелы совершали аналогичные походы в 1178, 1187 и 1198 гг., но едва ли этот список исчерпывающий. Многие из этих предприятий были гораздо более значительны по масштабам, чем прославленная Невская битва. Например, в 1164 г. шведы пришли под Ладогу на 55 шнеках (эта большая ладья вмещала до 50 пеших или десятков конных бойцов). Горожане сожгли посад и затворились в крепости, послав за князем Святославом Ростиславичем и новгородцами, четыре дня стойко держали осаду, пока не подошла подмога, разбившая шведов наголову. Лишь небольшой части шведского отряда удалось уйти на 12 поврежденных шнеках. По всему, это был гораздо более значительный и несомненный триумф русского оружия, совершенно, однако, стершийся из народной памяти, отрихтованной столетиями официальной пропаганды.

Столь же превратный вид имеет в нашей популярной литературе и знаменитое Ледовое побоище на Чудском озере. Если верить официальной советской версии, “этой крупнейшей битвой раннего Средневековья впервые в мировой истории был положен предел немецкому грабительскому продвижению на восток”. Насчет “грабительства”, как и в большинстве подобных предприятий, упреки могут быть обоюдными. Из массовой литературы как-то незаметно исчезает предыстория знаменитого побоища. А между тем в 1242 г. Александр Ярославич начал кампанию с того, что разорил немецкий острожек, который почему-то имеет вполне русское название Копорье, “освободил” вовсе о том не помышлявший Псков, пленив немецкий “гарнизон”, состоявший из двух фогтов. Далее князь повел свое войско в землю чуди, позволив ему воевать “в зажития”, то есть разорять хозяйство, и после первой неудачной стычки с немцами повернул восвояси. Неудивительно, что “вдогонь” ему пустилась не только наличная орденская сила (рыцарей в обоих ливонских орденах в это время всего было около 100, причем большая часть во главе с магистром воевала в этот момент с балтским племенем кур шей), но и великое множество эстов (чуди русских летописей). Относительно масштабов столкновения и, соответственно, потерь цифры расходятся: по сообщению новгородской летописи, было убито 400 и пленено 50 немцев, а чуди “паде бесчисла”. Согласно ливонской “Рифмованной хронике”, потери ордена составили 20 убитых и шесть пленных. Даже если летопись говорит обо всех немцах (помимо рыцарей в бою участвовали их военные слуги – кнехты, воины дерптского епископа, отряды из немецких колонистов-горожан), а “Хроника” только о полноправных рыцарях, то и тогда “поворотное” значение Ледового побоища оказывается сомнительным на фоне других подобных столкновений. Например, в сражении под Шауляем в 1236 г., где орденские войска были наголову разбиты литовцами, погиб магистр Волквин и 48 полноправных рыцарей. Скорее всего, в результате именно этого поражения крестоносцам пришлось надолго умерить завоевательный пыл. Беда только, что вспоминать об этом сражении в отечественных учебниках неудобно: все-таки под Шауляем на стороне ордена сражался большой отряд союзных псковичей – “муж двести”, из которых домой вернулась едва десятая часть.

Во всяком случае, ни Невское, ни Чудское сражения не были решительными и переломными в борьбе за сферы влияния в Прибалтике. Перелом в этой борьбе наметился после того, как новгородцы в 1262 г. взяли Дерпт, а в 1268 г. совершили большой поход против дат-

ских владений в землях эстов, завершившийся кровопролитным сражением под Раковором. Шведы, несмотря на будто бы разгромное поражение на Неве, к середине XIII в. покорили всю Финляндию и в конце столетия приступили к завоеванию Карелии. В 1293 году они построили крепость Выборг на берегу Финского залива, а в 1300-м – Ландскруну на Неве. Относительно устойчивая граница между владениями Новгорода и Швеции была установлена только Ореховским миром в 1323 г.

Знаменательно, что сам Александр Невский в последние десять лет жизни участия в борьбе за Прибалтику не принимал, хотя, казалось бы, должен был использовать на этом направлении всю мощь своего ордынского покровителя. Единственное исключение – зимний поход 1256 г. в Южную Финляндию, который описывается в летописи чрезвычайно туманно, без всякого указания мотивов и целей, сообщается только, что русским дружинам удалось убить и захватить в плен много финнов “и придоша... вен здорови” (эта стандартная летописная формула обычно употреблялась для описания неудачного военного предприятия). Так что едва ли обеспечение тыла для борьбы с западной экспансией в Прибалтике было главным мотивом Александра Ярославича при установлении вассальных отношений с Ордой.

Благоверный прагматик

По всей видимости, прав наш современник, историк Антон Горский, утверждающий, что в действиях Александра Ярославича не следует искать “какой-то осознанный судьбоносный выбор. Он был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом. Александр был, выражаясь по-современному, “прагматиком”: он выбирал тот путь, который казался ему выгодней для укрепления его земли и для него лично. Когда это был решительный бой, он давал бой; когда наиболее полезным казалось соглашение с одним из врагов Руси, он шел на соглашение”. С этим можно было бы и согласиться, осталось уточнить, что именно князь считал “полезным”.

Основная деятельность князя в последнее десятилетие его жизни позволяет ответить на этот вопрос вполне однозначно. Союз с монголами значительно облегчал великому князю укрощение строптивых вечевых городов, с которыми владимирские князья боролись со времен Юрия Долгорукого. Союз с Западом неизбежно усилил бы позиции городов, поскольку города Западной Европы уже давно освободились от власти феодальных сеньоров. Русь неизбежно втягивалась в систему европейского права, способствовавшего укреплению модели власти, связанной с договорными отношениями автономных сторон.

А вот система правления, принятая в монгольских улусах, устраивала Александра Ярославича вполне. Живыми штрихами ее рисует Плано Карпини: “Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники – сотникам, сотники же – десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. <...> Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми... ибо среди них нет никого свободного”. Получая из рук хана ярлыки на княжение, русские князья приняли и постепенно утвердили на Руси эту модель властных отношений. Под властью Орды уже не могли далее сохраняться старинные дружинные отношения. Князья Северо-Восточной Руси, сделавшись “служебниками” монгольских ханов, обязанные беспрекословно повиноваться их воле, уже не могли примириться с независимостью старшей дружины. Система подданства со временем должна была привести к установлению княжеского деспотизма в создаваемой потомками Невского Московии.

Есть важная крупница горькой правды в словах историка Михаила Сокольского: “Позор русского исторического сознания, русской исторической памяти в том, что Александр Невский стал непререкаемым понятием национальной гордости, стал фетишем, стал знаменем не секты или партии, а того самого народа, чью историческую судьбу он жестоко исковеркал”.

Помимо исторического пути, на который столкнул Северо-Восточную Русь Александр Ярославич, существовал и другой путь, по которому пошли русские земли, князья которых не пожелали служить ордынским ханам. Из этих земель со временем сформировалось другое государство – Великое княжество Литовское. В течение нескольких столетий оно успешно вело тяжелую борьбу на два фронта, против ордена и против Орды, которую наши официальные историографы объявили “безнадежной” и “бессмысленной”. И победило. К концу XIV столетия великий литовский князь Витовт назначал своей волей ордынских ханов, в 1381 г. решал, посадить ли ему “во Орде на царствие царя его Тохтамыша”, а в 1410 г., по существу, покончил с Тевтонским орденом. Наследниками некогда единой Киевской Руси стали в XIII–XV вв. три государства с различной политической системой, три Руси – Литовская, Московская и Новгородская. Их борьба за гегемонию в объединении всех русских земель и победа Москвы в этой борьбе определили дальнейшую судьбу нашей страны. Но это уже другая история.

Подробнее на эту тему

Горский А. К. *Александр Невский* // Мир истории. 2001. № 4 (<http://www.tellur.ru/~historia/archive/04-01/nevsky.htm>).

Данилевский И. Н. *Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)*. М.: Аспект Пресс, 2001.

Джиованни Дель Плано Карпини. *История монголов*. М., 1957 (<http://www.darktimes.ru/Karpini.html>).

Макаров Н. *Русь. Век тринадцатый. Характер культурных изменений II* Родина. 2003. № и.

Сокольский М. М. *Неверная память (Герои и антигерои России)*. М., 1990.

Феннел Дж. *Кризис средневековой Руси. 1200–1304*. М.: Прогресс, 1989.

Флоря Б. Н. *У истоков религиозного раскола славянского мира (хив.)* СПб.: Алетейя, 2004 (журнальный вариант доступен по адресу: <http://www.krotov.org/library/f/florya/floro4.html>).

Чернецов А. В. *А" проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа II* Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Юрганов А. Л. *У истоков деспотизма II* История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – нач. XX в. М., 1991. Кн. 1. С. 34–75 (<http://anevskiy.narod.ru/library/24.html>).

Несостоявшийся союз 1380

3 мая 1626 г. страшный московский пожар уничтожил большую часть государственных архивов России XVI столетия. Составлявшие опись дел Посольского приказа – Министерства иностранных дел того времени – чиновники-дьяки обнаружили уцелевший тогда, но так и не дошедший до нас исторический документ. Речь в нем шла о том, как могла пойти наша история в конце XIV в.

“Тетратка ветха, а в ней писан список з грамоты докончальные Ягайлова с великим князем Дмитрием Ивановичем... о женитве великого князя Ягайла Ольгердовича, жениться ему у великого князя Дмитрия Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрию Ивановичи) дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайлу, быти в их воле и креститься в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди” – так обозначен в описи проект русско-литовского договора, составленный в 1381 или начале 1382 г.

(Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 34)

После победы на Куликовом поле Дмитрий Донской склонил молодого литовского князя Ягайло к заключению династического союза. В этом союзе Ягайло должен был играть роль младшего партнера. Из рук тестя он получал не только жену, но и православную веру, которую должны были принять все его подданные – ведь Литва оставалась последним языческим государством в Европе. История этого государства началась на полтора столетия раньше...

В середине XIII в. литовский князь Миндовг сумел объединить литовские племенные союзы под своей властью. В борьбе с немецким Тевтонским орденом Миндовг то принимал от папы римского королевский титул, то искал союза против крестоносцев с Александром Невским, то становился католиком, то возвращался в язычество. Не зная татарского господства Литва быстро расширяла свою небольшую территорию за счет ослабевших западнорусских княжеств и уже в XIII в. стала балто-славянским государством, почти на три четверти состоявшим из бывших древнерусских княжеств. К концу следующего века западнорусские земли составляли уже девять десятых всей территории государства и подавляющее большинство населения было православным.

В XIV в. князья Гедимин (1316–1341) и Ольгерд (1345–1377) создали державу, в состав которой вошли Полоцк, Витебск, Минск, Гродно, Брест, Туров, Волынь, Брянск, Чернигов. Казалось, лидерство на Руси перешло к Гедиминовичам; в 1358 г. послы Ольгерда заявили тевтонским рыцарям, что “вся Русь должна принадлежать Литве”. Ольгерд первым выступил и против Орды: в 1362 г. он разгромил татар при Синих Водах, ликвидировал зависимость своих земель от Золотой Орды и закрепил за Литвой древний Киев. Но в это же время “собирать” земли стали и московские князья. Так к середине XIV в. сложились два центра, претендовавшие на объединение всех древнерусских земель: Москва и Вильно. Конфликт между ними был неизбежен, тем более что в союзе с Литвой выступали старинные соперники Москвы – тверские князья; перейти “под руку” Литовского государства порой стремились и новгородские бояре. В 1368–1372 годах Ольгерд в союзе с Тверью совершил три похода на Москву, но силы соперников были примерно равны, и договор 1372 г. разделил “сферы влияния”.

Вот тогда-то, в начале 80-х гг. XIV в., и наметилось объединение двух “половинок” некогда единой Руси: Северо-Восточной “Московской” и Юго-Западной, находившейся в

составе Великого княжества Литовского. К чему привел бы такой вариант объединения? Скорее всего, он подтолкнул бы консолидацию Руси и на столетия раньше привел к освобождению от ордынской зависимости. Но, возможно, и к усилению сословного представительства, сохранению региональных особенностей, получению выхода к Балтике задолго до Петра I, более активному включению в повседневный обиход и культуру западноевропейских элементов...

Могло быть, но не стало. Точнее, стало, но совсем иначе. Дмитрий Донской не смог противостоять хану Тохтамышу: Москва была в 1382 г. разорена и вновь стала платить дань Орде. Союз с несостоявшимся тестем перестал быть привлекательным для Ягайло; уния же с Польшей давала не только королевскую корону, но и реальную помощь в борьбе с сильным противником – Тевтонским орденом.

Ягайло женился – но не на московской княжне, а на польской королеве Ядвиге, и принял крещение – но не из Москвы, а из Рима, стал королем Владиславом и основателем новой династии на польско-литовском престоле. Вместо литовско-московского союза состоялась Кревская уния 1385 г. между Литвой и Польским королевством, на столетия определившая развитие соседа и соперника московских государей. С этого времени история Литвы тесно связана с историей Польши: в XIV–XVI вв. у этих государств был один король из династии потомков Ягайло – Ягеллонов.

При великом князе Витовте (1392–1430) княжество вступило в период своего наивысшего расцвета. В союзе с двоюродным братом Владиславом Ягайло Витовт разгромил Тевтонский орден при Грюнвальде (1410), присоединил Смоленскую землю (1404) и княжества в верховьях Оки. Витовт сажал своих ставленников на ордынский престол. Огромную дань-откуп платили ему Псков и Новгород, а московский князь Василий Дмитриевич женился на его дочери и называл Витовта “отцом”, что по тогдашнему феодальному этикету означало признание вассальной зависимости. Тогда земли Великого княжества простирались от Балтийского моря до Черного, а восточная граница проходила под Вязьмой и Калугой.

Распад СССР в числе прочих проблем породил “взрыв” национальных трактовок, казалось бы, уже давно решенных вопросов – будь то оценка деяний гетмана Мазепы или спор о том, являлось ли средневековое Великое княжество Литовское литовским или белорусским и насколько именно. Главная же “потеря” состоит в том, что со страниц отечественных учебников истории вместе с рассказами о прошлом народов Кавказа или Средней Азии (что тоже не очень хорошо) исчезли сюжеты, касающиеся самого ближнего, славянского зарубежья, а история России оказалась сведенной к развитию Московского царства как единственного “законного наследника” Древней Руси.

Определять раннесредневековое Великое княжество Литовское как “русское” или “литовское” значило бы применять современные понятия об этничности по отношению к другой эпохе, в которой термин “русский” чаще всего означал “православный”. В то же время источники XV–XVI вв. свидетельствуют о том, что восточные славяне в границах Польши и Литвы считали себя единой этнической общностью – “русским народом”. Трудно установить, когда эта этническая общность стала разделяться. Появившийся в московских источниках с конца XVI в. термин “белорусцы” как будто говорит о том, что в Москве уже тогда стали воспринимать братьев-славян на территории Польско-Литовского государства как особый народ. Но это название относилось ко всему восточнославянскому населению соседней державы: “белорусцем” мог быть также житель Киевщины или Волыни. Еще труднее определить, с какого времени восточные славяне к северу от Припяти стали смотреть на восточных славян к югу от Припяти как на представителей иного этноса, то есть можно говорить о существовании особого украинского и белорусского народов.

Однако на западных землях Руси объединение проходило иным, по сравнению с Московским государством, путем.

Федерация земель

В Северо-Восточной Руси процесс “собирания земель” шел дольше и труднее, но зато и степень зависимости бывших самостоятельных княжеств от тяжелой руки московских государей была выше. В московской державе медленно, но верно складывалась система военно-служилой государственности на элементарной экономической основе, где все более или менее знатные подданные должны были нести пожизненную и безусловную службу своим государям, а попытки отстоять свои права становились “изменой”.

В Литве взаимоотношения власти и подданных были иными, намного более либеральными. В противовес жесткой московской централизации и унификации Литва была рыхлой федерацией княжеств, земель и владений магнатов под властью отдельных князей – потомков Гедимины. Включая в свой состав более развитые, чем коренная Литва, земли, Гедиминовичи сохраняли их автономию: “Старины не рушаем, новины не вводим”. Некоторые князья Рюриковичи (Друцкие, Воротынские, Одоевские) долгое время сохраняли свои владения.

Другие земли, входя в состав Литовского государства, получали от великого князя грамоты – привилеи: их жители могли требовать смены наместника; великий князь обязывался не “вступать” в права православной церкви, не переселять местных бояр, не раздавать земельных владений выходцам из других мест, не отменять принятых местными судами решений. Эти права не оставались на бумаге. В 1526 г. бояре и мещане Витебска пожаловались на “тяжкости” и “кривды” от воеводы Ивана Богдановича Сапеги, и король Сигизмунд вынужден был дать им другого воеводу В русских землях Великого княжества – Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской – действовали местные сеймы, где решались вопросы о строительстве укреплений, введении единых условий переходов крестьян, раскладке субсидий великому князю. До XVI в. на славянских землях Великого княжества действовали правовые нормы, восходившие к Русской правде.

Многоэтничный характер державы отражало ее официальное название – Великое княжество Литовское и Русское. Его официальным языком был русский (можно назвать его старобелорусским или староукраинским – большой разницы между ними до начала XVII в. не было) – на нем составлялись законы и акты великокняжеской канцелярии. Образцом социального устройства и государственных порядков для Литвы стала союзная Польша. Нуждавшиеся в поддержке польской знати Ягайло и его потомки вынуждены были даровать ей все новые привилегии, а затем распространять их и на своих литовских подданных. К тому же Ягеллоны вели активную внешнюю политику: пытались – порой успешно – овладеть чешской и венгерской коронами, соперничали с императором Священной Римской империи. Но за это тоже надо было платить отправлявшемуся в походы рыцарству.

В языческой Литве в условиях постоянной войны с Тевтонским орденом долго сохранялось свободное крестьянство, обязанное нести военную службу. Еще в конце XIV в. официальные грамоты называли всех свободных воинов боярами. В следующем столетии раздачи земель и крестьян привели к образованию слоя землевладельцев – бояр-шляхты (от немецкого *Geschlecht* – род, происхождение), обязанных великому князю военной службой.

Великого князя литовского окружала знать: князья Рюриковичи и Гедиминовичи, паны или крупные землевладельцы литовского и русского происхождения (Радзивиллы, Сапеги, Воловичи), выводившие на войну сотни слуг и занимавшие виднейшие посты при дворе и в управлении. Литовский статут – свод законов, впервые утвержденный в 1529 г. и затем дополнявшийся в 1566 и 1588 гг., – закреплял все права шляхты, полученные ею за 150 лет: пожалованные шляхтичам земли объявлялись их частной собственностью, они могли свободно переходить на службу к панам и уезжать за границу и не подвергались аресту без решения суда; местные земские суды избирались самой шляхтой на собраниях-сеймиках,

где также решался вопрос о платеже государственных налогов, от которых шляхетские владения были освобождены.

Запрещение православным князьям и боярам занимать высшие государственные должности вызвало сопротивление – после смерти Витовта в Литве началась настоящая гражданская война, в которой одного из претендентов, князя Свидригайло, поддержали восточные земли и города Великого княжества. Но привилеи 1432–1434 гг. уравнивали православных в правах с католиками и провозгласили неприкосновенность вотчин и их владельцев от репрессий без суда. С этого времени разворачивается оформление единого правящего сословия – политического народа.

Привилей 1447 г. освобождал всех зависимых крестьян от натуральных и денежных податей в пользу государства и предоставлял землевладельцам право суда над своими крестьянами. Тем самым государь терял право вмешиваться во взаимоотношения вотчинников с их подданными, тогда как в Московской Руси государство ограничивало судебные права феодалов.

Крупных городов в Литве было немного: Вильно, Троки, Ковно, Берестье, Новгородок, Минск, Полоцк, Витебск, Смоленск, Киев, Луцк, Владимир (Волынский) и Кременец; для их развития князья, как и в Польше, приглашали иностранцев – немцев и евреев, получавших особые привилегии. В 1495 году великий князь Александр приказал “жидову з земли вон выбити”, изгнал все еврейские общины и конфисковал их имущество. Но разразившийся финансовый кризис заставил в 1503 г. великого князя вернуть евреев в свое государство; им были возвращены дома, лавки, огороды, поля и луга – все, чем они владели до изгнания, а также право взыскивать долги со всех должников. Еврейские купцы и банкиры постоянно предоставляли казне значительные средства; один из таких дельцов, Аврам Езофович, стал при Александре подскарбием земским, то есть министром финансов.

В XIV–XV веках Вильно, Ковно, Брест, Полоцк, Львов, Минск, Киев, Владимир (Волынский) и другие города получили “магдебургское право” – городское самоуправление: горожане-мещане избирали городских радцев – советников, ведавших городскими доходами и расходами, и двух бурмистров – католика и православного, судивших горожан вместе с великокняжеским наместником – войтом. С XV века в городах появляются ремесленные цеха, права которых закрепляются в специальных уставах.

В Польше и Литве не сложился аппарат центрального управления, подобный системе приказов в Москве. При дворе великого князя были должностные лица, но не было государственных учреждений и быстро растущей бюрократии. Подскарбий земский хранил и расходовал деньги, но не собирал налоги; гетман командовал шляхетским ополчением, когда оно собиралось; постоянная армия короля и великого князя насчитывала в XVI в. примерно 5 тыс. наемных солдат. Единственным постоянным органом была великокняжеская канцелярия, где велась дипломатическая переписка и хранился государственный архив – Литовская метрика.

Свои действия великий князь с 1492 г. должен был согласовывать с радой панов в составе епископов, воевод и наместников из числа крупнейших магнатов. Рада управляла страной в отсутствие князя, контролировала все земельные пожалования, расходы и внешнюю политику. Один из знатнейших панов княжества, Альбрехт Мартинович Гаштольд, говорил, что в отличие от Польши “что решается господарем и панами-радой, то шляхтой обязательно принимается к исполнению; мы ведь приглашаем шляхту на наши сеймы как будто бы для чести, на самом же деле для того, чтобы всем явно было то, что мы решаем”.

В ходе многочисленных войн великому князю приходилось прибегать к займам у своих князей и панов под залог своих имений. За это паны получали в “заставу” великокняжеские земли и доходы с них до погашения суммы долга. Затем они стали обращаться за субсидиями к другим подданным, так стал созываться “Бальный сейм”, который включал не только

раду и “значнейших” панов и князей, но и более широкий круг шляхты – как католиков, так и православных. Сначала шляхта приглашалась поголовно, и на сейм приезжали все, кто хотел или имел такую возможность. С 1511 года представители шляхты стали избираться на местах (по два человека от области – повета); в заседаниях сейма участвовала рада панов, лица, занимавшие важнейшие государственные должности (старосты, “державцы”), а также персонально князья Слуцкие, Друцкие, Лукомские, Свирские, Сангушквичи, Збаражские, Заславские, Корецкие, паны Хребтовичи, Кухмистровичи и представители других знатных фамилий. Вызывались на сеймы и православные епископы как владельцы вотчин, с которых шла земская служба.

Впервые сеймы в таком составе стали собираться при великом князе Казимире (1440–1492). С 1507 года сейм созывался регулярно; на Виленском сейме 1514 г. было решено продолжать войну с Москвой; сейм 1522 г. одобрил конфискацию захваченных великокняжеских земель; на сеймах 1514 и 1522 гг. шляхта пожелала составить свод общегосударственных законов, а на сейме 1544 г. “рыцарство” просило, чтобы в каждом повете шляхта избирала судью и писаря, которые могли судить любого князя, пана или духовное лицо на своей территории. Все эти пожелания были удовлетворены.

В XVI веке сейм стал высшим законодательным органом Великого княжества. В его компетенцию входило принятие законов, решений о сборе налогов для князя и созыве шляхетского ополчения. В 1566 году сейм постановил: никакое изменение в законах невозможно без его одобрения. В отличие от сословно-представительных учреждений других европейских стран в сейме была представлена только шляхта – в виде исключения туда были допущены бурмистры Вильно с правом совещательного голоса. Депутаты-послы избирались по воеводствам местными сеймиками и отстаивали на сейме наказания своих избирателей. На местных сеймиках шляхта обсуждала свои сословные дела и выбирала членов местного суда.

Экономический расцвет и политическое влияние польского и литовского дворянства-шляхты обеспечили наметившееся в XVI столетии общеевропейское “разделение труда”: регионы с развитой промышленностью (Фландрия, Нидерланды, Англия, Южная Германия, север Италии) требовали все больше сырья и продуктов сельского хозяйства, поставщиком которого становились страны Восточной Европы. Землевладельцы преобразовывали свои владения в плантации, ориентированные на производство как можно большего объема продукции на продажу. Такие имения, фольварки, требовали массового применения барщинного труда, а вместе с ним и крепостнических порядков.

В 1557 году в Великом княжестве была проведена реформа – водочная помера: вся земля великокняжеских имений объявлялась собственностью государя и делилась на участки – волоки, за владение ими крестьяне платили денежный оброк; кроме того, каждую седьмую волоку они должны были пахать на великого князя. Эта реформа послужила образцом для введения барщинного хозяйства и на частновладельческих землях. Все землевладельцы должны были предъявлять свои документы на владение, при этом возвращались в “простое состояние” шляхтичи, обманом присвоившие себе это звание и имение. Водочная помера лишила свободы “выхода” крестьянина, который до того мог продать свою “отчину” и стать “вольным похожим человеком”. Отныне беглые и самовольно ушедшие крестьяне отыскивались и “осаживались” на пустых волоках. Отменялось и прежнее крестьянское самоуправление: в селах великокняжеские державцы и старосты назначали войтов по немецко-польскому образцу.

По Литовскому статуту 1588 г. за крестьянами сохранялось только право владения движимым имуществом, необходимым для выполнения повинностей с земельных наделов, находившихся в их пользовании. “Человек вольный”, осевший на земле феодала и проживший на новом месте десять лет, мог уйти, только откупившись значительной суммой. Закон,

принятый сеймом в 1573 г., давал панам право карать крестьян по своему усмотрению вплоть до смертной казни. Виселица являлась обычной принадлежностью двора знатного пана, чему порой удивлялись русские офицеры-помещики в XVIII в. Имел шляхтич и привилегию пропинации – право на производство и продажу пива и водки в пределах своих владений.

Между Польшей и Москвой: образование Речи Посполитой

У Витовта не было детей, и после его смерти в Великом княжестве начались усобицы. Занявший престолы Польши и Литвы младший сын Ягайло король Казимир и его дети потеряли интерес к “общерусской” программе Ольгерда. Эту задачу перехватил московский правнук Витовта – великий князь Иван III (1462–1505). Уже в 1478 году он заявил о “возвращении” бывших древнерусских земель – Полоцка, Витебска, Смоленска. Эту задачу облегчало нарушение конфессионального баланса в Литве после Флорентийской унии. В 1481 году король Казимир запретил православным строить новые храмы и восстанавливать прежние; по просьбе короля константинопольский патриарх посвятил для Литовской Руси особого митрополита Григория Болгарина, помощника изгнанного из Москвы сторонника унии митрополита Исидора. Наступление на православие вызвало в Литве оппозицию. В 1481 году был раскрыт заговор против короля, во главе которого стояли князья Михаил Олелькович и его двоюродный брат Федор Иванович Бельский. Бельский бежал в Москву и остался там навсегда со своим потомством.

Так начались переходы православных князей Великого княжества на сторону Москвы, сильно облегчившие Ивану III и его сыну Василию III борьбу с западным соседом. Вслед за князьями Бельскими на московской службе оказались владельцы других окраинных земель Великого княжества – князья Белевские, Воротынские, Мезецкие, Вяземские, Новосильские, Одоевские, Трубецкие. В 1500 году перешли к Москве вместе со своими “волостями” потомок Дмитрия Шемяки, князь Василий Иванович Шемячич, и князь Семен Иванович Можайский, сын сторонника Шемяки Ивана Андреевича Можайского. В результате двух больших войн, 1487–1494 и 1500–1503 гг., Великое княжество Литовское потеряло треть территории; великий князь Александр признал за Иваном III титул государя всея Руси. К России были присоединены Вязьма, черниговские и новгород-северские земли (Чернигов, Новгород-Северский, Брянск, Стародуб, Гомель). После трех походов в 1514 г. был отвоеван Смоленск, который на 200 с лишним лет стал главной крепостью и воротами на западной границе России. Во время этих войн московские государи умело использовали недовольство части православных князей Литвы – в дальнейшем такая политика станет традиционной по отношению к Польско-Литовскому государству и в конце концов послужит одним из факторов его крушения.

Но уже во время третьей (1512–1522) и четвертой (1534–1537) по счету войн силы противников оказались примерно равными, а население Великого княжества больше не изъявляло желания присоединиться к Москве. По территории Восточной Европы пролегла граница, по сторонам которой сложились глубокие различия в общественно-политическом строе двух восточнославянских государств. При этом православные славяне в границах держав Ягеллонов называли себя русскими или русинами, а свой язык русской мовой, но при этом отличали себя от “Москвы”. В Москве же на соседей смотрели как на “литвинов” и после бедствий Смуты даже православных “литовских людей” встречали подозрительно, а католиков-“ляхов” представляли уже как главных врагов, по сравнению с которыми даже “немец-лютор” выглядел симпатичнее. Правда, это не мешало вполне православным русским мужикам и в XVII, и в XVIII вв. бежать за границу к тем же “ляхам”. Крепостничество там было такое же; но барин мог быть и добрым, а вот злое государство с его чиновниками, податями и рекрутчиной – намного слабее.

Политическая элита Литвы и Москвы выработала свои исторические традиции и мифы о собственном прошлом. В литовских хрониках помещался рассказ о князе Палемоне, который с 500 шляхтичами бежал от тирании Нерона на берега Балтики и покориł бывшие княжества Киевской державы. В сочинениях Ивана Грозного и московских дипломатических актах появилась теория о происхождении Юриковичей от римского императора Августа. Гедимина же московское “Сказание о князьях Владимирских” называет бывшим княжеским конюхом, женившимся на вдове своего господина и захватившим власть над Западной Русью.

Осознавались и принципиальные различия в характере политической культуры: в источниках XVI в. появляется противопоставление “жестокости тирании” московских князей правам и “вольностям” шляхты и мещанства Великого княжества Литовского. Во времена Ивана Грозного уже московские служилые люди бежали в Литву.

Князь и боярин Андрей Михайлович Курбский становится одним из первых политических эмигрантов. Знаменитая переписка царя Ивана и беглого боярина стала самым известным памятником русской политической мысли XVI в., споры вокруг которого продолжаются и поныне. Князь-диссидент обличал царя в безвинных гонениях против московской знати, но в то же время его жизнь в Литве показала несовместимость московского боярина с чуждой общественной средой. Курбский до самой смерти не выходил из-под суда и искренне не понимал, почему он “княжа на Ковлю” не может “чинить бой морды” своей жене – знатной панне Гольшанской, раздавать слугам данные ему в держание короной земли или посадить евреев-заимодавцев в пруд с пиявками.

Ливонская война (1558–1583) была попыткой разом решить две важнейшие для России внешнеполитические проблемы: утвердиться в Прибалтике и объединить русские земли, оказавшиеся в составе Польско-Литовского государства. К 1560 году Ливонский орден был разгромлен. Россия овладела восточной Эстонией и впервые получила порт на Балтике – Нарву. В 1561 году часть рыцарей и город Ревель перешли под власть Швеции, а последний магистр ордена передал его владения польскому королю. В 1562 году Россия начала войну против Литвы и захватила Полоцк, а в 1570-м стала воевать и против Швеции. Но утвердиться на балтийском побережье и стать равноправным торговым партнером Запада Россия тогда не смогла. Стремление Ивана Грозного завоевать “мало не вся Германия” втянуло страну в большой европейский конфликт, в котором в итоге ей пришлось одновременно воевать против Польско-Литовского государства, Крыма и Швеции, да еще и имея в тылу опричнину. К 1577 году царь Иван овладел почти 2/3 территории Ливонии. Но затем в войне наступил перелом: польско-литовская армия короля Стефана Батория в 1579–1581 гг. отобрала у русских Полоцк, Великие Луки и осадила Псков. Шведы захватили в 1581 г. Нарву. По мирным договорам с Речью Посполитой (Ям-Запольское перемирие 1582 г.) и Швецией (Плюское перемирие 1583 г.) Россия утратила все завоевания в Прибалтике и сохранила лишь небольшой участок Финского залива с устьем реки Невы.

В начале Ливонской войны обозначился перевес Москвы. На мирных переговорах 1563–1564 гг. Москва объявила целью своей внешней политики возвращение всех бывших древнерусских центров – Киева, Волыни, Полоцка, Витебска и прочих земель. В 1564 году литовский гетман Николай Радзивилл разбил на реке Уте московское войско князя Петра Ивановича Шуйского, но попытка перейти в наступление на московские владения с юго-запада потерпела неудачу. Ежегодные кампании истощили государственные финансы Литвы; ее паны и шляхта вынуждены были обратиться за помощью к Польше.

Совместный сейм открылся в Люблине в январе 1569 г. Литовские магнаты соглашались на создание единого государства только на условиях отдельного существования литовского сената и сейма. Но большинство шляхты, наоборот, стремилось к объединению, поскольку желало получить те права и “вольности”, которыми уже обладало польское дво-

рянство. Опираясь на поддержку шляхты, король Сигизмунд II Август передал Польше (из состава Великого княжества) Украину. После этого литовские паны согласились на унию.

Люблинская уния объединила Польшу и Великое княжество Литовское в единую Речь Посполитую (*Rzeczpospolita* – польский перевод латинского выражения *res publica*) с общими сенатом и сеймом; вводились единые денежная и налоговая системы. Однако Литва сохранила автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну и официальный русский язык. В 1572 году после пресечения династии Ягеллонов король стал избираться на сейме, и Речь Посполитая превратилась в своеобразную республику с выборным королем во главе.

Верховным законодательным органом стал шляхетский сейм: “Отныне и на будущие времена нами, королем, и нашими преемниками не может быть установлено без совместного позволения сенаторов и земских послов ничего нового, что было бы в ущерб и тягость Речи Посполитой, а также во вред и в оскорбление кому-либо или же направлено к изменению посполитского права и вольности публичной” – так гласил один из основных законов государства – Радомская конституция 1505 г., *nihil novi* (конституцией в Польше называлось любое постановление сейма). Сейм устанавливал налоги, созывал ополчение – “посполитое рушение”, – определял направление внешней политики, заключал мирные договоры и союзы. На сейме происходил под председательством короля сеймовый суд по особо важным делам. Сейму принадлежало право помилования и амнистии.

Деятельность короля контролировали сенаторы-резиденты. Сам же король, вступая на престол по воле и выбору шляхты, торжественно отказывался от наследственности трона, обязывался не объявлять войну и не заключать мир без сената, не созывать “посполитого рушения” (шляхетского ополчения) без согласия сейма. Гарантией и “зеницей вольности” считалось право шляхты отказать королю в повиновении, если он не будет соблюдать ее права и привилегии. В таком случае недовольные создавали конфедерацию и начинали “законный” мятеж против своего государя.

Конец XVI – первая половина XVII в. стали временем наивысшего подъема шляхетской республики, на короткое время она стала великой державой Восточной Европы. Речь Посполитая стала главной житницей Европы. Зерно отправлялось вниз по Висле до Гданьска, а оттуда по Балтийскому морю в Голландию; далее хлеб развозился по всей Западной Европе. Из южных земель громадные стада скота перегоняли в Германию и Италию. Вывозивший зерно землевладелец был заинтересован в свободе торговли. Законы снижали экспортные пошлины и одновременно открывали доступ иноземным товарам, хотя и в ущерб собственным производителям и купцам. Шляхта добилась лишения горожан права голоса в сейме. Самостоятельность городов подрывали принадлежавшие шляхтичам городские дворы и целые кварталы, не подчинявшиеся городским законам и администрации. Кроме того, короли приглашали в города иммигрантов – немцев, евреев, поляков, армян, которые стали составлять большинство населения украинских и белорусских городов, особенно крупных (как Львов).

Вновь появились и проекты унии польско-литовской державы и России. Теперь уже шляхта Речи Посполитой допускала выборы московского государя королем с целью использовать военный потенциал Москвы для возвращения потерянных Польшей земель на Западе, организации надежной обороны южных границ и победы в войне с турками. Шляхетские политики уже не опасались за свои вольности, поскольку король “за несоблюдение прав наших всегда может быть низложен”; к тому же “московит почитал бы все обычаи наши, так как по сравнению с московской грубостью все бы ему казалось наилучшим” – так полагали предвыборные публицистические сочинения в 70-80-х гг. XVI в.

В 1572 году сенат Речи Посполитой сообщил Ивану Грозному, что все “станы и рыцарство” желают видеть на троне Речи Посполитой его младшего сына царевича Федора, кото-

рый должен перейти на воспитание к польским советникам и не вмешиваться в управление государством. За допущение царевича к наследованию польского трона Ивану IV предстояло уступить Новгород, Псков и Смоленск. Конечно, царь отказался, но в то же время предложил “русскую” программу объединения. Идеолог и практик “вольного самодержавства” соглашался признать нетерпимые им вольности шляхты, но требовал передачи России Киева; в будущем объединении трех государств – России, Польши и Великого княжества Литовского – власть единого монарха (независимо от того, будет им сам царь или его сын) должна была быть наследственной.

Эти проекты так и остались нереализованными: ни царь, ни его сын так и не выступили “кандидатами” на выборах. Но после смерти Ивана Грозного русские послы выехали в Варшаву в 1587 г. для официального выдвижения кандидатуры Федора Ивановича на элекционном (избирательном) сейме. Они уже не рассчитывали на утверждение наследственного правления московской династии, но предполагали создать военно-политический союз между Россией и Речью Посполитой, направленный против Швеции, Османской империи и Крымского ханства. Московский государь обещал соблюдать права шляхты (“справ и вольностей не нарушит, еще к тому и прибавляти хочет”), не “вступатися ни в какие доходы и скарбы” Речи Посполитой, проявить веротерпимость (“людем всяким тех государств вера вольно будет держать по своей вере”), заплатить долги прежних монархов польско-литовской армии, дать купцам свободный проезд в своем государстве, а шляхтичам – земли в Диком поле.

Взамен московские политики хотели получить в свои руки руководство внешней политикой нового союза и утвердить первенствующее место России в политической структуре Восточной Европы: “Божьей милостью государь, царь и великий князь... всея Русин, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский” – так должен был звучать титул Федора. Но после победы в Ливонской войне государственные деятели Речи Посполитой уже не допускали равноправного союза двух держав: по их мнению, царь должен был в случае избрания принять католичество, а сейм – принимать важнейшие внешнеполитические решения.

В результате русский царь так и не участвовал в выборах на польский престол. Попытки унии в конце XVI в. были уже нереальными – слишком разошлись в своем развитии социально-политические структуры двух держав. В начале XVII в. король Речи Посполитой и его окружение предпочли “силовой” вариант осуществления унии. Во времена Смуты военные действия уже шли на территории России. Польские войска заняли Москву от имени сына своего короля – принца Владислава, которого московские бояре признали в 1610 г. новым государем России. Польско-Литовское государство возвратило Смоленск и Чернигово-Северские земли и сумело отстоять их в Смоленской войне (1632–1634) от войск Михаила Романова.

После Люблинской унии Польша присоединила большинство украинских земель великого княжества (Волынь, Киевщина и Подолье). Здесь создавались огромные владения-латифундии магнатов Замойских, Жолкевских, Калиновских, Конецпольских, Потоцких, Вишневецких. Вслед за магнатами и шляхтой шли католические священники. В проповедях и на диспутах они обличали догматические “заблуждения” и культурную отсталость православных. Иезуит Петр Скарга доказывал, что положение православия безнадежно, а единственный выход для его последователей – воссоединение с Римом:

“Греки обманули тебя, о русский народ, ибо, дав тебе святую веру, не дали греческого языка, вынудив пользоваться славянским наречием, дабы ты никогда не постиг истинного учения... Еще не было на свете академии, где бы философия, богословие, логика и другие свободные науки преподавались по-славянски. С таким языком нельзя сделаться ученым...”

В этих словах было бы много справедливого, если бы они зачастую не служили лишь маской для полонизации и окатоличивания.

При поддержке королевской власти была осуществлена Брестская уния 1596 г. – попытка мягкого, постепенного вхождения православных подданных в орбиту католической церкви. Брестская уния 1596 г. – союз православной и католической церквей на территории Речи Посполитой на условии признания православными католических догматов и верховной власти папы римского при сохранении православной церковью богослужения на славянских языках и обрядов. Православные иерархи в Речи Посполитой склонялись к унии, чтобы добиться независимости от власти константинопольского патриарха, получить места в сейме и покровительство короля в спорах духовенства с патриархом и православными братствами. В 1595 году епископы И. Потей и К. Терлецкий получили в Риме согласие папы на унию. В 1596 году в Бресте был созван провинциальный синод для решения вопроса об унии. Он разделился на две части. Православный собор, возглавлявшийся посланцами Константинопольского и Александрийского патриархов и поддержанный частью православного духовенства, шляхты и мещанством, объявил неправомерными действия сторонников унии и лишил их духовного сана. Митрополичий (униатский) собор, на котором присутствовали представители папы и короля, принял унию и лишил духовного сана противников. В результате сопротивления украинского и белорусского народов Речь Посполитая была вынуждена в 1633 г. разрешить легальное существование православной церкви. Официально Брестская уния была расторгнута на церковном соборе 1946 г. во Львове, созванном под нажимом Сталина и по существу неканоничном. Униатство было легализовано после ослабления советской власти в 1989 г. Вызванный этими пертурбациями конфликт (в частности, спор из-за храмов) продолжается до сего дня.

Уния не разрешила религиозных противоречий: столкновения между православными и униатами носили ожесточенный характер (например, витебский мятеж 1623 г., когда был убит проповедник униатства епископ Иосафат Кунцевич). Власти закрывали православные церкви, а отказывавшихся присоединиться к унии священников изгоняли из приходов. И все же в 1620 г. под давлением украинского мещанства и казачества была восстановлена параллельно с униатской православная иерархия с митрополией в Киеве, юридически зависимая от константинопольского патриарха. Киевское духовенство извлекло уроки из противостояния с униатами. В 1621 году Поместный собор духовенства и мирян разработал целую программу по публикации книг, устройству и улучшению сети православных училищ, усилению братств и т. д. Венцом ее стало открытие киевским митрополитом Петром Могилой в 1632 г. первой православной академии (впоследствии получившей название Киево-Могилянской), ставшей позднее, в конце XVII и XVIII вв., “кузницей кадров” высшего духовенства России.

Привилегии шляхты, блеск ее образованности и культуры привлекали православных дворян: началось отречение украинской и белорусской знати от веры отцов и переход в католичество. В 1610 году один из православных деятелей, Мелетий Смотрицкий, в трактате “Тренос, или Плач по святой восточной церкви” писал об утрате православной Русью ее знатнейших родов: “Где дом Острожских, славный пред всеми другими блеском древней веры? Где роды князей Слуцких, Заславских, Вишневецких, Сангушковых, Чарторыйских, Пронских, Ружинских...” Вместе с новой верой перенимались и новый язык и новая культура, что навсегда отчуждало “панов” от “быдла”. В XVII веке при составлении документов выходят из употребления старобелорусский язык и кириллица. Полонизация привела к ликвидации украинской и белорусской национальной элиты в начале Нового времени, когда в Европе шло становление национальных государств.

Было создано своего рода правовое государство, но его полноправными гражданами были только шляхтичи, владеющие собственным имением. Республиканская модель госу-

дарственного устройства обеспечила шляхте широкие возможности для политического развития и экономического господства, но на базе крепостного права. Привилегии сохраняли местное своеобразие, а широкое самоуправление охраняло шляхетские права и от короля, и от мужиков: в Польше и Литве не было ни опричнины, ни крестьянских войн. Однородный юридический статус господствующего класса придал Речи Посполитой определенную прочность, чему способствовали общность веры, языка и этнического самосознания подавляющей части шляхты. Гордая сознанием своих прав шляхта только себя считала “политическим народом”, из которого исключала другие сословия. Так установилось понятие шляхетской нации: к ней причислялась литовская, белорусская и украинская шляхта, но исключались польские и прочие крестьяне и мещане.

Эта нация свысока смотрела на московских “государских холопов”. Однако “златая вольность” уже в XVII в. постепенно оборачивалась параличом государственной власти. Но это уже была другая история...

Подробнее на эту тему

Бардах Ю., Леснодорский Б., Петрчак М. *История государства и права Польши*. М., 1980.

Думин С. В. *Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское)* // История отечества: Люди, идеи, решения. М., 1991.

Любавский М. К. *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*. М., 1915.

Субтельный О. *Украина: история*. Киев, 1994.

Самоубийство средневековой демократии 1418

В 1418 году в Новгороде разразилось очередное восстание: “От грозы тоя страшный и от возмущенна того великого вострясся весь град”. Некий Степанко схватил на улице боярина Данила Божи́на с криком: “Пособите ми тако на злодея сего!” Собравшиеся новгородцы стали с увлечением бить боярина: “...казниша его ранами близ смерти... сринуща... с мосту”. Еле спасшийся Божии (его вытащил какой-то “рыбник”) через несколько дней сам захватил Степанко и стал его пытать. Разборка боярина с одним из “меньших” людей вновь всколыхнула город. Толпа со знаменем, “стягом”, двинулась на Козьмодемьянскую улицу, разграбила дом Божи́на и “иных дворов много”. Степанко тут же освободили; но восставшие напали на усадьбы знати “много разграбиша домов боярских” и Никольский монастырь с криками: “Зде житнице боярские”. Только вооруженные жители “аристократической” Прусской улицы отбились от нападавших.

По городу загредел набат, “вста страна на страну ратным подобием”. С обеих сторон были убиты. Архиепископ с духовенством двинулись крестным ходом на Волховский мост и посреди моста благословляли обе стороны. Срочно прибыл посадник Федор Тимофеевич “с иными посадники и с тысяцкими”; после совещания делегация от духовенства была послана убедить восставших: “да идут в дома своя”. Те потребовали от бояр провести следствие. По-видимому, среди самих восставших к этому времени произошел раскол, и волнения прекратились.

Удивить новгородцев волнениями было трудно. Но “восстание Степанки” стало не очередным столкновением городских районов-концов во главе со “своими” боярскими группировками. Впервые “сташа чернь с одиной стороны, а с другую бояре и учинися пакости людем много мертвых”. Боярская верхушка Новгорода учла урок и скоро установила свое господство: восстание 1418 г. стало последним успехом “черни”. Но наступившая “стабильность” означала и конец своеобразной новгородской демократии.

“Господин Великий Новгород”

Устройство средневекового Новгорода окружено дымкой легенд, созданных в более поздние времена. Московские летописи XV–XVI вв. обличали “изменников-новгородцев”, а просвещенная государыня Екатерина II в своих исторических штудиях доказывала несостоятельность новгородского “буйства” и “безначалия”. В XIX веке декабристы, напротив, противопоставляли новгородскую “вольность” московскому “деспотизму”; да и наши современники порой судят о новгородских порядках по фильмам на фольклорно-сказочные сюжеты, где народные массы на вече с громким криком принимают решение о войне или мире, а патриот-ремесленник спихивает с вечевой “трибуны” корыстного и трусливого боярина...

К счастью, о средневековом Новгороде нам известно больше, чем о других древнерусских землях. Север не был затронут татарскими набегами, и здесь лучше сохранились летописи и документы. С 1932 года в Новгороде постоянно ведутся раскопки, в ходе которых полвека назад было совершено важнейшее открытие – впервые найдены берестяные грамоты, число которых к настоящему времени приближается к тысяче. Эти источники позволяют нам представить иную, по сравнению с большинством южнорусских (“низовских”, как говорили новгородцы) земель, модель общественного и государственного устройства. При этом надо иметь в виду, что речь идет не просто о городе, но об обширном государстве –

“Господине Великом Новгороде”, никогда, в отличие от других земель и княжеств, не дробившемся на уделы.

Раздоры между местными племенами (словенами, кривичами и чудью) привели, согласно известному летописному рассказу, к “призванию” князя со стороны в 862 г. Таким образом, государственность на Севере возникла на основе договора. Она была изначально ограничена определенными условиями, которые новгородцы считали законами “отцов и дедов”: князь не имел права распоряжаться государственными доходами и расходами. Столкновения новгородцев с князьями, претендовавшими на расширение своих полномочий, привели к тому, что Ярослав Мудрый был вынужден дать им то, что сейчас мы бы назвали “основными законами”, – Русскую правду.

Современные исследования подтвердили, что Новгород – это действительно относительно “новый город”: он возник из трех поселков объединившихся славянских и угро-финских племенных союзов в середине X в.; спустя век была построена первая общегородская крепость – Детинец. Возможно, новый центр возник как раз в ответ на усилившуюся власть князя (князья и дружина размещались в IX–X вв. на Рюриковом городище за пределами Новгорода). Скоро княжеская резиденция переместилась на юг, в Киев; но “новый город” на Севере уже окреп и со временем стал главным торговым портом страны. Основанный при истоке Волхова из озера Ильмень город “замкнул” в важнейшей географической точке систему рек ильменского бассейна (Ловать, Мету, Шелонь), охватывавшую значительную территорию северной части Руси.

В большинстве учебников приводится известная дата – 1136 г., когда новгородцы изгнали неугодного им князя и стали приглашать князей по своему выбору. Но это событие – только один из этапов на пути оформления социального и государственного устройства Новгорода, которое в основных чертах сложилось в XIII в.

Верховным законодательным органом власти было новгородское вече. Вече – главная загадка новгородской истории: оно десятки и сотни раз упоминается в летописях и актах, но их составители не считали нужным объяснять современникам (им-то это и так было известно), кто и каким образом входил в его состав, каковы были его компетенция и порядок работы. Поэтому потомкам все это до сих пор остается не вполне понятным.

Судя по размеру вечевой площади на Ярославовом дворе около Никольского собора (1200–1500 м²), собрание было относительно небольшим. Там находились “степень” – трибуна для посадников – и скамьи для прочих участников (на вече не стояли, а сидели, как в настоящем парламенте). Такая площадь могла вместить несколько сот человек, но никак не все многотысячное население города. Поэтому одни историки полагают, что вече состояло из бояр – владельцев усадеб, другие считают возможным более широкий состав представительства через систему кончанских вечевых собраний, участниками которых могли быть все свободные жители концов и улиц. Но новгородские крестьяне-смерды никогда не участвовали в вечевом управлении – их делом было платить дани и пошлыны администрации, строить крепости на рубежах и трудиться в боярских вотчинах.

Главным представителем исполнительной власти в Новгороде был посадник, выбиравшийся только из числа бояр. Однако долгое время князья также оказывали влияние на политику Новгорода через своих сторонников: в XII в. новгородцы часто меняли князей, но и князья устраняли неугодных посадников, используя противоречия между боярскими кланами.

В 1230 году Михаил Всеволодович Черниговский посадил в Новгороде князем своего сына Ростислава. Против черниговского князя и его ставленника – посадника Внесда Водовика – выступили сын бывшего посадника Степан Твердиславич и боярин Иванко Тимошинич, которых поддерживал владими́ро-суздальский князь, соперник Михаила

Черниговского Ярослав Всеволодович. После публичного столкновения (Степан и Иванко “распрелись” с посадником) Иванко был избит людьми посадника и на другой день созвал вече на Водовика. Последний в союзе с бывшим посадником Семеном Борисовичем сумел одержать верх. Прямо на вече был убит боярин Волос Блудкинич, обвиненный в попытке поджога посадничьего дома. Затем убили и бросили в Волхов Иванко Тимошинича, а их сторонник Яким убежал к князю Ярославу Всеволодовичу. Но уже в декабре 1230 г., после того как Водовик уехал с молодым князем в Торжок, “суздальская” группировка победила: новгородцы убили Семена Борисовича, разграбили двор и села Внезда Водовика и его сторонников и вручили посадничество Степану Твердиславичу. После такого “избрания” Степан Твердиславич пригласил на новгородский стол Ярослава Всеволодовича.

Цивилизованной смене власти пришлось долго учиться – посадников порой изгоняли, а то и убивали. Только в XIII в. республиканский строй утвердился окончательно. Отныне посадник стал избираться на год из числа пяти пожизненных кончанских посадников, а взаимоотношения Новгорода с князьями четко регулировались “типовыми” договорами.

В ведении второго лица – новгородского тысяцкого – находились организация ополчения, сбор налогов, торговый суд (нынешний арбитраж). С середины XII столетия в Новгороде избирали (по жребию из числа нескольких претендентов – игуменов окрестных монастырей) кандидата в архиепископы, который затем направлялся к митрополиту для посвящения в сан. Новгородский архиепископ вершил церковный суд, хранил государственную казну, во время конфликтов мирил враждовавшие стороны и нередко выполнял дипломатические поручения в отношениях с другими княжествами. Он же выступал в качестве своеобразного нотариуса по сделкам с недвижимостью – вотчинами. У каждого из перечисленных должностных лиц был свой аппарат, каждый из них обладал в рамках своих полномочий судебной властью. Их судебные права определялись особой Новгородской судной грамотой.

Республика никогда не жила без князя. В меру воинственный и удачливый князь должен был обеспечить независимость государства от покушений со стороны других Рюриковичей и свободу торговых путей из Новгорода на “низ” – в южнорусские земли. Богатая республика имела уязвимое место: лесистые и болотистые северные почвы были неплодородными, и Новгород постоянно нуждался в подвозе хлеба. В случае политических конфликтов князья-противники тут же перекрывали торговые пути, и тогда цены на новгородском рынке взмывали в 5-10, а иногда и в 30 раз. “Резаху люди живые и ядыху, а инии мертвая мяса и трупики обрезанное ядыху, а друзии конину, псину, кошки, а инии же мох ядыху, сосну, кору липову и лист, кто что замысля; а инии паки злии человеци почаша добрых людий дома зажигати, где чюючи рожь...” – так описывал летописец голодную весну 1231 г. в богатом городе.

Поэтому на новгородском престоле мог находиться даже князь-ребенок или его представитель-наместник, обозначавший такой союз. В случае необходимости (но далеко не всегда) князь возглавлял объединенное войско новгородцев и своих дружинников. Повседневной же функцией князя в Новгороде был суд, судебные решения скреплялись княжеской печатью. Но судил князь вместе с посадником. Победа 1136 г. навсегда поставила князей под республиканский контроль. Стандартная формула новгородского “ряда” с князем выглядела так: “А без посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамот даяти. А без вины мужа волости не лишати”. За работу князь получал судебные пошлыны и доход с определенной территории, но не становился ее владельцем.

В XIII веке договоры, определявшие отношения князей с Новгородом, имели уже вполне разработанный формуляр (первый из дошедших до нас относится к 1264 г.). При заключении “ряда” князь целовал крест “на всей воли новгородской”, обязывался “держати... Новгород по пошлине” (то есть по старине).

Гарантией соблюдения договора был запрет князю и его слугам приобретать в новгородских владениях земли. К тому же новгородцы были “вольны во князьях”, поэтому у них не было одной “законной” княжеской династии. Приглашенный князь ставился в положение высокооплачиваемого чиновника и мог быть в любое время сменен: в случае конфликта ему “указывали путь” из Новгорода. Небольшая княжеская дружина в 300–500 человек ничего не могла поделать с многочисленным городским ополчением и боярскими отрядами.

Истоки такого порядка уходят в глубокую древность, когда родоплеменная верхушка славянских и угро-финских племен возглавила эту “федерацию”. Скорее всего, именно ее потомки превратились в наследственных бояр. В отличие от других земель, где боярином становился княжеский советник или дружинник, новгородским боярином нужно было родиться: лишь представители 40–50 родов носили это звание. Археологические раскопки показали, что каждому роду принадлежало по 8-ю городских усадеб (площадью около 2 тыс. м²), на протяжении столетий не менявших своих границ. Такие клановые владения представляли собой мощные комплексы с двухэтажными боярскими хоромами (с балконами, стеклянными окнами и цветными витражами) и хозяйственными постройками, запасами, ремесленными мастерскими, с челядью и прочими зависимыми людьми.

Усадьбы каждого рода группировались в определенном конце Новгорода и держали под контролем несколько кварталов с их обитателями. Они составляли городскую опору боярских родов, являвшихся настоящими хозяевами в городе и на подвластных ему территориях. В Неревском конце господствовали Мишиничи и их родичи: Онци-форовичи, Самсоновы, Борецкие; в Славенском – Лошинские, Селезневые, Грузовые, Офонасовы; на Прусской улице – потомки Михалки Степановича. Новгородские бояре не рассредоточивались по своим вотчинам, а сидели в Новгороде, иначе они утратили бы возможность участвовать в борьбе за власть.

В Киеве и прочих землях полюдь осуществляли князь с дружиной; в Новгороде сборщиками дани стали в X–XI вв. местные бояре. Древнейшие известные берестяные грамоты – это записи долгов горожан и крестьян-смердов, хранившиеся в боярских усадьбах. Так началось и укреплялось боярское влияние в Новгороде. С XII века новгородские бояре превращаются в землевладельцев, а через двести лет 90 % новгородских земель стали боярскими вотчинами. “Есть в Новгороде знатные сеньоры, которых они называют бояре. Власть этих знатнейших горожан неимоверна, а богатства их неисчислимы: некоторые владеют земельными угодьями протяженностью в 200 лье”, – такими увидел новгородских “граждан” французский рыцарь Жильбер де Ланнуа в начале XV в.

Только в центре, на давно освоенных землях, боярским фамилиям принадлежало около 80 тыс. гектаров. Там находилось примерно 20 тыс. крестьянских хозяйств – в среднем по 500 на каждого владельца. Знаменитой боярыне Марфе Борецкой принадлежало около 1200 дворов, то есть примерно 6–7 тыс. крестьян. Не менее богатыми стали новгородские монастыри: Хутынский, Юрьев, Аркажский. Самым богатым землевладельцем являлся “дом святой Софии” – архиепископская кафедра. Огромными были боярские владения на окраинах Новгорода, в его северных лесных колониях.

Вотчинное хозяйство (целые “погосты” в сотни квадратных километров с десятками деревень) и промыслы давали боярам возможность концентрировать в своих руках ценные экспортные товары. Из боярских владений поступали сотни пудов воска, десятки тысяч бобровых и беличьих шкурок, мед, рыба и “рыбий зуб” (моржовые клыки). До конца XVI в.

Новгород был для Руси окном в Европу и главным центром торговых связей с западными и северными странами, куда отправлялись воск и меха на кораблях купцов немецкой Ганзы.

Ганза (от средненижненемецкого Наше – союз, товарищество) – федерация североευропейских городов под руководством Любека, в котором собирались съезды членов этого союза и принимались обязательные для всех решения. В Ганзу входило более 100 городов от Норвегии до Нидерландов (Бремен, Антверпен, Кельн, Гамбург, Брюгге, Берген, Гданьск, Ревель, Рига и другие). Ганзейские купцы со своим флотом в XIV–XV вв. были монополистами в торговле и перевозках на севере Европы: с востока везли зерно, воск и меха, из Швеции вывозили металл. В обратном направлении перевозились сукна, вина, соль, цветные металлы и изделия из них, оружие. Именно через эти города Русь получала необходимые ей западноевропейские товары. Отношения между Новгородом и ганзейским купечеством регулировались договорами, самый ранний из которых датируется концом XII в. Немецкий двор в Новгороде пользовался автономией и управлялся “олдерманом” – старшиной, который избирался общим купеческим собранием. Ганзейцы подлежали компетенции новгородских властей только при возникновении тяжб с новгородцами. Они вносили в новгородскую казну только одну проездную пошлину – на пути в Новгород и одну торговую – за взвешивание товаров. При покупке мехов “немцы” имели право осматривать их и требовать к ним наддачи дополнительного количества, не засчитывавшегося в счет купленного меха. При покупке воска ганзейцы могли его “колупать” – откалывать куски для проверки качества, причем отколотые куски также не входили в счет веса купленного воска. Новгородцы же при покупке ганзейских товаров – сукна, соли, сельди, меда, вина – не имели права проверять их качество, взвешивать или измерять.

В обмен на драгоценную новгородскую пушнину шли западноевропейские товары: серебро и золото, бочки дорогого вина, кипы сукна, драгоценности, изысканная утварь, соль, янтарь и полуфабрикаты (цветные металлы). Все это добро поступало на боярские усадьбы, где располагались мастерские ремесленников: бояре предоставляли им не только кровительство, но также сырье и продовольствие; оттуда готовые товары расходились по всей Руси. У былинного купца Садко был вполне реальный исторический прототип, только это был не купец, а как раз боярин – Садко Сытинич, на свои средства построивший церковь Бориса и Глеба в конце XII в. Церкви рядом со своими усадьбами строили и другие бояре: местные священники поддерживали влияние “своего” боярина на соседей по улице и кварталу.

От демократии к олигархии

И все же новгородское боярство не было единым. Отдельные кланы, опиравшиеся на свои центры и концы, соперничали друг с другом, что в первые столетия существования республики давало возможность “черным людям” заявлять о своих интересах. Вперемежку с боярскими усадьбами на улицах находились дворы землевладельцев-небояр (“житых людей”), ремесленников, духовенства, купцов. Все это население составляло уличанские общины: “прусов” (Прусской улицы), “витковцев”, “кузмодемьян” – и собиралось на уличанские вече; свое вече было у каждого конца – района. Археологи обнаружили выгороженные и вымощенные участки для таких собраний на перекрестках улиц; там новгородцы во

время заседаний дружно грызли орехи, скорлупа которых так и осталась лежать толстым слоем на мостовой.

На них решались прежде всего местные дела (мы бы сказали сейчас – “вопросы коммунального хозяйства”) – например, не пора ли заново мостить улицу (в Новгороде меняли деревянные мостовые через каждые 20–25 лет, а в XIV в. появились первые водоотводные системы). Помимо включения в уличанские общины небоярское население Новгорода для участия в ополчении и уплаты налогов разделялось на десять сотен; во главе этого устройства – тысячи – стоял выборный тысяцкий, представлявший интересы непривилегированных граждан.

Во время нередких восстаний “черные люди” оказывали давление на всю боярскую верхушку. Восстание 1207 г. против посадника Дмитра Мирошкинича и его “администрации”, введившей новые тяжелые налоги, закончилось победой “черных людей”: “...и села их распродаша и челядь, а сокровища их изысканы и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу по 3 гривне, и от того многи разбогатеша”. Но даже массовые выступления в Новгороде не приводили к принципиальным изменениям в политическом строе. Возглавляемые боярами городские концы постоянно боролись друг с другом; широко использовалась социальная демагогия: в наших бедах виноваты стоящие у власти “плохие” бояре с другого конца, давайте их скинем и поставим “своих”!

Со временем бояре все больше прибирали к рукам власть в Новгороде. К середине XIV в. они закрепили за собой должность тысяцкого. Борьба за посадничество заставила бояр “расширить” этот орган, а ограничение срока посадничества должно было ослабить борьбу за власть среди боярских группировок. В 1354 году посадник Онцифор Лукич провел реформу, по которой стало избираться шесть посадников – пять от каждого из городских концов и один главный – степенной. Создавалась коллегия посадников, представлявших разные боярские группировки и концы. Таким образом, в поисках стабильности в Новгороде рождается олигархический режим, когда представители замкнутого круга знати открыто становятся полноправными хозяевами республики.

Онцифор был сыном Луки Варфоломеевича, основавшего на Северной Двине крепость Орлец, и внуком посадника Варфоломея Юрьевича. Варфоломей же был сыном посадника Юрия Мишинича и внуком Миши, героя Невской битвы 1240 г. Родовитый боярин начал свою политическую деятельность с руководства восстанием “черных людей” в 1342 г. и был за это из Новгорода изгнан. Впоследствии он вернулся и в 1346 г. одержал во главе новгородского войска победу над шведами на Жабьем поле. С 1350 по 1354 г. он был новгородским посадником, в 1367 г. умер. Найдено его берестяное письмо, адресованное матери; сын дает ряд поручений: “Челобитие к госпоже матери от Онцифора. Вели Нестору рубль скопить да идти к Юрию укладнику, проси его, чтобы купил коня. Да иди с Амвросием к Степану, взяв жеребий, а может быть, он и рубль возьмет, купи и другого коня. Да проси у Юрия полтину да купи соли с Амвросием. А если он не добудет мехов и серебра до зимнего пути, пошли за ними с Нестором сюда” (*Арциховский А. В. Письма Онцифора // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 115*)

Реформа поначалу не смогла прекратить внутривластных конфликтов. Однако такие выступления постепенно становились все более “отрежиссированными”, как, например, в 1359 г.

Степенной посадник Андреян Захарьинич представлял Плотницкий конец. Его противники из самого сильного и влиятельного Славенского конца пришли с оружием на вече, устроили драку и силой смогли навязать свою кандидатуру. В уличных столкновениях концев погибло несколько бояр, не говоря уже о многих “невиноватых”. В итоге боярин “славлянин” так и не смог захватить власть и поплатился своими “селами”, которые были разграблены его противниками. Но и боярин Андреян не смог вернуть посадничество, и к власти пришел представитель третьего клана.

Все же, несмотря на издержки, новый способ властвования пришелся боярству по вкусу, и развитие политической системы республики пошло в том же направлении. Следующий этап установления боярской олигархии приходится на начало XV в.: в 1410-х гг. число посадников увеличилось до 18. Реакцией на новые порядки и стало “восстание Степанки”, когда “черные люди” били уже не только указанных им “чужих” бояр, а всех представителей правившей верхушки. Но выбор был сделан. К началу 1420-х гг. в Новгороде одновременно существовало уже 24 посадника и шесть тысяцких; к середине XV в. посадников стало 36, то есть практически каждый боярский клан имел своего представителя в этой властной структуре.

Новгород иногда не вполне корректно сравнивают с вольными западноевропейскими городами-коммунами. Точнее было бы его сопоставлять с близкой по типу аристократически-купеческой республикой Венецией. Но Венеция сумела стать одним из самых богатых государств Средневековья и сохранить свою независимость вплоть до конца XVIII в. Новгород же этого сделать не смог, и не только по причине неравенства сил в поединке с Москвой.

В 1171 году Венеция была разделена на шесть районов. Исходя из такого территориального деления был образован Большой совет: нобили каждого из шести сестьеров выбирали двоих представителей, каждый из которых, в свою очередь, назначал еще 40 человек. Большой совет состоял из 2500 членов – отпрысков патрицианских родов, из их числа рекрутировалось большинство должностных лиц республики. Основными институтами коммуны являлись сенат, возглавляемая дожем коллегия и квартантя – главный судебный орган по криминальным делам. Выбираемый тайным голосованием Большого совета дож становился пожизненным правителем республики, но его реальная власть ограничивалась сложной системой комиссий и советов, следивших за действиями дожа и друг за другом. С XIII века элита замкнулась, перестав принимать в свой круг новые, пусть даже весьма богатые фамилии.

Маленькая Венеция долго оставалась одной из сильнейших морских держав Средиземноморья: создала собственный торговый и военный флот, самую совершенную в Европе дипломатическую службу, сеть заморских торговых факторий, развернула собственное уникальное производство (знаменитого венецианского стекла и зеркал). Новгородское же боярство создавало свои богатства за счет экспорта природных богатств и вполне этим удовлетворялось.

Такая “сырьевая” эксплуатация обширных лесных колоний приносила колоссальные доходы боярству, но тормозила развитие передовых по тому времени отраслей. Новгородские молодцы-ушкуйники могли периодически устраивать дальние экспедиции на Север за пушниной да еще совершать лихие пиратские набеги на “низовые” города: “Проидоша из Новагорода Волгою из Великого полтораста ушкуев с разбойники новгородскими, и избиша по Волзе множество татар и бесермен и ормен... Новьгород Нижний пограбиша... И поидоша в Каму, и проидоша до Болгар”, где с успехом “полон христианский весь попродаша”. Однако новгородская торговля целиком зависела от более предприимчивых и техни-

чески оснащенных немецких купцов. Товары в Новгород и из него шли на немецких судах, поэтому новгородское купечество не могло соперничать и даже заключать равноправные договоры с ганзейцами, не говоря уж о морской торговой экспансии. Создание собственного флота было затруднено отсутствием морских гаваней.

Раннее участие в управлении облегчило новгородским боярам подчинение свободных смердов и горожан, а связи вотчин с городскими хозяйствами-усадьбами обеспечили боярству контроль за экономикой и политическое господство. Технический уровень новгородских мастеров был достаточно высоким, однако зависимость купцов и ремесленников (по раскопкам известно уже 150 таких “боярских” мастерских) мешала формированию профессиональных корпораций горожан – цехов, развивавшихся в западноевропейских городах. Эти обстоятельства, помноженные на общие причины слабости русского города, не дали возможности процветавшему и свободному Новгороду стать инновационным центром передовых технологий и форм производства на Руси.

Боярство смогло полностью подчинить своей воле как экономику, так и политические институты Новгорода. Но эта победа как раз и подрывала новгородскую самостоятельность. Еще в XIV в. черному люду было что защищать в республиканских порядках: сохранялось некоторое влияние горожан на “своих” бояр, а их зависимость от народной поддержки не позволяла резко усиливать налоговый гнет. Установление же после 1418 г. открытой олигархии объединило враждующие кланы, но фактически ликвидировало вечевой строй, а вместе с ним и желание “черных людей” защищать новгородские порядки. Социальная рознь ослабляла республику – как раз тогда, когда ей пришлось отстаивать независимость.

Конец республики

В отличие от тверских или нижегородских правителей новгородцы никогда не участвовали в борьбе за гегемонию на Руси. Новгородская элита, как правило, принимала к себе в князя того, кто становился великим князем Владимирским, что гарантировало от конфликта с Ордой. Власть любого, даже самого сильного князя была в новгородских владениях ограничена. Боярство получало огромные выгоды от сбыта мехов и транзитной торговли, и его мало интересовали политические события на “низу”, если они не задевали новгородских интересов.

Случались порой и столкновения. В 1170 году под стенами Новгорода стояли дружины владимирского “самовластца” Андрея Боголюбского; в 1387 г. на него двинулись силы почти всей русской земли во главе с Дмитрием Донским; в 1428 г. в новгородские пределы вторглось войско могущественного великого князя литовского Витовта. Но новгородцы держались стойко: “суздальцы” князя Андрея потерпели страшное поражение, запечатленное на новгородской иконе “Чудо от иконы Знамение”. Когда же противник оказывался сильнее, северяне откупались: выплачивали “черный бор” (одноразовую дань) великому князю Московскому или его литовскому конкуренту.

Но к середине XV в. ситуация в Северо-Восточной Руси принципиально изменилась. Исчезли соперничавшие друг с другом и беспрерывно воевавшие княжества, всегда дававшие новгородцам возможность выбрать удобного партнера. Великое княжение владимирское прочно закрепили за собой московские князья. С окончанием междоусобной войны московских князей Новгород остался единственной политической структурой, претендовавшей на проведение независимой политики. Должна была настать и его очередь.

Зимой 1456 г. войска великого князя Василия II (1425–1462) провели короткую победоносную кампанию – разгромили новгородское ополчение под Руссой; посадник Михаил Туча угодил в московский плен. В деревеньке Яжелбицы москвичи заключили договор с Новгородом: посадники пообещали признавать московского князя своим сувереном, выпла-

тили ему немалую контрибуцию в 10 тыс. рублей. Но при этом новгородские представители упорно отстаивали “старину” – неприкосновенность боярских вотчин, особое республиканское устройство и невмешательство в него великого князя. Яжелбицкий мир повторил почти без изменений традиционные нормы “докончаний” между великим князем и новгородскими боярами: “Новгород держати вам в старине, по пошлине, без обиды; а нам, мужем ноугородцем, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды. А пошлин ваших, князей великих, не таити, по целованию. А что волостей ноугородцких всех, вам не держати своими мужи, держати мужи ноу-городцкими, и дар имати от тех волостей. А без посадника вам, князи, суда не судити, ни волостей роздавати, ни грамот давати... А без вины вам, князи, мужа волости не лишити, ни грамот не посужати...”

Однако в договоре впервые было записано: “Вечным грамотам не быти”, то есть Москва впервые потребовала ликвидации высшего новгородского органа власти. Как восприняли это требование новгородские послы, неизвестно; однако сохранилось оно только в московском экземпляре Яжелбицкого договора. И все же мир был восстановлен. Победитель и побежденные, как равные договаривающиеся стороны, “целовали крест” – ратифицировали договор, который не собирались долго соблюдать. Для Москвы он стал некоторой передышкой в борьбе за подчинение Новгорода; историкам известны грамоты, выданные от имени веча уже после Яжелбиц.

Судьба Новгорода была решена Иваном III (1462–1505). Новгородцы уже лишились пространства для маневра: обращаться за реальной помощью можно было только к сопернику Москвы – королю Польскому и великому князю литовскому Казимиру. В 1463 году к нему отправилось новгородское посольство с жалобой о “возмущении еже на Великий на Новгород Ивана Васильевича”. Русская земля стояла на пороге новой войны; но она не началась – очевидно, верх в Новгороде взяли сторонники “худого мира”. В 1470 году на новгородском столе оказался Михаил Олелькович – потомок Ольгерда Литовского. Его княжение было недолгим, но именно в это время “литовская партия” среди новгородских бояр решительно выступила против Москвы.

Дети покойного посадника Исака Борецкого и его вдова Марфа призвали новгородцев: “Не хотим за великого князя Московского, ни зватися отчиною его. Волныи есмы люди, Велики Новгород. А московский князь велики много обиды и неправду над нами чинит. Но хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимера”. Вскоре был заключен договор: “честный король” обязался “всесть на конь за Велики Новгород”, то есть лично возглавить польско-литовскую рать. Переход под власть короля означал разрыв не только с Москвой, но и с вековой “стариной” признания прав великих владимирских князей.

Князья из Литвы приходили в Новгород не раз: в 1414 г. здесь княжил Иван Владимирович, дядя Михаила Олельковича, в 1435, 1445 и 1459 гг. – другой его родич, Юрий Семёнович, сын Семена-Лугвения, защитника Новгорода от Ливонского ордена. Михаил Олелькович был вассалом и родичем Казимира, но еще и двоюродным братом самого Ивана III. Однако теперь приглашение князя “из королевь руки” стало для Москвы удобным предлогом для обвинения новгородцев заодно и в измене, и в склонности к “латинству”.

И хотя Михаил уехал из Новгорода весной 1471 г., расплата не замедлила. В мае московские и псковские войска, действуя по согласованному плану, вышли в поход “плenuюще и жгуще, и люди в полон поведуще”. Последовали подряд четыре поражения новгородских войск; самое сокрушительное – на реке Шелони, где конница москвичей уложила на поле боя 12 тыс. новгородцев. Военный разгром в 1456 и 1471 гг. был неслучайным. На закате Средневековья Новгород не смог создать не только флота, но и современной профессиональной армии – боярской олигархии она была не нужна и даже опасна. Но в борьбе с поместной московской конницей громоздкое городское ополчение оказалось бессильным.

Новгородские послы даже не успели доехать до Казимира, когда все было кончено. Посадник Дмитрий Борецкий, а с ним еще несколько знатных “изменников” были казнены, другой посадник Василий Казимир и 50 “лутчих” новгородцев отправлены в московские тюрьмы. Зато “мелких людей” великий князь Иван III после побоища “велел отпущати к Новгороду” – он умел быть расчетливо милостивым.

Впервые “Господин Великий Новгород” официально признал себя “отчиной” великого князя, объявившего себя верховной судебной инстанцией в Новгороде.

Спустя несколько лет последовал новый поход великокняжеской рати. Но у богатейшей республики, никогда не знавшей междоусобных войн и татарских набегов, не осталось ни сил, ни воли к сопротивлению, хотя за 100 лет до того новгородцам удавалось отбиться от самого Дмитрия Донского и разгромить войско его сына Василия Дмитриевича.

К моменту последнего столкновения с Москвой в республике проявился раскол: “И разделишася людие – инии хотяху за князя (Ивана III), а инии за короля за Литовского”. Рядовые новгородцы уже не рвались защищать боярское правление. Сами же бояре так и не смогли выступить в борьбе с грозным противником единым фронтом: одни стремились “заложиться” за Казимира Литовского, другие надеялись на компромисс с Москвой и сохранение своей власти и привилегий в обмен на признание Ивана III “государем”.

“Новгородские посадницы [то есть посадники] и тысяцкие, купцы и житии люди, и мастера всякие, спроста рещи плотники и гончары, и прочий, который родився на лошади не бывали, и на мысли которым того не бывало, что руки поднять противу великого князя, всех тех изменници они силою выгнаша; а которым бы не хотети пойти к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку Вльхов вметаху”, – насмеялся над усилиями бояр-“изменников” организовать сопротивление московский летописец. Но и его новгородские собратья также не смогли скрыть отсутствие единства у сограждан: “И всколебашася аки пьяни, и бяше в них непособица и многие брани, мнози бо велможи бояре перевет имехаху князю великому и того ради не изволиша в единомыслии быти, и всташа чернь на бояр, а бояри на чернь”.

В итоге в студеное января 1478 г. новгородская знать выслушала из уст Ивана III приговор: “Вечю колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти. Посаднику не быти. Волоstem быти, селом быти, как у нас в Низовской земле”. Последним днем республики стало 15 января: московские “дети боярские” и дьяки привели новгородцев к присяге своему государю.

Новгородскую “демократию” не стоит идеализировать: большинство населения города находилось в зависимости от боярских кланов, а окрестные крестьяне-смерды в политической жизни никак не участвовали. Но в боярской республике была создана сложная система “разделения властей”; население города участвовало (на уровне улиц, сотен, концов) в деятельности местных органов самоуправления. Археологи обнаружили остатки деревянных “палат” суда вместе с массой берестяных грамот о судебных спорах. Рядовые торговцы и ремесленники были грамотными и умели отстаивать свои права. “От Незнанка к Рюре. Собираешься ли платить 6 гривен? Если не собираешься, то поезжай (на суд) в город”, – так корректно приглашал новгородец своего оппонента разрешить имущественный спор в начале XIII в.

Это было не худшее “наследство” республиканских порядков. Однако “собрание земель” Москвой “закрыло” новгородский, а затем и псковский “эксперимент” с вечевым “народоправством”. После покорения Новгорода Иван III последовательно ликвидировал и саму основу былых “вольностей”. В 1480 году был “пойман” архиепископ Феофил (умер в заточении в кремлевском Чудовом монастыре), а затем в несколько приемов конфискованы десятки тысяч гектаров светских и церковных вотчин. Их владельцы – бояре, “житии люди”, купцы – получили взамен земли в разных уголках Руси: “Жаловал их на Москве, давал поме-

стья, и в Володимере, и в Муроме, и в Новгороде Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городом; а в Новгород в Великий на их поместья послал московских многих лучших гостей и детей боярских и из иных городов”. Расправа с верхушкой новгородского боярства явилась демонстративным нарушением Иваном III данного им в 1478 г. новгородцам обещания не вмешиваться в боярские вотчины и не “выводить” бояр из Новгорода. Последние остатки новгородских прав исчезли после опричного погрома зимой 1570 г.

Подробнее на эту тему:

Алексеев Ю.Г. *“К Москве хотим”*: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.

Лурье Я. С. *Две истории Руси XV века*. СПб., 1994.

Янин В. Л. *Новгородские посадники*. М., 1962.

Шемяка против Темного 1453

23 июля 1453 г. загнавший коня гонец, подьячий Василий Беда, привез в Москву весть: в Новгороде скоропостижно умер главный соперник московского великого князя Василия II, его двоюродный брат Дмитрий Юрьевич Шемяка. Подьячему с выразительным прозвищем за это известие был пожалован дьяческий чин. А для великого князя оно означало окончание многолетней войны, ставкой в которой была не только власть над всей Северо-Восточной Русью, но и направление развития государства.

Звезда Москвы

Начало XV столетия приходится на времена раздробленности, а к концу его уже было создано единое Московское государство. Но процесс этот шел не просто и не однолинейно. “Кто то знал, что Москве государством слыти?” – спрашивали в ту эпоху книжники и летописцы, осмыслявшие процесс объединения Северо-Восточной Руси “под рукой” московских князей. В учебниках можно прочесть, что Владимиро-Суздальское княжество уже в домонгольский период было сильнейшим среди русских земель. Именно здесь складывалась тяжелая, но справедливая державная власть, которую затем унаследовала и приумножила Москва. Московские государи считали себя прямыми и единственными наследниками этой традиции, что отразилось в летописях конца XV–XVI в., где своему княжеству уделялось наибольшее внимание, а свои князья выглядели самыми сильными и мудрыми.

Однако в начале XIII в. столь же сильными, как владимирские, были князья черниговские и галицкие. На Киев претендовали также смоленские Ростиславичи. Их земли были богаче и превосходили Северо-Восточную Русь как по количеству крепостей, так и по числу крупных сел и городов.

Ситуация изменилась лишь после монгольского нашествия. Южно-русские княжества испытали слишком сильный удар, на Черниговщине многие поселения навсегда прекратили свое существование – сохранилось только два процента селищ домонгольской поры. После нашествия усилилось дробление, а крупного “столичного” княжества в Черниговской земле под непрерывным давлением Орды не сложилось. Галицкая держава располагалась между сильными соседями – Ордой, Литвой, Польшей и Венгрией, и необходимого “запаса прочности” ей не хватило. Смоленские князья еще в XIII в. истощили свои силы, претендуя разом и на киевский, и на новгородский столы. В итоге из четырех сильнейших в первой половине XIII в. княжеств два (Черниговское и Галицко-Волынское) в XIV в. прекратили существование, а их территории оказались в составе других государств – Польши и Великого княжества Литовского. Та же судьба постигла позднее Смоленск – он стал предметом спора между Москвой и Литвой.

У затерянной в лесной глуши Москвы особых преимуществ не было – ни плодородных почв, ни богатых промыслов, ни выхода к магистральным торговым путям. Пожалуй, его выгодно отличало только одно – относительное спокойствие. “Залесские” земли служили убежищем для беглецов как из Южной Руси, так и из разоренного ростово-суздальского ополья. Так, на службе у младшего из детей Александра Невского, первого московского князя Даниила Александровича (1276–1303), оказались основатели будущих знатных родов – боярин Федор Бяконт из Чернигова, Нестер Рябец из Киева и другие.

Их “люди” и слуги составили “кованую рать” и силу князей Москвы. А необходимость обеспечить содержание слуг толкало князей на войну за новые волости. Основу будущего

могущества заложил Даниил Александрович: у Смоленского княжества он отнял Можайск, у Рязани Коломну, по завещанию бездетного племянника присоединил Переславль-Залесский. Сын Даниила Юрий выпросил у хана выморочное Городецкое княжество.

Однако такими же преимуществами обладали и соседи Москвы – Тверь и Нижний Новгород. Ханы Золотой Орды сознательно сделали стол владимирских князей “старейшим” на Руси. Объявлялся своего рода конкурс: продемонстрировавший наибольшую надежность князь получал ярлык на великое княжение владимирское, а вместе с ним территорию великого княжения с ее городами и доходами – до появления еще более надежного претендента. За великокняжеский престол началась борьба.

В лето 1307 князь Юрий выехал в Москву с Рязани, а осек была Таирова рать. В ту же осень князья Александр и Борис отъехали в Тверь из Москвы. В ту же зиму князь Юрий уби князя Константина Рязанского.

В том же году великий князь Михаил Ярославич Тверской ходил второй раз с войском к Москве, со всею силою своею; был бой у Москвы, на память святого апостола Тита, и город не взяли, и не добившись ничего возвратились...

В лето 1317 пришел из Орды князь великий Юрий Данилович на великое княжение, а с ним ханский посол Кавгадый. В том году князю Ивану Даниловичу родился сын, месяца сентября в 7 день, и назван был князем Семеном. В ту же зиму князь великий Юрий Данилович приходил с большим войском к Твери, у Бортенева был великий бой, сеча злая, и помог бог тверичам, победил князь Михаил, и побили московскую рать, а иные разбежались, а князя Бориса – в плен взяли и Кончаку княгиню Юрьеву. Повели их в Тверь, и там была отравою уморена Кончака, княгиня великая Юрьева, ханская сестра, названная в святом крещении Агафия...

В лето 1325 пошел в Орду князь великий Дмитрий Михайлович. В ту же зиму, месяца ноября в 21, на память честного введения святой Богородицы, князь Дмитрий Михайлович Тверской убил в Орде великого князя Юрия Даниловича, и привезли его в Москву и положили его в церкви святого Михаила.

(Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., юга. С. 352–357)

Тверской князь Михаил Ярославич (1305–1318) первым принял титул великого князя всея Руси. Именно в Твери был построен первый после нашествия каменный собор, а в 1305 г. составлен общерусский летописный свод. Несколько десятилетий продолжалась борьба тверских и московских князей за гегемонию на Руси. Юрий Данилович соперничал с Михаилом Тверским за великое княжение и добился его в 1317 г., взяв в жены ханскую дочь. Задиристого московского князя убил в Орде сын казненного татарами Михаила Ярославина, за что сам поплатился жизнью. Престол вновь перешел к тверскому князю Александру Михайловичу, но ненадолго. В 1327 году произошло решающее событие в противоборстве московских и тверских князей. В Твери вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани, к которому после некоторых колебаний присоединился и Александр Михайлович. Его соперник Иван Калита шанса не упустил: он поспешил в Орду, откуда явился с монгольскими отрядами и жестоко опустошил Тверскую землю. Тверской князь бежал сначала в Псков, затем в Литву. Силы Твери были подорваны, а Иван Калита получил ярлык на великое княжение владимирское, сбор дани был передан в его руки.

Осторожный князь Иван Данилович (1325–1340) пять раз ездил с богатыми дарами в Орду и сумел закрепить за собой и своими детьми великое княжение владимирское. Руками хана он в 1339 г. устранил главного соперника, Александра Михайловича Тверского, и

выпросил у повелителя Орды в пожизненное владение Углич, Галич и Белоозеро, обязавшись вовремя выплачивать дань с этих земель.

Московские воеводы выколачивали дань умеючи. После пожалования в 1328 г. Ивану половины Ростовского княжества они “принесли великое несчастье в город и всем живущим в нем, и многие гонения в Ростове умножились. И многие из ростовцев москвичам имущество свое поневоле отдавали, а сами вместо этого удары по телам своим с укором получали и с пустыми руками уходили, являя собой образ крайнего бедствия, так как не только имущества лишались, но удары по телу своему получали и со следами побоев печально ходили и терпели это. Да к чему много говорить? Так осмелели в Ростове москвичи, что и самого градоначальника, старейшего боярина ростовского, по имени Аверкий, повесили вниз головой, и подняли на него руки свои, и оставили, надругавшись.

И страх великий объял всех, кто видел и слышал это, – не только в Ростове, но и во всех окрестностях его”.

Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV в. М., 1981. С. 288–290)

Технология сбора дани была обратной стороной той самой “тишины велией по всей земли”, о которой писал неизвестный книжник в похвале деловому князю: “Сии бо князь великой Иоан имевше правый суд паче меры... В то бо время благочестию велию восиявши, многим святым церквам съзидаемым”. И это тоже правда – во всяком случае отчасти: первые каменные храмы Москвы заложил именно Калита.

Хозяйственный князь покупал и “примысливал” даже отдельные села в соседних княжествах. При Калите в Московском княжестве появилась новая торговая пошлина с татарским названием “тамга”, представлявшая часть от стоимости проданного и купленного товара. Московские князья привлекали в Москву и крестьян, и воинов из окрестных земель, разоренного Владимира и самой Твери. Так на московской службе оказались бояре Годуновы, Романовы, выходцы из Литвы (князья Голицыны, Хованские) и ордынские “царевичи”. С 1326 году князь переманил из разоренного Владимира митрополита, и Москва стала церковной столицей Руси, а глава церкви получил обширные владения и целый город – Алексин. Своим детям Калита завещал систему совместного управления и получения доходов с Москвы и ее окрестностей по “третьям”, что исключало дробление и войны за обладание крупнейшим экономическим центром.

Сын Калиты Семен Иванович Гордый (1340–1353) за 13 лет княжения побывал в Орде шесть раз, и не даром: в обмен на лояльность он получил рязанские владения на левом берегу Оки, присоединил к территории великого княжения Юрьевское княжество, подчинил себе смоленского князя.

Накопленный в правление Ивана Калиты и его детей потенциал позволил внуку Дмитрию Донскому (1359–1389) сохранить за собой великое княжение: при Дмитрии оно сливается с собственно московскими землями, к которым присоединяются Галич, Дмитров, Белоозеро. Московские бояре и слуги были заинтересованы в этом процессе: они становились воеводами, судьями и наместниками на территории великого княжения и здесь же получали новые пожалования-вотчины. Вслед за ними на московскую службу потянулись владельцы мелких уделов и прочие “вольные слуги”. В 1366–1367 годах Москва получила новые укрепления – белокаменный Кремль, трижды (в 1368, 1370 и 1372-м) выдержавший осады литовских войск князя Ольгерда, союзника главного противника Москвы, тверского князя Михаила Александровича.

За шесть лет до Мамаева побоища, после княжеского съезда в Переславле-Залесском, Дмитрий Иванович прекратил выплату дани в Орду, а затем в 1375 г. провел совместный поход против Твери, и тверской князь признал себя его вассалом. Москве удалось создать и возглавить союз северо-восточных русских княжеств – это была главная историческая заслуга князя Дмитрия, его бояр и митрополита Алексия. То же самое произошло в западной части бывшей Киевской Руси под эгидой литовских князей. В 1362 году Ольгерд во главе коалиции сил юго-западных княжеств разбил монголов в битве на Синих Водах (ныне речка Синюха, приток Южного Буга), освободил земли Подолин, Киевского, Черниговского и Новгород-Северского княжеств от ордынской зависимости, раздвинув границы своего государства до берегов Черного моря.

Возвышение Москвы не смогли остановить ни поход хана Тохтамыша и сожжение города в 1382 г., ни возобновление выплаты ордынского “выхода”. Дмитрий Донской не только сохранил за собой великое княжение, но накануне смерти в 1389 г. передал его своему сыну Василию Дмитриевичу (1389–1425). Хан Тохтамыш с этим согласился не по доброте душевной: просто у московского князя больше не было в Северо-Восточной Руси соперника достаточно сильного, чтобы решить вопрос иначе.

В 1392 году Василий Дмитриевич захватил Нижний Новгород, фактически выторговал его у хана, отчаянно нуждавшегося в средствах для войны с другим завоевателем – Тимуром. Не слишком воинственный князь тихой сапой подчинил Муром, Городец, Мещеру, Тарусу, Ржеву. Василий попытался – правда, неудачно – контролировать и Великий Новгород: в 1397 г. его войска захватили старинную новгородскую волость – Двинскую землю. С 1399 года Псков стал принимать князей “от руки” великого князя, а рязанский князь по договору 1402 г. отказался без согласия Москвы вступать в какие-либо отношения с Литвой. Где-то в начале XV в. появился великокняжеский и царский венец – знаменитая шапка Мономаха, символизировавшая преемственность власти московских князей от византийских императоров. Искусствоведы до сих пор спорят о ее происхождении: по одной версии, она была изготовлена в Орде восточными мастерами, по другой – в московских мастерских по византийским образцам.

Деревня и город Руси

Мирные и насильственные присоединения московских князей подробно описаны в учебниках, как и конфликты Москвы с Ордой или Литвой. При этом в тени остается тихая повседневная практика создания нового “образа жизни” на просторах Северо-Восточной Руси и порядка, который шел на смену домонгольским обычаям взаимоотношений власти и подданных.

Именно в это время на Руси постепенно меняется культурный ландшафт. Вместо больших прибрежных поселений появились разбросанные на значительном расстоянии деревеньки. Обиход в деревне XIV в. стал беднее по сравнению с домонгольским временем: почти исчезли металлические украшения, стеклянные бусы и импортные товары – Русь переходила к натуральному хозяйству. Такая “перестройка” происходила не только в центре, но и в северных землях, не затронутых монгольским нашествием. Ее вызвали внутренние причины: климат в XIII–XIV вв. стал более холодным и влажным – трудно стало пахать в поймах и на низких террасах рек. Постепенный рост населения и исчезновение ценной пушнины сокращали возможности промыслов и торгового обмена. Выход был один – отрывочные сведения из сохранившихся грамот сообщают, что в XIV в. возобновляется освоение новых земель под пашню, впервые упоминаются водяные мельницы и новая культура – гречиха. Спокойные “залесские” земли привлекали переселенцев из разоренной Южной

Руси. На новых местах появлялись деревни и слободы. До XVII века средневековая община обычно состояла из села (5-10 дворов) и тяготевших к нему 15–20 деревень (по 2–4 двора).

Крестьянская община существовала и на Западе. Там в условиях развития городов и товарно-денежных отношений господа предпочитали получать устойчивую денежную ренту и предоставляли мужикам-вилланам хозяйственную самостоятельность. Недостаток свободных земель заставлял крестьян интенсифицировать свой труд и приспосабливаться к условиям рынка. В XVI веке уже появились настоящие фермеры, скупавшие землю или арендовавшие ее у сеньора. Такой путь развития стимулировал появление частной собственности на землю. Крестьянская община существовала еще долго: обеспечивала соседям пользование угодьями и форму местного самоуправления – для защиты от рыцаря-разбойника, для содержания приходской церкви или школы. Но она не регулировала повседневную экономическую жизнь крестьянина.

В нечерноземной Северо-Восточной Руси рабочий сезон крестьянина был коротким – с мая по сентябрь, в то время как во Франции и Англии на полях не работали лишь в декабре и январе. Бедные почвы и худшие климатические условия обеспечивали низкие урожаи – четыре-пять центнеров с гектара (во Франции – в два раза больше). Хорошим урожаем в Нечерноземье считался “сам-четыре”, но при этом около четверти урожая предстояло отдать в виде оброка землевладельцу, а каждый седьмой-восьмой год был в средневековой Руси неурожайным. Особенно тяжело приходилось, когда неурожай совпадал с эпидемией или эпизоотией, как, например, в 1309 г.: “Мор на люди и на кони и на скот; мышь поела рожь и овес, и пшеницу, и всяко жито”. Тогда даже в скупых строках летописей прорывалось отчаяние: “О, горе бяше... по торгу трупие, по улицам трупие, по полю трупие, не можаху псы изъедати человецы”.

В таких условиях крестьянин со своим неустойчивым хозяйством постоянно нуждался в поддержке общины. Возник обычай крестьянских “помочей” во время страды, при постройке новой избы, на содержание сирот, вдов, увечных и стариков. Община же была жизненно заинтересована в том, чтобы в ней не было нищих, чтобы все земли и сенокосы использовались максимально эффективно, для чего их надо было перераспределять. В деревне начались “поравнения” – передел земель между общинниками в зависимости от количества работников в семье. Русская крестьянская община постепенно стала приобретать важные отличия от западной; пройдет время, и в ней исчезнет частная собственность на землю.

В XIX веке получившие университетское образование господа рассуждали о соборности (в смысле христианского единства, противостоящего как западному индивидуализму, так и социалистическому коллективизму) и нравственности природы мужика. Их оппоненты веровали в особую склонность того же мужика к социализму. Вот только мужик об этом не подозревал, что стало сюрпризом и для тех, кто пошел “в народ” звать его “к топору”, и для умилявшихся верности народа “престол-отечеству”.

Утверждение общинной собственности на землю произошло не само собой и не в силу особого “русского духа”. В XV веке общинник еще мог свой участок продать соседу или человеку со стороны, хотя и с согласия односельчан и с условием несения тех же повинностей (*тянуть тягло*), что и прежний хозяин. Но чем больше требовал от мужиков вотчинник, чем сильнее давил налогами князь, тем больше следила община, чтобы “тягло” несли все поровну.

Князья же в это время раздавали земли светским и духовным слугам. Получавшие новые владения (относительно небольшие вотчины) слуги стали называться “детьми боярскими”. Во второй четверти XV в. они уже предстают сплоченной общностью воинов, состоявших на службе великого князя Московского Василия II Темного. Среди них были потомки князей (например, утратившие титул Волынские, Ржевские), обедневшие бояре (Аксаковы,

Апраксины, Румянцевы), совсем незнатные вотчинники и даже выделившиеся из общины и поступившие на княжескую службу крестьяне (Касаговы, Нелидовы-Ракитины) и слуги бояр (Козодавлевы).

В XV веке городовые корпорации детей боярских принимали участие во всех важнейших военных акциях московских князей: они защищали Василия II от родственников во время борьбы за московский стол, сражались с татарами и литовцами. Их было не очень много: в сражении с татарами 7 июля 1445 г. под Суздалем участвовало 1,5 тыс. воинов, в 1456-м против Новгорода Василий II послал пятитысячную рать.

Уровень экономического развития страны был невысок: в обычном княжестве XIV в. было два-три города, в то время как в Германии в XIV–XV вв. появились сотни новых городов. В Москве только в XIV в. появились объединения купцов, торговавших со странами Средиземноморья (“гости-сурожане”, известны с 1357 г.), Литвой и “немцами” (“суконники”, известны с 1382 г.), в Вильно, Риге и Дерпте находились русские кварталы. У “гостей” занимали крупные суммы даже князья, а иные купцы становились в Москве видными администраторами, как Василий Ховрин – “гость да и боярин великого князя”. Вместе с “гостями” городскую общину составляли “черные люди”, объединенные в сотни и слободы, во главе их стояли купеческие старосты, участвовавшие в суде вместе с княжеским наместником.

Но в русских городах так и не произошла “коммунальная революция” – создание собственного самоуправления и суда. Представителем городской общины перед князем был тысяцкий. В первой половине XIV в. его власть в Москве была настолько велика, что в договоре Семена Гордого с братьями для тысяцкого отведено место тотчас после великого князя. Назначал тысяцкого князь, но это не мешало тысяцким при поддержке бояр и горожан становиться силой, с которой приходилось считаться, тем более что тысяцкие стремились передать свою должность по наследству. В Твери она сделалась наследственной в роде Шетневых, в Москве – в руках бояр Хвостовых и Воронцовых-Вельяминовых. В Москве в XIV в. вокруг этого поста началась борьба.

В 1356 году старый московский тысяцкий, боярин Алексей Петрович Хвост, был убит. “Убиение же его произошло как-то удивительно и непонятно, – рассказывает летописец-современник, – точно он был убит неведомо от кого и неведомо кем, только оказался лежащим на площади, некоторые говорят, что на него втайне составили заговор и приготовили западню, и так от всех бояр общию думою был убит”. Загадочное убийство вызвало срочный отъезд из Москвы на Рязань “больших бояр” и “мятеж” на Москве.

Должность была опасной для княжеской власти. Не случайно Дмитрий Донской решил ее упразднить. Оскорбленный сын умершего тысяцкого Василия Вельяминова Иван в 1375 г. бежал в Тверь и получил в Орде для тверского князя Михаила Александровича ярлык на великое княжение владимирское, что вызвало новую московско-тверскую войну. Вельяминова же схватили “хитростью”, привезли в Москву и публично казнили: “Множества народа стояще, и мнози прослезиша о нем и опечалишася о благородстве его и о величествии его”. Можно предположить, что за Вельяминовым и Некоматом стояла группа гостей, для которых мир с Золотой Ордой был чрезвычайно важным. Однако рядовые горожане скорее теряли от уничтожения должности тысяцкого, связанного с посадом и защищавшего его права и интересы.

Загадка Дмитрия Шемяки

Во второй четверти XV в. в Москве вспыхнула война между сыном Василия Дмитриевича Василием II (1425–1462) и его дядей, князем звенигородским и галичским Юрием, и его детьми Василием Косым, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. Юридической основой

спора, приведшего к войне, были духовные грамоты Дмитрия Донского, “приказывавшего” свою отчину “всем детям своим” – Василию, Юрию и другим, и противоречившее им завещание Василия I, отдававшее Москву и “великое княжение” не братьям, а сыну Василию II.

Дважды князь Юрий Дмитриевич лишил соперника московского стола. В 1434 году Василий II бежал в Новгород, оттуда в Тверь, но поддержки не встретил нигде и даже собирався... уйти в Орду. Его счастливый соперник уже чеканил монету с изображением всадника, поражающего змия (будущий московский герб), но внезапно умер. Неудачливый Василий II вернул себе столицу только с помощью сына своего врага – Дмитрия Шемяки. Серия сражений окончилась разгромом Василия Косого. Но Василий Васильевич не чувствовал себя бесспорным главой государства, о чем свидетельствует хотя бы чеканка “деньги” от имени двух “великих князей” – его и двоюродного брата Дмитрия, ставшего в 1444 г. новгородским князем.

В 1445 году Василий II вновь был разбит, на этот раз войском казанского царя, попал в плен к татарам и обязался выплачивать огромный “окуп”. Тогда Дмитрий Шемяка в 1446 г. вновь захватил Москву, он выколол Василию глаза и взял с него “проклятую грамоту” об отказе от великого княжения. И вновь свергнутый и слепой князь сумел объединить своих сторонников: в декабре 1446 г. его отряд захватил Москву, а в следующем году Василий II вернул себе великое княжение. В 1450-м начался заключительный этап долгой борьбы: великокняжеское войско двинулось на столицу Шемяки – Галич. Дмитрий отправил жену и детей в Новгород. Будучи наголову разбит, он все-таки не сложил оружия: Новгород по-прежнему признавал Шемяку великим князем, и еще несколько лет его отряды действовали на Севере, захватили и удерживали Устюг, воевали с Тверью.

В июле 1453 г. проклятый церковью Шемяка умер в Новгороде. Ссылаясь на “людскую молву”, независимая Ермолинская летопись сообщала, “что будто со отравы умер, а привозил с Москвы Стефан Бородатый” – дьяк Василия II. Стефан передал зелье “Исаку посаднику, а Исаак деи подкупил князя Дмитреева повара именем Поганка, тот же даст ему зелие [то есть яд] в куряти”.

Спустя 500 с лишним лет версия убийства подтвердилась: исследование мумифицированных останков князя показало, что Шемяка был отравлен соединениями мышьяка. Проигравший враг Москвы стал Новгороду не нужен. По иронии судьбы непримиримого противника Василия отправил на тот свет посадник Исаак Борецкий, чья жена Марфа и сын Дмитрий будут отстаивать независимость Новгорода от сына победителя в этой драме.

Вплоть до XX в. основным направлением русского исторического процесса считалась борьба между мудрыми строителями государства и сторонниками раздробленности – “удельно-княжеской оппозицией”. При этом историки постоянно опирались на традицию, сложившуюся в XVI в., когда летописцы рассматривали события прошлого века с позиции победителя.

Но так ли уж справедливо утверждение В.О. Ключевского, что “все русское общество... духовенство, князья, бояре и другие служилые люди решительно стали за Василия”? Ведь известно, что в 1446 г. московские торговые люди были на стороне Шемяки. Клан Юрия Дмитриевича и Дмитрия Шемяки действительно часто опирался на торгово-ремесленные посады Севера России – на мужиков-солеваров, по выражению А.А. Зимина. Именно на Севере – в Галиче, Вятке, Устюге – тогда развивалась соледобывающая промышленность, существовало свободное крестьянство и намечались пути, осторожно скажем, предбуржуазного развития России.

В одной из последних своих книг замечательный историк русского Средневековья Александр Александрович Зимин выделил “три тенденции, или силы, поступательного развития. Первая – Новгород и Тверь, которые богатели на транзитной торговле с Западом и Востоком. Как в торговле, так и в политике они балансировали между другими странами и

землями. Вторую силу составляли Север и отчасти Поволжье, точнее, Галич, Вятка, Углич и Устюг. Север во многом еще смотрел в далекое прошлое, грезил о золотых временах безвластия. В варварстве северян был один из источников их силы. Север и Поволжье этнически были не чисто русскими землями, а многонародными, имперскими. Кто знает, кого там жило больше – русских или пермяков, удмуртов или мари, чувашей или мордвы. Их язычество еще было достаточно сильно и враждебно казенному православию. Северу была присуща ценность, которой не знала Москва, – любовь к свободе...

Третья сила – хлеботорговый Центр с его холопией покорностью властям и благочестивостью бессловесной паствы... Его средоточие – Москве – суждено было одержать победу в борьбе за единство Руси. Ключ к пониманию этого лежит в особенностях колонизационного процесса и в создании военно-служилого войска (Двора)... Ненасытные бояре и дети боярские, обнищавшие князья-изгои и пролезавшие в щели ветхого великокняжеского дворца дьяки ждали своего времени, будучи готовы на все, с тем чтобы получить землю, а еще лучше – варницу за участие в походах великого князя против его недругов... “Оставя грады и дома” служилые князья, бояре и дети боярские создали ядро войска, для которого война стала делом всей жизни... Стоял вопрос, по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому?

(Зимин А. А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 200–204, 209)

В то же время другие специалисты скептически оценивают шансы “победы” торгово-ремесленных посадков и свободного крестьянства русского Севера над московским военно-служилым и землевладельческим Центром.
(Панях В.М. Панорама истории России XV–XVI вв. А. А. Зимина // Отечественная история. 1992. № 6. С. 79)

Трудно разделить участников этой войны на “сторонников феодальной раздробленности” и “проводников централизации”. Отец Ивана III не был борцом ни против уделов, ни за освобождение от ордынского ига. Напротив, в столкновениях с Юрием Дмитриевичем, а затем с Шемякой Василий Васильевич не раз опирался на помощь хана. Новгородские летописи сообщают, что успех заговора против Василия II был обусловлен его неудачей в борьбе с татарами и сбором огромного выкупа, дабы выручить Василия II из ордынского плена. Дмитрий Шемяка и его союзники схватили великого князя и ослепили его с обвинениями: “Чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? а татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татаром”.

Противники московского князя были энергичными правителями и полководцами. Они не выступали за возвращение к временам раздробленности и, в отличие от Василия II, стремились к борьбе с Ордой, хотя, когда ситуация вынуждала, за помощью к “царю” Мамутяку обращался и Шемяка. Юрий и его дети яростно сражались за Москву, но скорее стремились восстановить “старину” в виде федерации самостоятельных княжеств под московским руководством и опирались на свои “дворы” и свои провинциальные земли. Дмитрий Шемяка даже успел воссоздать на короткое время ликвидированное Василием I Нижегородско-Суздальское княжество. Потеряв Галич, он пытался создать особое, союзное с Новгородом государство на севере страны с центром в Устюге.

Во всяком случае, на Руси были люди, которые так мыслили. Составленный в 1430-е гг. в Новгороде или Смоленске летописный свод (Новгородско-Софийский) имел общерусский

характер. Его главная идея – единство Русской земли и ее князей в борьбе с ее внешними врагами, осуждение внутренних раздоров и усобиц. Свод подробно рассказывал о тверском восстании против татар в 1327 г., Куликовской битве, ее герою посвящено “Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского”. Но вместе с тем летописец постоянно напоминал о правах новгородцев “вводить” к себе князей и “показывать им путь”, если они не соблюдают новгородский “наряд” (то есть порядок, устройство), хвалил мужество тверских и смоленских князей, осуждал предательство Олега Рязанского во время Куликовской битвы. Отмечая заслуги Москвы, он признавал права и независимость отдельных земель, подчеркивал необходимость соблюдения князьями договоров.

В Москве XIV – первой половины XV в., в отличие от западноевропейских королевств, не было выработано правового порядка передачи власти ни по прямой нисходящей линии, ни по “очередной системе” – старейшему в роде. В XIV веке воля хана была законом, спустя 100 лет уже можно было обойтись без нее. В борьбе соперники использовали разные формы легитимизации власти: опору на старейшинство, передачу власти по наследству и по завещанию, а также путем завоевания, дворцового переворота, приглашения на престол, обращения к хану. В такой борьбе могла родиться новая правовая формула монархии, твердый порядок престолонаследия, но этого не произошло: в московском обществе не нашлось ни политического лидера, ни сил, которые бы смогли утвердить новые представления об устройстве государства. Победила в итоге “вотчинная” традиция, когда государь-отец делит государство на уделы с преимуществом для старшего сына.

Не слишком удачливый, хотя и храбрый Василий II победил потому, что за ним пошел “государев двор” – военно-административная корпорация знатных и незнатных слуг московских князей. В завещании Ивана Калиты среди прочих встречается распоряжение: “А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Ворькову, аже имет сыну моему которому служить, село будет за ним, не имет ли служить детям моим, село отоимут”. Неведомый Бориска стал одним из первых русских помещиков, владевших землей только при условии пожизненной и безусловной военной службы. Хитрый князь одним из первых оценил преимущества поместного землевладения.

Эти люди в той или иной мере способствовали принципиальному изменению политического порядка – смене вольной личной службы личной зависимостью всех служилых людей. В последней четверти XV столетия начала создаваться поместная система: на место сравнительно небольшого числа привилегированных вотчинников и их вассалов выдвинулись десятки тысяч помещиков, сидевших на государственной земле (нередко конфискованной у князей и бояр) и обязанных постоянной и безусловной службой своему государю.

Новгород и Тверь, занятые внутренними делами, не вмешивались в борьбу Василия II и Юрия Дмитриевича. Новгородцы по очереди принимали к себе проигравших князей – сначала Василия, потом Дмитрия. Тамошние летописцы с некоторым превосходством описывали московские неурядицы: “Князь Василей выбежа во Тферь, и приехаша к нему князи и бояри и татары, и слышав князь Дмитрий и князь Иван Можайский, и выехаша за Волгу и Галич и на Кострому и на Вологду, и стоаху [стояли] противу себе о реце о Волге, а новгородци не вступишася ни по едином, а землю Русскую остаток истратиша, межи собой бранячися”.

Скоро новгородцам пришлось расплатиться за близорукость: в 1456 г. многочисленное, но нестройное новгородское ополчение было разгромлено профессиональной московской конницей. Статья Яжелбицкого договора 1456 г., подписанием которого завершилась эта война, предписывала “Великому Новугороду... Ивана Дмитриевича Шемякина и его детей, и его матери княгини Софьи и ее детей и зятьи Новугороду не приимати”.

Поражение Новгорода в 1456 г. стало поворотным моментом в его отношениях с Москвой. Но, кажется, тогда бояре этого не поняли. Они “сдали” Василию жену и детей Шемяки,

как тремя годами ранее его самого, выплатили огромную контрибуцию и успокоились. В 1478-м сын Василия II без особой борьбы ликвидировал новгородскую независимость. В 1485 году настала очередь Твери, столь же напрасно полагавшейся на союз с Литвой и помогавшей Москве в войне с Новгородом.

Наконец, был еще один, никем не планируемый результат многолетней усобицы. Как полагается во время гражданской войны, великие и удельные князья “и воевали, и грабили, и полон имали”, людей “безчисленно пожигали”, “в воду пометали”, “иным очи выжигали, а иных младенцев, на кол сажая, умертвляли”. Татары продолжали опустошительные набеги “до самого рубежа Тверского”. Жителей разоренных городов и сел пугали “лютая зима”, “великий мор”, частые неурожаи: “Мнозе от глада падающе умираху, дети пред родители своими, отцы и матери пред детьми своими; и много разидошася: инии в Литву, а инии в Латиньство, иinei же бессерменом и жидом ис хлеба даяхуся [то есть продавали себя в холопство] гостем”.

В этих испытаниях потихоньку исчезли городские вечевые собрания. Судя по междукняжеским договорам, князья имели право посылать своих наместников в города, чтобы “очищать холопов наших и сельчан”, то есть возвращать ушедших в город подданных. Этим русские “посады” отличались от развитых центров Западной Европы, где “городской воздух делает свободным”: по прошествии года и одного дня проживания в городе человека нельзя было вернуть в зависимость от прежнего владельца. Последующее “собрание земель” в одном Московском государстве завершило этот процесс, уничтожило почву, на которой могли действовать вечевые институты. Как писал А. А. Зимин, “градус несвободы повысился”. И все же в конце XV – первой половине XVI в. самодержавие не могло существовать без “земства” и местного самоуправления – у него еще не было армии солдат и чиновников. Самодержавно-крепостнический путь развития еще не был предопределен.

Подробнее на эту тему

Борисов Н. С. *Иван Калита*. М., 1995.

Зимин А. А. *Витязь на распутье: феодальная война в России XV в.* М., 1991.

Кривошеев Ю. В. *Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.* СПб., 1999.

Лурье Я. С. *Две истории Руси XV века*. СПб., 1994.

Пашуто В. Т. *Голодные годы в Древней Руси II* Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964.

Опричнина против земщины 1564

В воскресенье 3 декабря 1564 г. Москва застыла в недоумении. Царь по обычаю уезжал в Коломенское праздновать Николин день. Но на сей раз царский “подъем” был совершенно необычен. Царь забирал с собою не только “святость” – иконы и церковную утварь, но и всю свою казну и даже объемистую “либерю” (библиотеку). Избранные бояре, ближние дворяне и приказные получили распоряжение следовать за государем с женами и детьми. Сопровождать гигантский царский поезд из двух сотен подвод должна была отборная дворянская конница “со всем служебным нарядом”. Ясно было, что “богомолье” предстоит из ряда вон выходящее. Царь что-то затевал, но даже маршрут поездки держался в сугубой тайне.

Объяснение появилось ровно через месяц. Третьего января 1565 г. из Александровской слободы, где обосновался государь, пришло его послание митрополиту Афанасию, немедленно оглашенное на импровизированном Земском соборе. Свой отъезд царь объяснял “гневом” на “государевых богомольцев” – церковных иерархов, а также бояр, детей боярских и всех приказных людей. Царь подробно “исчислял” “измены боярские и воеводские и всяких приказных людей”. Бояре и воеводы, если верить царю, растаскивали казну и присваивали государевы земли, а оборонять страну от крымских татар, Литвы и “немец” вовсе не желали. Вина церковных иерархов состояла в том, что они заступались за тех неугодных царю слуг, которых он хотел “показать”. В завершение послания царь объявлял, что “не хотя их многих изменных дел терпеть, оставил свое государство” и поехал поселиться, где “его, государя, Бог наставит”. Одновременно в особой грамоте торгово-ремесленному люду столицы Иван IV писал “чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет”.

В совокупности послания Ивана составляли очевидный единый ультиматум. Городская чернь натравливалась на верхи общества и после оглашения царского послания выражала полную готовность собственноручно царских “изменников” истребить. Условия ультиматума были немедленно приняты. В тот же день митрополит Афанасий послал в слободу депутацию с соборным приговором, предлагающим царю править страной “как ему, государю, годно”.

Пятого января царь принял в слободе московскую депутацию, сообщил ей о милостивом согласии вернуться к управлению государством, но на особых условиях, а именно “учинить ему на своем государстве себе опричнину”. Опричное (особое, личное царское) войско послужило инструментом установления неограниченного самовластия. Путь построения сословно-представительной монархии, начатый реформами предшествующего десятилетия, был отвергнут.

Земское строение

Двадцать первого июня 1547 г. в Москве случился страшный пожар, какого прежде не бывало. Загорелось на Арбате в церкви Вознесения, при сильном ветре занялся весь западный посад до Москвы-реки, потом огонь перекинулся на Кремль и Китай-город, а там и на большой посад вдоль Покровки. Унять огонь не было никакой возможности. Выгорело пол-Москвы, погибших насчитали более 1,5 тыс. В Кремле задохались от дыма. Царю ничего не оставалось, как бежать в село Воробьево.

Двадцать шестого июня в Кремле на площади у Успенского собора бояре опрашивали рядовых горожан – “черных людей” – о причинах несчастья. В толпе поднялся крик, что город подожгли Глинские. Будто бы княгиня Анна Глинская “со своими детьми волховала, вынимала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, езда по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела”. Среди бояр, наряженных вести следствие, стоял на площади и князь Юрий Глинский. Почуввав недоброе, он бросился спасаться в собор, толпа кинулась за ним, выволокла из собора и побила камнями на площади. Труп его бросили вне Кремля на торжище, где казнили преступников. Народ начал громить дворы Глинских, перебил их слуг, а заодно досталось и многим государевым дворянам, некоторые из них, впрочем, сами участвовали в погроме. На третий день толпа, собранная городским палачом, пришла в царскую загородную резиденцию. Ближним боярам с трудом удалось успокоить ее, убедив, что Глинских в Воробьево нет. Через день мятеж в городе улегся.

Никаких требований, никакой программы, кроме истребления Глинских, бунтовщики не выдвигали, отчего современные историки-социологи называют июньское восстание в Москве “примитивным бунтом”. Но примитивный бунт не был бессмысленным. Пало правительство Глинских, а с ним вместе окончилась эпоха “боярского правления”. В годы малолетства Ивана IV, особенно после кончины в 1538 г. матери царя Елены Глинской, реальная власть неоднократно переходила от одного боярского клана к другому: в 1539-м Бельские свергли Шуйских, в 1542-м Шуйские – Бельских, в 1544-м близ царя утвердились Глинские. Временщики стремились не упустить момент и извлечь для себя как можно больше выгод, растаскивали казну, обзаводились вотчинами... Вовлекая великого князя в свои склоки, фавориты Ивана баловали, потакали всем его капризам, и он стал предаваться диким и неистовым “потехам”. В двенадцать лет он развлекался, сбрасывая с колоколен кошек и собак, с четырнадцати начал “человеков ураняти”.

Самовластное хозяйничанье соперничающих боярских кланов больно отражалось на рядовых обывателях. Вся система государственной администрации, созданная в правление Ивана III и Василия III, опиралась на местнический принцип организации служилого сословия. Служебное старшинство боярина определялось его “местом” в собственном роде и “местом” его рода среди других родов. Дети, племянники и внуки одного боярина должны были находиться на службе в таком взаимоотношении с потомками другого, в котором когда-то служили их предки. “Отеческая честь” зависела от происхождения, но ее необходимо было поддерживать службой. Поэтому бегство с поля боя или отъезд в Литву одного представителя семьи могли привести весь род к царской опале и “закоснению”, то есть род оказывался на задворках местнической иерархии. Честь рода определялась прецедентами, поэтому нельзя было пропустить “невместное” назначение, от этого была “порука” всему роду. Нередко бывали случаи, когда назначенный в поход боярин отказывался выступать под командой менее “честного” воеводы. Верховным судьей в местнических спорах был сам государь, который до известных пределов мог “высить” род своим благоволением. Когда наверху властной пирамиды оказывался слабый, малолетний великий князь, административная система начинала давать сбой. К 1547 году административная и военная организация страны в результате олигархических склок была сильно расшатана. Власть не могла даже обеспечить надежной защиты от набегов своевольных татарских мурз. По сообщению иностранного путешественника, в одном только 1551 г. в Казани продавалось на невольничьем рынке до 100 тыс. пленников из Московии (все население страны, по расчетам демографов, не превышало тогда 6 млн человек). Московский бунт, а подобные мятежи происходили и в других городах, ясно показал, что требовалось немедленное и энергичное “устроение” Московского государства.

В понятиях того времени настроения, царившие в Москве после июньского пожара и бунта, описывались как всеобщее “покаяние”. Необходимо иметь в виду, что покаяние озна-

чало не только христианское таинство, но и отказ от прежней, дурной, греховной жизни и сознательный переход к лучшей, праведной. В этом смысле следует понимать сообщение Степенной книги о том, что сам “благочестивый царь” и “вельможи его до простых людей все сокрушенным сердцем... греховные дела возненавидев”, “умилились и на покаяние уклонились”.

В правительственной среде нашлись люди, которые давно замыслили реформы. В 1548 году к власти приходит неформальный кружок администраторов во главе с Алексеем Федоровичем Адашевым, который иногда историки называют “избранной радой”. Название это неудачно во многих отношениях. Оно впервые было пущено в оборот князем Андреем Курбским в “Истории о великом князе Московском”, сочиненной после многих лет жизни беглого воеводы в Польше, где он усвоил многие польско-литовские политические термины. Разумеется, на Москве не пользовались словом “рада”, и само понятие, определяющее политический институт Польско-Литовского государства, едва ли в данном случае применимо. Кружок реформаторов был сугубо неформальным и не составлял правительства, облеченного ясно очерченными полномочиями. Правильнее говорить, видимо, о фактическом правительстве, душой которого был Алексей Адашев при формальном “председании” царя. Помимо Адашева, в этот ближний круг входили священник кремлевского Благовещенского собора Сильвестр, посольский дьяк Иван Висковатов, бояре Захарьины-Юрьевы. Вопреки распространенному заблуждению Андрей Курбский не входил в этот правительственный кружок, “воинский чин” в нем представляли бояре Иван Шереметев и Михаил Воротынский.

Правительство должно было разрешить несколько важнейших проблем, и прежде всего упорядочить военное дело и финансы. Указами 1549–1550 гг. было ограничено ведение местнических споров, причем служебное начало при назначении на должности было поставлено выше родового. Местничать воеводам в военное время было запрещено. В 1556 году был введен в действие детально разработанный Устав о службе, выровнявший тяготы всех “воинников” – один конный воин в полном снаряжении должен был выставаться с каждых 100 четвертей пахотной земли, состоящей в поместном или вотчинном владении. Упорядочено и унифицировано было налогообложение. Единицей обложения стала соха, включавшая 800 четвертей поместной, 600 – церковной или 400 – крестьянской земли.

Однако важнейшую и наиболее болезненную часть реформ составляло упорядочение государственного управления и суда. Реформаторы рассчитывали укрепить правопорядок, предоставив всем сословиям возможность соучаствовать в выработке и реализации властных решений. В 1549 году было введено первое важное новшество – состоялся “собор примирения”, на заседаниях которого помимо Боярской думы и церковного “чиноначалия” присутствовали воеводы и дети боярские. Московские великие князья и прежде устраивали подобные расширенные совещания, но они обсуждали исключительно военные проблемы. На соборе 1549 г. восемнадцатилетний царь публично заявил о необходимости радикальных перемен в государственном устройстве, и собор приговорил разработать новый свод законов – Судебник. Казенный приказ, во главе которого стоял Адашев, энергично принялся за дело, и в 1550 г. новый свод законов был утвержден Боярской думой, а некоторые его положения через год обсуждались и утверждались собором.

Новый Судебник существенно ограничивал произвол назначаемых царем наместников-кормленщиков, отныне вершить суд (а надо заметить, что в те времена слово “суд” означало и административную деятельность) они должны были при обязательном участии земских выборных. Адашевское правительство завершило начатую еще при Елене Елинской губную реформу. В новых административных округах (губа, как правило, включала два-три уезда), созданных в центральной части страны – “Замосковном” крае, – местное управление и полицейские функции передавались выборным губным старостам из “детей боярских”, то есть служилых людей, будущих дворян. В 1552 году в тех уездах, где губные институты

не могли быть сформированы за малочисленностью служилых людей, главным образом на севере страны, начинается проведение земской реформы, в ходе которой наместники заменялись земскими старостами и “излюбленными головами” из посадских людей и черносошных крестьян. Земские старосты, опираясь на нижестоящих выборных сотских и десятских, проводили разверстку и сбор налогов, вели следствие и суд. Выборность и сменяемость этих новых “чиноначальных” людей ставили государственную власть под контроль подданных, приобретающих черты граждан. Выборность местных властей сокращала масштабы злоупотреблений и произвола, в частности, выборные должны были наблюдать, чтобы судьи не брали “посулы” – взятки от тяжущихся сторон. Центральная власть поступалась частью своих prerogatives в пользу “лучших людей” на местах.

Проведение земской реформы было связано с необходимостью обеспечения единства законодательства, вступавшего в противоречие с существовавшей системой исключительных иммунитетных прав светских и духовных “сильных людей”, освобождавших их от подчинения общим нормам закона. Особыми – “тарханскими” – грамотами предоставлялись освобождение от повинностей и право неподсудности никакому суду, кроме великокняжеского. Судебник решительно положил конец этой практике. Статья 47 гласила: “...тарханских вперед никому не давать, а старые тарханские грамоты поимати у всех”.

Местный суд становился образцом отношений государственной власти с выборными от сословий. Логическим завершением этой конструкции было бы создание представительного учреждения от “всей земли” также и при верховной власти. И в этом направлении даже были сделаны первые шаги. Помимо “собора примирения” мы знаем о созыве в эпоху адашевского правительства в 1551 г. собора, получившего по числу глав в соборном “уложении” название Стоглава, однако труды этого собора главным образом относились к упорядочению церковной жизни, и соответственно, состав его был ограничен преимущественно церковными людьми.

Создание системы сословного представительства в эпоху Адашева не было завершено: созыв соборов производился нерегулярно, не существовало правил о выборах депутатов, не был определен круг вопросов, подлежащих соборному рассмотрению. Тем не менее не подлежит сомнению, что установление “праведного” суда под контролем выборных – “излюбленных” – людей было шагом к созданию сословно-представительной государственной системы, из которой в дальней перспективе могли вырасти парламентская монархия и демократия современного европейского типа. Современники эту связь сознавали вполне отчетливо. Андрей Курбский в своей истории грозненского царствования писал, что Адашев был “общей вещи зело полезен”. “Общая вещь”, или “общее дело”, – в данном случае дословный перевод латинского понятия *res publica*. Ростки понимания государственной работы как общего дела монарха и подданных, работы “всей земли”, пробившиеся в реформах 1550-х гг., бесспорно, открывали для Руси правовую перспективу

Для создания полноценного парламента на Руси недоставало сословий в европейском смысле слова, то есть наследственных корпораций, обладающих обязанностями и правами, закрепленными законом и обычаями. А проведение губной и земской реформ как раз и было крупным шагом к оформлению таких сословий. Это ясно чувствовали наиболее заинтересованные в таком ходе дела городские торгово-промышленные круги. Пискаревский летописец (одна из немногочисленных летописей, вышедшая не из великокняжеских канцелярий), составленный в начале XVII в. в Нижнем Новгороде, сообщал о времени правления Адашева: “...в те поры русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе... Да в ту же пору был поп Сильвестр и правил Русскую землю с ним за один и сидели вместе в избе у Благовещения, где ныне полое место между палат”. “Полое” – пустое – место действительно вскоре образовалось, не только на месте палат, где заседал Адашев с товари-

щами, но и на месте сословного представительства. И было это “полное” место результатом резкой смены политического курса.

Историки-педанты продолжают спорить, было ли создание сословно-представительной системы сознательной целью Адашева и его товарищей, но что таков неизбежный объективный результат их деятельности, было вполне очевидно современникам. И прежде всего тому влиятельнейшему современнику, которому одному было по силам разрушить эти планы и повернуть ход событий в иное русло.

Августейшая публицистика

Иван IV быстро почувствовал опасность, угрожающую полноте царской власти. В 1560 году все члены кружка были преданы опале. Формальным поводом послужило несогласие Адашева с продолжением бесперспективной Ливонской войны, но, по существу, царь не скрывал, что удалены его прежние советники за покушение на самодержавие. В посланиях Андрею Курбскому Грозный формулирует это совершенно недвусмысленно: главная вина опальных советников в том, что “восхваляли” и стремились ввести такой порядок, когда “рабы властвуют помимо государя”.

Будучи блестяще образованным человеком и талантливым писателем, Грозный в многочисленных “широковещательных” посланиях выстроил весьма стройное обоснование необходимости неограниченной самодержавной власти. Сама природа человека такова, что грешные люди неспособны к добру без принуждения, и потому подданным надлежит находиться в полной “государской воле”, а где они “государской воли над собой не имеют, тут как пьяные шатаются и никакого добра не мыслят”.

Корень зла всякого “народоправства” в том, что “там особо каждый о своем печется”. Неизбежные при этом смуты и раздоры способна прекратить только неограниченная царская власть, но “если царю не повинуются подданные, они никогда не оставят междоусобных браней”.

Самодержец руководствуется непосредственно провидением, человеческие советы могут лишь замутить ясность божественного откровения: “Мы же уповаем на милость божию... – писал Грозный, – и от человек учения не требуем”.

Посему образцы народоправства, доступные тогда непосредственному наблюдению подданных московского государя, подлежат решительному осмеянию и принижению. Особенно достается от Грозного выбираемым шляхтой польским королям, положение которых хуже “худейших рабов”. Не должен быть властитель и “старостой в волости”, каков, по мнению Грозного, шведский король, которого извиняет только то, что он “мужичий род, а не государственной”.

Наиболее отчетливо неприятие парламентских ограничений монаршей власти Грозный формулирует в письме английской королеве Елизавете, отказавшей ему в прямом ответе на запрос, поскольку ответ зависел от решения парламента: “Мы надеялись, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства... Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как простая девица”.

Ни бояре, ни торговые мужики царю не указ. Более того, не должна ограничивать его власти и церковь. Грозный подбирает из Священного Писания множество выразительных примеров для доказательства пагубности церковного вмешательства в дела светской власти.

История Руси весьма вольно трактуется царем, дабы доказать, что “наши великие государы, от Августа кесаря обладающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великого

государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя... все государи самодержцы, и никто же им не может указу учинить и вольны добрых жаловать, а лихих казнить”.

Тогдашние “интеллигенты” – московские книжники, сочинившие в 10-е гг. XVI столетия “Сказание о князьях владимирских”, откуда позаимствовал Грозный эту мифическую родословную, пеклись прежде всего о вящей славе и величии родной державы. Оказалось, от державности всего шаг до самодержавия.

Дело оставалось за малым. Царю, взыскующему “самодержьства”, недоставало реальных рычагов власти. Обычаи и новые установления эпохи адашевских реформ препятствовали воплощению идеала. Но вскоре способ нашелся.

Опричный погром

Указ об опричнине был издан на следующий день после возвращения царя в Москву из Александровской слободы, 3 февраля 1565 г. Содержание не дошедшего до нас указа в передаче летописи сводилось к двум основным пунктам. Во-первых, царь получал возможность сформировать “особный двор” с особыми боярами, дворецкими, казначеями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми, с целым придворным штатом. Из служилых людей он отобрал в опричнину тысячу человек, которым в столице были отведены отдельные улицы (Пречистенка, Арбат и левая по ходу от Кремля сторона Никитской) с несколькими слободами до Новодевичьего монастыря.

Начался “перебор людишек” – не зачисленные на опричную службу прежние обыватели этих улиц и слобод были выселены из своих домов в другие части посада. Для содержания этого двора “на свой обиход” царь отобрал в опричнину около 20 городов с уездами и несколько отдельных волостей, в которых земли розданы были опричникам, а прежние землевладельцы выведены были из своих вотчин и поместий и получили земли в неопричных уездах. Опричная область не составляла сплошной территории, в нее вошли волости, расположенные на разных концах Московского государства, и даже отдельные части городов (как, например, позже была взята в опричнину Торговая сторона Новгорода). Остальная страна получила наименование земщины. Все центральные учреждения, оставшиеся в земщине, приказы, должны были действовать по-прежнему, “управу чинить по старине”, под руководством земской Боярской думы, которая должна была о важнейших делах докладывать государю.

Второй пункт указа вводил в стране новый правовой режим: за царем признавалось полное право по произволу казнить и миловать “лихоедеев” и “изменников” (“и в тех ведает бог да он, государь, и в животе и в казни его государская воля...”). Таким образом, высшая власть получала право бессудной казни. До тех пор обычаи не позволял великому князю лишать кого-либо чести, жизни или имущества, “не осудя праведным судом с бояры своими”. В силу этого пункта уже в ближайшие недели было казнено и отправлено в ссылку несколько видных бояр.

Во всей истории России нет эпизода (кроме, может быть, Петровских реформ или ленинской революции), который вызывал бы между историками столько ожесточенных споров, как опричнина. Историки XIX в., начиная с основателя отечественной исторической науки Николая Михайловича Карамзина, видели в ней лишь “бессмысленную тиранию”, следствие “ужасной перемены в душе царя” после смерти любимой жены Анастасии. В. О. Ключевский говорил о введении опричнины: “Если все это не простое сумасбродство, то очень похоже на политический маскарад, где всем государственным силам нарочно даны несвойственные им роли и поддельные физиономии”, а сама опричнина имела характер орудия, направленного исключительно “против лиц, а не против порядка”, и в этом качестве не имела “политического смысла”. В конце века С. Ф. Платонов попытался найти в оприч-

ной политике социальный смысл: он выдвинул гипотезу, будто бы опричнина была орудием борьбы центральной власти с “потомками владетельных князей” и “подвергла систематической ломке вотчинное землевладение служилых княжат вообще, на всем его пространстве”, а целью Грозного было “ослабление родовой аристократии”. Гипотеза Платонова была без доказательств принята советской исторической литературой в качестве полновесной теории. Бодрое и единодушное это усвоение произошло по вненаучным причинам. Понимание опричнины как механизма смены старого боярства новым дворянством в качестве опоры власти позволяло представить террористический режим опричнины достигающим исторически “прогрессивных” целей, ибо в такой смене и заключался, с точки зрения марксистов, прогресс. С. В. Бахрушин, например, писал в 1947 г., что “опричнина, несмотря на ряд темных сторон, достигла больших и положительных результатов в деле государственной централизации. Опричнина была, несомненно, прогрессивным явлением, поскольку она помогла ликвидировать остатки феодальной раздробленности и расчистила путь к созданию в будущем абсолютистского государства, которое в данных исторических условиях было необходимо для развития экономической и политической мощи русского народа”. А куда же было деваться Сергею Бахрушину (бывшему члену кадетской партии, о чем ему напоминали на экзаменах советские студенты), если сам “корифей всех наук” Иосиф Сталин даже однажды побранил Сергея Эйзенштейна за то, что в его “Иване Грозном” “прогрессивное войско опричников изображено как банда разбойников и мародеров”, добавив, что единственная ошибка Ивана Грозного состояла в том, что он “не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами”.

Как только сталинский режим рухнул, зашаталась и “прогрессивная” схема – были опубликованы работы С. Б. Веселовского, показавшего, что в годы опричных гонений боярство пострадало не больше других сословий. Позднее В. Б. Кобрин окончательно развеял легенду о мнимой “демократичности” опричнины, показав, что опричное войнство формировалось из тех же социальных слоев, из которых и ранее составлялся государев двор.

Р. Г. Скрынников, проанализировав состав опричных жертв, пришел к выводу, что более всего пострадали старомосковское боярство, приказная бюрократия и руководство церкви, а “с политической точки зрения террор против указанных группировок был полной бессмыслицей”. Дело заходило в тупик. Сталинская ясность оставалась только на страницах школьных учебников.

Между тем никакой загадки в опричнине нет. Загадочным это явление становится, только если подходить к нему с предвзятым убеждением в наличии у Грозного социальной программы, а таковой у царя, как мы убедились, не было. Достаточно взглянуть в способ формирования опричного войска и направление основных его ударов, и смысл чудовищного нововведения будет совершенно ясен.

Прежде всего, следует отрешиться от распространенного заблуждения, что, вводя опричнину, Грозный разделил страну. Ничего подобного, разумеется, не было, царь продолжал управлять всем государством, но его маневр обеспечил раскол в рядах Боярской думы, чинов “государева двора”, приказной бюрократии и даже духовенства (в опричнину входили и некоторые монастыри). Царь получил возможность сформировать собственное частное войско, набор в которое происходил не по общепринятому сословному принципу, а по принципу личной преданности. Опричники, которых набралось до 6 тыс., давали присягу служить царю верой и правдой, “доносить на изменников, не дружить с земскими... не водить с ними хлеба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя”. Бесчинства, грабежи и издевательства над земскими ставились опричникам в заслугу. Чем более ненавидели земские опричников, которых звали “кромешниками”, тем большее доверие испытывал к ним Грозный, которому нужна была сила, способная на все и по-собачьи преданная ему лично. Не случайно знаком опричного “достоинства” была назначена притороченная к

седлу собачья голова. Доказательства личной преданности требовались иногда самые чудовищные (передавали, что некто из опричных должен был зарезать родного отца). Но и этих скреп казалось Грозному недостаточно. Дополнительной гарантией верности государю должен был стать монашеский обет. Ближайшие три сотни опричников составили псевдомонашеское братство, где царь был игуменом.

Религиозная подоплека опричнины, как показывают последние исследования А. Л. Юрганова, заключалась в последовательном, хотя и рискованном с канонической точки зрения доведении Иваном Грозным до логического конца идеи о царе как наместнике Божьем на земле. Еще Иосиф Волоцкий писал, что “царь убо естеством [то есть телом] подобен есть всем человеком, а властью же подобен есть вышним [то есть Всевышнему] Богу”. А значит, по разумению Ивана, царь “яко Бог” имеет право на ярость наказания, может начинать Страшный суд “здесь и сейчас”, казняя грешников и милуя праведников. Так что в восприятии самого Грозного опричнина, скорее всего, была явлением и политическим, и религиозным. Разумеется, с точки зрения строго церковной это чудовищное искажение самого существа Нового Завета. Именно об этом бесстрашно напоминал царю митрополит Филипп.

Первые опричные казни ставят исследователей в тупик, в списках жертв невозможно проследить какой-либо закономерности. Кроме того, невозможно себе вообразить, что все сложное заведение опричнины предпринималось ради казни в феврале 1565 г. пятерых бояр и ссылки в Казань десятка ростовских и ярославских княжат. По всей видимости, в течение года Грозный лишь острил опричный топор, и только когда оружие было вполне готово, употребил его по назначению. Основные “потoki”, которые ясно просматриваются в кажущемся хаосе опричных казней, показывают совершенно недвусмысленно, для чего этот топор создавался.

Первой жертвой широкомасштабного и целенаправленного опричного террора стали члены Земского собора 1566 г. Собор был созван для подтверждения правительственного курса на продолжение войны в Ливонии и, соответственно, утверждения чрезвычайных налогов. На Соборе значительная группа участников потребовала отмены опричнины. Последовали казни и ссылки.

Следующий удар был нанесен по земской думе, и сентября 1568 г. были казнены конюший – председатель думы И. П. Челяднин-Федоров, окольничие М. И. Колычев и М. М. Лыков, боярин А. И. Катырев-Ростовский и с ними до 150 дворян, приказных людей. Мы никогда не узнаем, насколько основательны были выдвинутые против думцев обвинения в заговоре с целью смещения Ивана Грозного и замены его старицким князем Владимиром Андреевичем. Обвинение, скорее всего, было ложным, существенно, однако, что под этим предлогом уничтожался целый слой старинных советников московских государей, носителей традиции “вольных слуг”, не готовых беспрекословно повиноваться любому княжескому распоряжению.

Оппозиция в думе была обезглавлена, ничто не мешало теперь Грозному расправиться со строптивыми церковными иерархами, также ставшими в оппозицию режиму. Девятого мая 1566 г. митрополит Афанасий демонстративно сложил с себя сан и удалился в Чудов монастырь в знак протеста против опричнины. Грозный предложил занять кафедру казанскому архиепископу Герману, который даже переехал на митрополичий двор. Однако вскоре новый митрополит попытался склонить царя к отмене опричного режима “тихими и кроткими словами”, и члены опричной думы настояли на немедленном изгнании Германа. В Москву был спешно вызван игумен Соловецкого монастыря Филипп (в миру Федор Степанович Колычев). Филипп принадлежал к знатному старомосковскому боярскому роду и по прибытии в Москву быстро сориентировался в положении дел. Он согласился занять кафедру, но при этом потребовал отмены опричнины. Царь был в ярости и хотел удалить Филиппа, не сделал он этого лишь из опасения окончательно испортить отношения с духо-

венством, которое и без того было до крайности раздражено. В конце концов церковному собору удалось уговорить соловецкого игумена, и 20 июля 1566 г. Филипп дал обязательство “не вступаться” в опричнину и царский “домовный обиход” при условии, чтобы он и впредь “советовал бы с царем и великим князем”, и взошел на митрополию. Однако “советовать” не “вступаясь” было немыслимо, и митрополит не исполнил бы своей должности в глазах паствы, если бы не попытался образумить государя. В марте 1568 г. митрополит посетил царя и долго беседовал с ним наедине. Убедившись в тщетности частных увещаний, митрополит выступил публично: 22 марта во время богослужения в Успенском соборе при большом стечении народа митрополит Филипп начал с государем “враждовати о опришнине”. Митрополит несколько раз публично обличал царя. Опричники начали готовить над ним расправу. В Соловки была отправлена ревизионная комиссия, в результате митрополит был обвинен в “порочном поведении”. Обвинение было до такой степени шито белыми нитками, что его отказался подписать единственный авторитетный член следственной комиссии епископ Пафнутий. Тем не менее 4 ноября 1568 г. импровизированный Земский собор Филиппа осудил и лишил его сана. Не зная о соборном решении или не желая подчиниться ему, 8 ноября Филипп произносит очередную проповедь против опричнины. Опричники во главе с Алексеем Басмановым ворвались в собор, сорвали с митрополита облачение и отправили его в заточение в Тверской Отрочь монастырь, где через год во время похода на Новгород его лично задушил Малюта Скуратов.

Расправа над Филиппом означала гораздо большее, нежели просто устранение неугодного иерарха. Право “вступаться” и “советовать”, за которое упорно держался митрополит, издревле принадлежало иерархам православной церкви на Руси. Одна из главных светских обязанностей митрополита заключалась в “печаловании” царю, указании власти на “неправедность” ее действий. Обычай, который в те времена был важнее писаного закона, запрещал князю не прислушиваться к митрополичьему “печалованию”, которое таким образом служило важным инструментом политической адвокатуры и обратной связи великого князя с его подданными. Устранение Филиппа, сопровождавшееся почти полным “перебором” церковных иерархов, положило конец этой практике. Царь освободился еще от одного важного и эффективного механизма, ограничивавшего его произвол. С этого времени церковная организация на Руси стала приобретать характер служилого сословия, жестко контролировавшегося верховной властью. Смирение церкви покупалось отчасти и “пряником” – взятые в опричнину монастыри (московский – Симонов, ярославский – Спасский) получали существенные льготы и привилегии.

Наконец, последний и самый кровопролитный удар опричного террора был нанесен по городам Северо-Западной Руси. Формально карательный поход был предпринят на Новгород. Новгородцам было выдвинуто обвинение в “изменном деле”, будто бы они хотели “Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси хотели злым умышлением извести, а на государство посадить князя Владимира Андреевича”. Но в декабре 1569 г. по дороге на Новгород опричное войско устроило резню в Клину, Торжке, Твери и Вышнем Волочке, против которых никаких обвинений не выдвигалось вовсе. Второго января 1570 г. передовой опричный полк подошел к Новгороду и блокировал его “учиниша великия сторожи и крепкия заставы... кабы ни один человек из града не убежал”. Шестого января в город въехал сам царь, и начался пятидневный погром и грабеж.

В советской исторической литературе, пытавшейся представить опричнину борьбой царя-централизатора с непокорным боярством, масштабы и значение новгородского погрома всячески преуменьшались. Считалось, что во время новгородского “похода” погибло около 3 тыс. человек. Цифру эту следует увеличить на порядок. Новгородское предание и опричник из немцев Генрих Штаден также называют цифру 2770 убитых, но только в первый

день по приезде Грозного. Далее во время только одной акции “Малюта отделал 1490 человек ручным усечением, ис пищали отделано 15 человек”. По всей видимости, в Новгороде погибло от рук опричников до 40 тыс. человек. Город был обескровлен и разграблен. Опричный немец Штаден не без бахвальства отмечал в своих воспоминаниях: “Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра”. Чтобы оценить по достоинству это известие, надо принять в расчет, что опричное войско, двинувшееся в декабре из Москвы на север, насчитывало 15 тыс. всадников, а Штаден не занимал в этом войске никаких руководящих постов.

Вслед за Новгородом погром был учинен опричниками в Нарве, Ивангороде и Пскове. Но во Пскове убийства продолжались недолго, прежде всего потому, что бить было уже некого: несколько сотен видных псковских горожан за несколько месяцев до того были выселены из города, отправлены на переселение и при встрече перебиты опричниками в Торжке и Твери. По возвращении летом 1570 г. на Чистых прудах в Москве царь устроил показательную казнь 120 “изменников”, в их числе многих видных дьяков московских приказов. “Новгородский поход” Грозного навсегда подорвал силы тех “торговых мужиков”, которые, вольно чувствуя себя в традиционно вечевых волостях, могли бы содействовать установлению в Московском государстве представительного правления по литовскому или английскому образцу. А образец этот им был хорошо известен. Первые торговые переговоры с Англией от имени Московского государства вели в 1556 г. именно “торговые мужики” – двинские “богатеи” Фофан Макаров и Михаил Косицын. Они же вместе с вологжанином Осипом Непеем отправились в Англию в качестве московских “гостей” – торгового посольства.

При таком взгляде на события опричнина оказывается не только совершенно осмысленным, но и в высшей степени эффективным институтом утверждения личной власти. Только привилегированный военизированный корпус, сформированный по принципу личной преданности вождю, мог обеспечить поворот от строительства сословно-представительной монархии к неограниченной диктатуре.

Для настоящей войны опричное войско не годилось. Летом 1571 г. оно не сумело преградить путь крымскому хану Девлет-Гирею, чьи войска прорвались к самой Москве и сожгли столицу. После этого царь перестал доверять своему окружению – объединил земскую и опричную армии, казнил руководство опричнины (бояр М.Т. Черкасского, В. И. Темкина-Ростовского; еще раньше погибли основатели опричнины бояре отец и сын Басмановы и князь А. И. Вяземский) и многих рядовых опричников: “Того же лета царь православный многих своих детей боярских метал в Волхов-реку, с камением топил”. После победы над татарами под Серпуховом в 1572 г. опричнина была официально отменена. Однако в 1575 г. царь вновь разделил свое государство на “земщину” и “двор”. Деление на земскую и “дворовую” службу, на земские и “дворовые” уезды сохранялось до конца его царствования, хотя массовых репрессий больше не было.

Опричный поворот не представляется фатально неизбежным и неотвратимым. В Московском государстве было достаточно влиятельных социальных групп, способных повести страну по иному пути развития. Грозный не без основания опасался за свою безопасность. В 1566 году он даже принялся строить гигантскую крепость в Вологде в качестве убежища на случай антиопричного восстания. А в первых числах сентября 1567 г. Грозный вызвал английского посланника Дженкинсона в опричный дворец, где приказал ему устно передать королеве “великие тайные дела”. Поручения были столь необычны, что посланнику запретили делать какие-либо записи, но по приезде в Лондон он составил письменный отчет, из которого следовало, что царь просил королеву предоставить ему убежище в Англии “для сбережения себя и своей семьи”.

Жестокими мерами царь подавил всякую оппозицию, но внутри-и внешнеполитическое положение страны стремительно ухудшалось. Эпидемия чумы и неурожай на рубеже 60-70-х гг. XVI в. привели к разорению многих крестьянских хозяйств и дворянских владений, чему способствовали и произвол при взимании налогов, и прямые грабежи опричников. Писцовые книги начала 1580-х гг. говорят о том, что во многих уездах значительно сократилась пашня, а население вымерло или разбежалось.

Итоги опричной политики не исчерпываются списком жертв. Попытка царя насильственным образом изменить сложившуюся систему не укрепила, а, скорее, ослабила государство: репрессии и опричные преобразования подорвали единство армии и государственного аппарата, но зато резко усилили личную власть государя. Была проиграна Ливонская война. Экономический кризис, сокращение налоговых поступлений и небоеспособность армии привели к тому, что при проведении по отдельным уездам новой переписи земель в начале 1580-х гг. крестьянам было запрещено уходить из вотчин и поместий. Так с введением “заповедных лет” (отменой Юрьева дня) началось становление системы крепостного права, то есть ликвидировались личные права крестьян в России.

Антиопричные силы оказались разрознены и парализованы террором. Но это не означало, что они смирились с опричным поворотом навсегда. В начале XVII в. эти силы предпримут попытку взять реванш в ходе гражданской войны, скрывающейся в нашей исторической литературе под псевдонимом Смуты.

Подробнее на эту тему

Алыпич Д. Н. *Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного*. Л., 1988.

Зимин А. А. *Опричнина*. М., 2001.

Зимин А. А. *Реформы Ивана Грозного*. М., 1960.

Кобрин В. Б. *Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.)* М., 1985.

Кобрин В. Б. *Иван Грозный*. М., 1989.

Скрынников Р. Г. *Царство террора*. СПб., 1992.

Юрганов А. Л. *Опричнина и страшный суд* || Отечественная история. 1997. № 3. С. 52–

За что боролись в Смуту 1610

В декабре 1610 г. патриарх Гермоген стал рассылать по городам грамоты, в которых освобождал свою паству от присяги царю Владиславу и призвал русских людей к вооруженному выступлению, чтобы они по зимнему пути “собрався все в збор со всеми города, шли к Москве на литовских людей”. В ответ на этот призыв рязанский дворянин Прокопий Ляпунов поднял знамя восстания под лозунгом защиты православия, а московские бояре и польский наместник Александр Гонсевский посадили патриарха под арест; его “дияки и подьячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь разграблен”. Так оказался сорван “конституционный эксперимент” – одна из нескольких неожиданных развилки российской политической истории, которыми было богато Смутное время на рубеже XVI–XVII столетий.

“Выборные цари” и самозванцы

На фоне потрясений XX столетия не такой уж далекий от нас XVII в. представляется тихим и даже “застойным” временем. Но впечатление обманчиво; он прошел в непрерывных войнах, государство и общество сотрясали внутренние конфликты.

В 1601–1603 годах Россия пережила страшный голод. Начавшиеся волнения крестьян и холопов превратились в затяжную гражданскую войну, осложненную вторжением иностранных войск. Новорожденной державе Романовых пришлось вести две войны с Речью Посполитой (1632–1634 и 1654–1667), войну со Швецией (1656–1658); затем последовала первая в нашей истории Русско-турецкая война (1677–1681); ее продолжением стали Крымские (1687 и 1689) и Азовские (1695–1696) походы. За казацкими бунтами 1614–1616 гг. по стране прокатились городские восстания: Соляной бунт 1648 г. в Москве, выступления в Сольвычегодске, Устюге, Курске, Воронеже, Новгороде, Пскове и других городах. Во второй половине “бунташного века” Московское царство сотрясали Медный бунт 1662 г., крестьянская война 1670–1671 гг., стрелецкие бунты и дворцовые перевороты 1682–1689 гг. В это время произошел не преодоленный и по сей день церковный раскол.

Внимательный наблюдатель, английский ученый и дипломат Джильс Флетчер сделал в 1589 г. в трактате-донесении о состоянии России точный прогноз: меры Ивана Грозного “так потрясли государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно окончиться не иначе как всеобщим восстанием”⁶. Так и произошло: в стране наступила Смута, сопоставимая по размаху с гражданской войной 1918–1920 гг.

Ее не смогли предотвратить ни наследник царя Ивана Федор (1584–1598), мало похожий на доброго царя из трагедии А. К. Толстого, ни царский шурин и ловкий политик Борис Годунов. Восхождение молодого опричника к “высшей власти” напоминало детективный сюжет. Борис не раз находился на грани опалы и даже казни. Он посмел сватать свою сестру-царицу (при жизни хилого мужа) за австрийского принца, и этот секрет узнала польская разведка. Ему приходилось отбивать нападения вооруженной толпы на свой двор и даже просить политического убежища у английского посла. И все же Борис сумел оттеснить соперников – Мстиславских и Шуйских, поставил “своего” патриарха и стал фактическим правителем страны.

В январе 1598 г. умер царь Федор. Законная династия пресеклась, началась ожесточенная борьба придворных группировок за власть. Борис Годунов блестяще провел “избира-

⁶ Так в смягченном традиционном переводе, в оригинале сказано мрачнее – *civil flame*, то есть гражданской войной.

тельную кампанию”: пока в думе спорили его противники Мстиславские и Романовы, он от имени сестры-царицы объявил амнистию “всех винных людей и татей и разбойников по всем городам из тюрем” и демонстративно удалился от мирских забот в монастырь. Бориса поддерживали церковь во главе с патриархом Иовом, младшие бояре, опричные “выдвиженцы”, назначенные им руководители приказов. В феврале 1598 г. он был избран царем. Упустившая время знать сопротивлялась, но раздача войску во время объявленного царем похода на татар (так и не появившихся) жалованья сразу за три года устранила сомнения служилых людей в правильности выбора. Боярам пришлось смириться, и Борис венчался на царство в Успенском соборе Кремля.

Годунов оказался талантливым правителем и многое сделал для страны, порой опережая свое время: в два раза снизил налоги, стремился ликвидировать “белые” (не платившие налогов) частновладельческие слободы и дворы в городах, основал главный порт донетровской России Архангельск. Заключив мир на Западе со Швецией в 1595 г. и Речью Посполитой в 1600-м, Борис обратился к делам на Востоке и укрепил южную границу. Новая цепь сторожевых постов и укрепленных острогов, важнейшим из которых был Царицын, выдвинулась далеко в Дикое Поле. Первым из русских царей он просватал свою дочь за иностранного принца и за 100 лет до Петра I стал приглашать в Россию иностранных специалистов: врачей, рудознатцев, военных. Он хотел основать в Москве университет и послал в Вену и Оксфорд дворянских “ребят” для изучения иностранных языков и прочих наук. В результате реализации строительной “программы” царя появились колокольня Ивана Великого, Лобное место, стены Белого города в Москве и мощная Смоленская крепость на западной границе. Часть этих сооружений – результат организованных впервые в отечественной истории “общественных работ”, имевших целью предоставить заработок голодающим крестьянам.

Но “наследство” Ивана Грозного – крепостническая политика – заложило основу для будущих потрясений: указами 1592–1593 гг. был повсеместно отменен Юрьев день, указ 1597 г. ввел пятилетний срок сыска беглых крестьян. На осваиваемых окраинах появились московские воеводы и помещики; свободное население и бежавшие на окраины “казаки” вновь попадали в крепостную зависимость.

Еще десяток спокойных лет – и новая династия окрепла бы, а юный и образованный сын царя вполне годился для роли реформатора. Но полоса успехов была прервана голодом 1601–1603 гг. Катастрофическое положение заставило царя в 1601 г. восстановить Юрьев день для крестьян провинциальных помещиков. Крестьяне стремились уйти от владельцев, а те – любой ценой удержать рабочую силу. Беглые и холопы собирались в крупные отряды, против которых в 1603 г. приходилось посылать войска; в том же году был – уже окончательно – отменен крестьянский “выход”. Последствия голода и колебаний правительства стали губительными для династии. В глазах знати Борис всегда был худородным выскочкой, теперь же он оказался “плохим” царем и для служилых, и для крестьян. Природные катаклизмы и социальные тяготы воспринимались людьми того времени как наказание стране, оказавшейся под властью грешного или “неистинного” царя.

В такой общественной атмосфере просто должен был явиться царь “истинный”, “природный”. Один за другим появляются самозванцы из “низов”, выражавшие характерные для общества настроения и чаяния. Григорий Отрепьев, бывший дворянин на службе бояр Романовых (“чудесно спасенный царевич Дмитрий”), осенью 1604 г. перешел русскую границу. Его польско-казацкий отряд был сразу же разгромлен, но самозванец получил поддержку крестьян, посадских людей и казаков с южной границы, открывавших ему ворота крепостей. После скоропостижной смерти Бориса в апреле 1605 г. на сторону претендента перешло войско, уже в июне он вступил в Москву.

Заняв престол, “Димитрий Иванович” (1605–1606) оказался в сложном положении. Посулив всем “благоденственное житие”, он не мог выполнить все обещанное: передать

будущему тестю, польскому сенатору Юрию Мнишеку, Новгород и Псков, отменить крепостное право. В результате осложнились отношения с Речью Посполитой. Льготы получили лишь крестьяне Комарицкой волости и путивльские горожане, первыми признавшие царя. Землевладельцы получили разрешение возвращать крестьян и холопов, бежавших после 1600 г. Московские бояре, прекрасно знавшие, что царь – самозванец, стали просить у польского короля Сигизмунда III его сына на московский престол.

Лжедмитрий пытался уйти от этих осложнений: готовился к большому походу на Крым и получил поддержку служилых людей южных уездов. Он был храбр, молод, энергичен, но явно не “вписывался” в образ “природного” царя, постоянно задевал национальные и религиозные чувства подданных: окружал себя иноземцами, не спал после обеда, не ходил в баню, собрался венчаться с “гордою полячкой” Мариной Мнишек накануне постной пятницы. Есть сведения о готовившейся им секуляризации церковных земель. Поползли толки, что и этот царь “неистинный”. В таких обстоятельствах боярам во главе с Василием Шуйским легко удалось организовать заговор и возмутить толпу: во время начавшегося в мае 1606 г. в Москве восстания царь был убит.

Новым царем “выкрикнули” главу заговора князя Василия Ивановича Шуйского. Князь Василий был избран на царство не в последнюю очередь потому, что имел к этому времени репутацию страдальца за правду. Он едва ли не единственный подвергся репрессиям в короткое правление самозванца по “политическим” мотивам. Ведь в 1591 г. он в качестве главы следственной комиссии утвердил заключение о гибели царевича Дмитрия в Угличе в результате несчастного случая.

После воцарения самозванца ему пришлось опровергнуть свое давнишнее заявление. Но как-то на пиру боярин в ближнем кругу проговорился, что настоящий царевич и впрямь в Угличе “помре”. О его “непригожих речах” донесли Лжедмитрию (по слухам, доносчиком выступил знаменитый архитектор Федор Конь), и Шуйский угодил в опалу, хотя и ненадолго.

Вступая на престол, он дал “крестоцеловальную запись” – первое в нашей истории юридическое обязательство государя перед подданными.

...И поволил есми яз, царь и великий князь Василий Иванович всеа Русин, целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом з бояры своими, смерти не предати, и вотчин, и дворов, и животов у братии их, и у жен и у детей не отымати, будет которые с ними в мысли не были, также и у гостей, и у торговых, и у черных людей, хотя которой по суду и по сыску дойдет и до смертныя вины, и после их у жен и у детей дворов, и лавок, и животов не отымати, будут они с ми в той вине неповинны; да и доводов ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтоб в том православное христианство без вины не гибли... На том на всем, что в сей записи написано, яз царь и великий князь Василий Иванович всеа Русин, целую крест всем православным христианам, что мне, их жалую, судити истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своя не класти, и недругам никому в неправде не подавати, и от всякого насильства оберегати.
(Собрание государственных грамот и договоров. Т. п. № 141. С. 299–300)

Но попытка “общественного договора” успеха не имела. Шуйский был царем именно “выкрикнут”, то есть избран наскоро созванным “собором” только из московских людей, без призыва депутатов из провинции. Десятки городов и уездов не признали “боярского царя”: для них “истинным” государем оставался Дмитрий. Шуйский оказался на редкость неавторитетным (как сказали бы сейчас, “нехаризматичным”) правителем. Он был искушен в придворных интригах, но оказался бездарным полководцем и вероломным политиком; его вме-

сте с братом обвиняли в отравлении племянника, молодого и талантливое воеводы Михаила Скопина-Шуйского.

Наступил новый этап Смуты – гражданская война. Еще недавно в учебниках события этих лет называли первой крестьянской войной в России. Закрепостительная политика в условиях голода на самом деле вызвала волну сопротивления, хотя повстанцы вроде бы не стремились к новому общественному устройству и, по свидетельству патриарха Гермогена, призывали жителей осажденной Москвы: “Велят боярским холопам побивать своих бояр и жен их, и вотчины и поместья им сулят. Шпыням и безымянникам вора велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити и призывают их, воров, к себе, хотят им давати боярство, воеводство, окошничество и дьячество”. Появились “воровские помещики”, получившие свои владения от предводителей восставших. Против Шуйского поднялись не только холопы и крестьяне. Тяготы службы и разорение поместий заставляли провинциальных служилых людей выступать против столичных “богатин” и “боярского царя”. Под водительством бывшего “боевого” холопа, а теперь воеводы “царя Дмитрия” Ивана Болотникова сражались его прежний господин князь Андрей Телятевский, воевода князь Григорий Шаховской; вместе с атаманом Илейкой выступили дворянин Прокопий Ляпунов и стрелецкий сотник Истома Пашков.

Борьба с мятежниками несколько месяцев шла с переменным успехом. Армия Шуйского окружила войско Болотникова в Туле; после тяжелой осады царь заключил договор с восставшими: большую часть отпустил, но жестоко расправился с предводителями. Однако торжествовать победу Шуйскому пришлось недолго: летом 1607 г. объявился Лжедмитрий II – личность до сих пор загадочная. Достоверных сведений о его судьбе практически нет; современники поговаривали, что был он школьный учитель и будто бы из крещеных евреев, но эти “известия” вполне могли быть и пропагандой его противников.

Новый царь половины европейской России был извлечен нуждавшимися в предводителе повстанцами из долговой тюрьмы города Пропойска, поскольку имел точно такую же бородавку на носу, как и первый самозванец. В его лагере собралось разношерстное воинство: изгнанные из Польши мятежники с гетманом Романом Ружинским и Яном Сапегой, признавшая “воскресшего” мужа Марина Мнишек, болотниковские атаманы Юрий Беззубцев и Иван Заруцкий, бояре Салтыковы и Черкасские, ростовский митрополит Филарет (представитель боярского рода Романовых, насильно постриженный в монахи Годуновым), запорожские казаки и татары. На их сторону перешли Псков, Ростов, Ярославль, Кострома, Вологда, Галич, Владимир. В стране оказалось две столицы: Москва и ставка Лжедмитрия II – подмосковное село Тушино; два правительства и даже два патриарха – “законный” Гермоген и тушинский Филарет.

Кроме упоминаемых в учебниках Лжедмитрия I и Лжедмитрия II появилось еще не менее 15 самозванцев: Лжедмитрии III и IV, другие “дети” и “внуки” Ивана Грозного – царевич Осиновик, царевич Иван-Август, царевич Лаврентий; на власть претендовала вдова Лжедмитрия I “царица Марина Юрьевна”, родившая от Лжедмитрия II “царевича Ивана Дмитриевича”. Обилие “родственников” порождало конкуренцию: Лжедмитрий II повесил семейных “сыновей” царя Федора – “царевичей” Кlementия, Савелия, Симеона, Василия, Ерошку, Гаврилку и Мартынку. Уезды и города по несколько раз переходили из рук в руки. Каждый из “царей” по городам сажал своих воевод, проводивших поборы и реквизиции “изменнических животов”. Сколько было таких удалцов на “местном” уровне, мы не узнаем никогда.

В уездах власть захватывали казачьи отряды со своими панами-атаманами. Казаки той поры не были похожи на военное сословие, известное по шолоховскому “Тихому Дону”. Кто только не становился казаком в Смуту: беспоместные дворяне, разорившиеся купцы и посадские, беглые холопы, поповские дети, крещеные и некрещеные татары, выходцы с литовской “украины”, “немцы” и даже евреи. Их атаманы служили всем, кто мог обеспе-

чить “корм” и жалованье. Казачьи отряды в качестве вознаграждения за службу получали или силой забирали территории в кормления – “приставства” – и брали с мужиков деньги и продукты.

Когда никто не знает, какая власть законна, теряет силу святость присяги и “честь” рода: постоянно росло количество “перелетов” – перебежчиков из одного лагеря в другой. В дезориентированном обществе становятся заметны черты морального упадка: “жития” и “видения” эпохи изобилуют сообщениями о клятвопреступлениях, пьянстве, сквернословии, осквернении святынь.

В критической ситуации правительство Шуйского в феврале 1609 г. заключило договор со Швецией, которая предоставила московскому правительству вспомогательное войско, но эта акция стала поводом к войне для польского короля Сигизмунда III. Польское войско осадило Смоленск, хотя Речь Посполитая официально войны России не объявляла, так как король начал поход без формальной санкции сейма. Воеводы царя Василия с помощью шведов нанесли ряд поражений мятежникам на севере и изгнали их из Тушина. Но в июле 1609 г. поляки разбили армию Шуйского под Смоленском. Командующий, брат царя Дмитрий Шуйский, бежал; иноземные наемники перешли на службу к королю, победителям достался весь обоз и артиллерия.

Царя Василия бросили его последние союзники – крымские татары князя Богдыр-Гирея. Тогда состоявшееся в Москве у Арбатских ворот собрание, в котором участвовали бояре, служилые люди и московский посадский “мир”, постановило “бывшему государю... Василию Ивановичу всеа Русин отказать и на государеве дворе не быти и вперед на государстве не сидети”. Неудачливый царь был “ссажен” с престола и пострижен в монахи.

Августовский договор и его судьба

Впервые в Москве исчезла всякая законная власть. Угроза развала государства заставила бояр и в Москве, и в лагере самозванца искать выход.

В феврале 1610 г. служившие самозванцу бояре и дворяне (М. Г. Салтыков, князь В. М. Масальский, князь Ф. П. Засекин, Т. В. Грязной, Ф. Ф. Мещерский, М. А. Молчанов) призывали на русский престол сына Сигизмунда III, королевича Владислава. Теперь предстояло решать Москве. Выбор был невелик: с запада надвигался польский гетман Станислав Жолкевский; с юга – Лжедмитрий II, чьи отряды уже принялись жечь московские слободы. Принять самозванца с его казацкой вольницей москвичи категорически не желали: “Лучши убо государичю служити, нежели от холопей своих побитым быти и в вечной работе у них мучиться”. Цвет московской знати – бояре князь Ф. И. Мстиславский, князь В. В. Голицын, Ф. И. Шереметев, окольные, думные дворяне, виднейшие дьяки отправились к гетману и через несколько дней труднейших переговоров 18 августа 1610 г. подписали договор. Россия и Речь Посполитая заключали “вечный мир и союз”. На московский престол приглашался королевич Владислав, отныне “государь царь и великий князь Владислав Жигимонтович”.

Утверждение новой династии и союз с Польшей сопровождались рядом принципиальных условий. Король Сигизмунд, осаждавший в это же время главную русскую крепость на западной границе – Смоленск, должен был прекратить военные действия и “города, к Московскому государству належачие... со всем, как были до нынешние смуты, к Московскому государству очистить”. Новый царь обязывался блюсти православие как единственное допустимое вероисповедание: “Всем православным христианом быти в православной христианской вере греческого закона по-прежнему, и римские веры и иных разных вер костелов и всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве и по городом и по селом нигде не ставити”.

Послы отстаивали сохранение прежней социальной структуры и национальной независимости: “Польским и литовским людям на Москве ни у каких земских росправных дел и по городам в воеводах и в приказных людях не быти... и всех чинов служилых и жилецких людей Российского государства имети государю королевичу всех по достоинству в чести и в жалованье и в милости, как было при прежних великих государех царех московских; и прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве не переменять”.

Но главное – определялся круг вопросов, которые отныне государь должен был решать “с приговором и с советом” представителей русского общества:

На Москве и по городом суду быти и свершатись по прежнему обычаю и по судебники Российского государства, а буде похотят в чем пополнить для укрепления судов, и государю на то поволити з думою бояр и всей земли... А не сыскав вины и не осудивши судом всеми бояры, никою не казнити и чести ни у ково не отымати и в заточенье не засылати, поместей и вотчин и дворов не отымати. И о всем том делати государю с приговором и с советом бояр и всех думных людей, а без думы и приговору таких дел не совершати.

(Сборник Русского исторического общества. Т. 142. С. 101–109)

Таким образом, за годы Смуты в сознании “верхов” московского общества уже появилось представление, что государь должен был занять трон с согласия “всей земли” как верховного сословного органа. “И что нам от земли повелят, то мы и учиним”, – говорили послы польским дипломатам.

Августовский договор не был тайным сговором нескольких бояр, а выражал волю находившихся в Москве “чинов” русского общества – более 500 человек “стольников и дворян”. На следующий день жители Москвы принесли присягу в Успенском соборе, а затем из столицы стали рассылать грамоты в другие города с предписанием привести их население к присяге. Нового царя признали Новгород, Владимир, Кострома, Ярославль, Ростов, Вологда, Углич, Белоозеро, Коломна. Еще раньше, на основании февральского соглашения, королевичу присягнули служилые и посадские Зубцова, Ржевы-Володимировой, Дорогобужа, Вязьмы, Можайска, Старицы, Брянска и Серпейска. Чтобы не допустить в Москву самозванца, бояре в сентябре 1610 г. впустили в столицу польский гарнизон.

Некоторые историки полагают, что эти договоры, как и “крестоцеловальная запись” Шуйского, могли стать началом выхода из Смуты и являлись шагом от самодержавия к правовому государству. Приглашение иностранного, но “законного” и “природного” принца на престол, как и ограничение его прав при избрании, скорее всего, было возможно. Несомненным было и стремление правящей элиты гарантировать себя от повторения опричных казней. Можно полагать, что были бы обеспечены свободные контакты между государствами и подданными, что сделало бы русское общество доступным для польско-литовского культурного влияния. Военный союз позволил бы более успешно бороться с татарскими набегами. Купцам обоих государств позволялось свободно торговать всякими товарами на их территории. Наметилось бы некоторое сближение политического строя Речи Посполитой и России, при том что последняя сохранила бы свое социально-политическое устройство и “прежние обычаи”.

Но договор сразу же оказался под угрозой. Во время переговоров выявились “недоговоренные статьи”: остался открытым вопрос о переходе Владислава в православие и его браке – москвичи настаивали, что их государь должен взять себе жену “в Московском государстве православную”. Для решения спорных вопросов к королю отправилось многочленное посольство из представителей уездных дворянских корпораций-городов, стрельцов, подьячих и нескольких “торговых людей”, во главе с митрополитом Филаретом и боярином

князем Василием Голицыным. Резонно полагая, что овладеть русским тронem можно только при поддержке русского общества, московские политики считали, что для достижения этой цели король должен немедленно прекратить войну и отправить сына в Москву. Послы просили, чтобы “государь наш королевич пожаловал, крестился в нашу православную хрестьянскую веру греческого закона”, настаивали на недопустимости пропаганды католицизма и сохранении территориальной целостности своего государства.

Однако высшие чины московского двора, в руках которых находилось ведение переговоров, не очень-то стремились расширять права “земли”. Не случайно договор зафиксировал широкую компетенцию боярской думы, а “вся земля” получила право лишь участвовать в пополнении Судебника новыми статьями. Трудно сказать и насколько перечисленные в договоре принципы соответствовали представлениям массы мелких служилых и “тяглых” людей о справедливом общественном устройстве. Казаку нужна была “воля” (личная свобода вне государственных рамок) и лихие военные экспедиции “за зипунами”; крестьянин хотел мирной жизни, по возможности без податей и без помещика, а дворянин – поместий и “людишек” за верную службу. А всем вместе нужен был стоящий над всеми “чинами” государь как источник милостей и гарант от произвола “сильных людей”. В народном сознании уже сложился идеальный образ праведного и благочестивого “великого государя царя” – защитника веры, “благословенного” в общественной и личной жизни, обязанного заботиться о подвластных. Не случайно в народных песнях и преданиях об Иване Грозном (даже в новгородских землях, где особенно свирепствовали опричники) современные ученые находят “оправдательные тенденции”: вот был настоящий царь – умел казнить, но умел и миловать...

Офицер московского гарнизона шляхтич Самуил Маскевич пересказал разговоры, которые он и его товарищи вели с русскими дворянами: “...наши хвалили им вольности, чтобы, с нами соединившись, ее добыли”. Собеседники отвечали ему: “Ваша вольность для вас хороша, а наша неволя для нас... У вас более могущественный угнетает более худого; вольно ему взять у более худого имение и его самого убить”. Москвичи неплохо представляли себе польские порядки, где равенство “панов-братьев” на деле приводило к всевластию магнатов, занимавших высшие государственные должности. Владения таких магнатов, как литовские Радзивиллы, с десятками городов и сотнями сел, были сравнимы по размерам с современными европейскими государствами вроде Бельгии. Их владельцы содержали собственные армии, которые по численности и оснащению превосходили коронные войска. На другом полюсе находилась масса бедной шляхты, гордой своим происхождением и правами: “Шляхтич на загроде (крохотном участке земли) равен воеводе!” На деле такие малоземельные или безземельные “паны” были бессильны противостоять воле сильного соседа и часто из милости служили при магнатских дворах, хотя и требовали, чтобы хозяин порол их только на персидском ковре... А в Москве государь мог возвысить бедного сына боярского, а любого знатного и богатого боярина отправить в ссылку.

Возможно, со временем отношение русского дворянства к шляхетским “вольностям” могло измениться, если бы сама шляхта и ее вожди проводили более гибкую политику. Однако Сигизмунд III договор выполнять не собирался и известил Жолкевского, что некоторые условия он принять не может: порядок в России будет обеспечен, только если польские войска будут находиться в пограничных крепостях и в Москве. Король справедливо полагал, что его 15-летний сын не имел опыта управления, но еще меньше он доверял его новым подданным. “Это такой народ, – писал он Жолкевскому, – которому уже из-за его религии опасно доверять, грубых обычаев и твердого сердца, у которого жестокость заменяет право, а несвобода стала его природой”. Если гетман стремился с помощью уступок утвердить Владислава на русском троне и вовлечь Россию в орбиту польского политического и культурного влияния, то король и его советники не стремились к сохранению Российского государства и планировали включить его в состав Речи Посполитой. Сейму король объявил главной

целью своего похода возвращение Смоленщины и Северской земли, утраченных Великим княжеством Литовским в конце XV – начале XVI в., в то время как согласно августовскому договору Российское государство сохраняло свои существовавшие до Смуты границы.

Коронный подканцлер Феликс Крыйский на сейме 1611 г. заявил, что московиты “уже у нас в руках; если о государе, то должны того принять, кого им дадут, и терпеть то, что прикажет победитель”. Ревностный католик Сигизмунд III упрекнул гетмана за то, что тот обещал “костелов римских в Московском государстве не строити” и собирался заставить московские “чины” передать власть ему самому. С помощью пожалований и наград он предполагал купить большую часть русской политической элиты и оставить ее при своих “правах и обычаях”.

Королевич Владислав не приехал в Москву (о его переходе в православие так и не договорились), а его отец от имени “царя Владислава Жигимонтовича” стал раздавать поместья и воеводства в России. Русская знать не обнаружила единства. Часть ее, преимущественно из бывших “тушинцев”, пошла на поклон к королю. Сигизмунд и его наместник в Москве Александр Гонсевский распоряжались ценностями казны, назначали на должности своих ставленников. В Пушкарском приказе был посажен князь Юрий Хворостинин, в Ямском – Никита Вельяминов, в Большом приходе – князь Федор Мещерский. Поместный приказ по распоряжению короля возглавил дьяк Иван Грамотин. Иные московские бояре, как князь Григорий Ромодановский, выезжали в лагерь короля, чтобы исхлопотать себе новые вотчины. Другой боярин, князь Иван Куракин, выполняя королевскую инструкцию, уговаривал своих коллег выбрать на престол Сигизмунда. Одним из наиболее ярких приверженцев польской власти стал бывший купец, дьяк Федор Андронов; он стал московским казначеем и советовал королю “доставать” недовольных соотечественников “саблею и огнем”, за что получил две волости в Старицком уезде.

Неисполнение договора и действия польских войск вызвали в марте 1611 г. восстание в Москве. После целого дня ожесточенных боев поляки по совету бояр стали поджигать город: “Михайло Салтыков первой нача жечь двор свой”. Восставшие вынуждены были отступить; начался грабеж города. Мартовское восстание означало перелом в отношении русского общества к польско-литовским “союзникам”. Если до того провинциальные города еще признавали договор при условии, что “Жигимонт король... сына своего... на Московское государство дал и сам бы от Смоленска отшел, изо всей бы земли Российского государства польских и литовских людей вывел”, то отныне указаний боярского правительства на местах больше не исполняли. Бессильная дума окончательно потеряла традиционный авторитет и отныне не могла оказывать влияния на русское общество.

Короля это уже не беспокоило – 2 июня 1611 г. польско-литовские войска взяли штурмом Смоленск. Глядя на польские успехи, другие соседи приступили к дележу территории Московского государства: шведские войска захватили Новгород, а местные власти заключили договор о “переходе” под покровительство шведской короны; практичные англичане подали своему королю в 1612 г. проект оккупации Русского Севера.

На пике кризиса провинциальные города начали движение за возрождение национальной государственности. Посадские и волостные “миры” создавали выборные органы, которые взяли в свои руки сбор государственных доходов, занялись организацией обороны, формировали свои отряды. Разосланные весной 1611 г. грамоты призывали “королю и королевичу креста не целовать и не прямити ни в чем, никоторыми делы... короля и королевича польского и литовского на Московское государство и на все государства Российского царствия не хотеть”; поляки “Московское государство выжгли и высекли, и Божия святая церкви разорили и чудотворные мощи великих чудотворцев московских обругали, и раки чудотворных мощей разсекли... и в церквах для поругания лошади оставили”.

Первое ополчение 1611 г. не достигло цели – казаки и дворяне не смогли договориться. Дворяне добивались возвращения беглых после изгнания поляков, казаки не хотели расставаться с вольной жизнью и вновь возвращаться в крестьянское или посадское “тягло”. Кончилось тем, что лидер дворянского ополчения Прокопий Ляпунов был убит на казачьем “кругу”. Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде по инициативе мясника, уважаемого земского старосты Козьмы Минина был принят приговор о создании нового ополчения: “Стоять за истину всем безызменно... На жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет – отбирать не только имущество, а и дворы. И жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать”.

Зимой 1611–1612 гг. был создан Совет всея земли – подобие Земского собора, куда вошли “из всех городов всяких чинов выборные люди”. Новое правительство организовало сбор налогов, создало собственные приказы – Поместный, Разрядный и Посольский. Задача жалованья и поместий помогла создать боеспособную армию во главе с князем Дмитрием Пожарским. Была налажена чеканка “законных” денег с именем прежнего царя Федора. Летом 1612 г. ополчение утвердило свою власть в северных “замосковных” городах, а 27 октября осажденный польский гарнизон в Москве сдался.

Сразу же после освобождения Москвы от поляков по городам были отправлены грамоты о созыве Земского собора. Точное число его участников нам неизвестно: за многих из них расписывались “умевшие грамоте”: “Кузмодемьянского города посадкой человек Григорей Иванов и [за] чебоксарцов выборных людей детей боярских и посадцких людей и стрелцов, руку приложил”. Но он стал одним из самых представительных собраний; среди 700–800 выборных были не только служилые люди и горожане, но и казаки и даже черносошные крестьяне.

Начавшаяся в январе 1613 г. предвыборная борьба была ожесточенной, но в итоге из всех претендентов (князя Дмитрия Трубецкого, Ивана Голицына, Дмитрия Черкасского и даже Дмитрия Пожарского) большинство собора предпочло кандидатуру 16-летнего Михаила Федоровича Романова. Представитель славного боярского рода, состоявшего в родстве с предшествовавшей династией, он по молодости в “измене” не был, но его родичи находились в обоих лагерях – и в Москве, и в Тушине. Под давлением казаков и под влиянием пущенной в ход легенды, будто царь Федор завещал престол Романовым, Михаил был избран 21 февраля 1613 г. По иронии судьбы призванную восстановить порядок в стране династию избрали казаки. Как сообщали шведские лазутчики, именно казаки и “чернь” “с большим шумом ворвались в Кремль к боярам и думцам”, обвиняя их, что они “не выбирают в государи никого из здешних господ, чтобы самим править и одним пользоваться доходами страны...”.

Но Смута не закончилась с освобождением Москвы: в 1615 г. шведский король Густав Адольф пытался овладеть Псковом; на западной границе практически постоянно шла война с отрядами Сигизмунда III и Владислава, не раз предпринимавшими походы на Москву вместе с русскими “ворами” и запорожскими казаками гетмана Петра Сагайдачного. По стране бродили отряды казаков, порой бравшие штурмом даже такие крупные города, как Вологда или Астрахань.

Только к исходу 1614 г. на Яике были схвачены преданные своими казаками атаман Заруцкий и Марина Мнишек; трехлетний сын “царицы” и Лжедмитрия II – “воренок” – был публично повешен в Москве. К 1619 году удалось справиться с казачьей вольницей: “воровским” атаманам дали жалованье и даже поместья, казаков отправили на службу по разным городам и границам.

Страна вновь обрела единство и законную власть. Но при этом не произошло обновления в системе управления, социальном строе, культуре. Участие “всея земли” в воссоздании государственности привело к восстановлению старого варианта политического устройства.

Духовно-религиозный подъем не нашел выражения в юридических установлениях, которые бы регулировали отношения власти и подданных. Возможно, здесь проявляется определенная закономерность: общество, уставшее от социальных потрясений, из предложенных возможностей выбирает наиболее консервативный путь.

Подробнее на эту тему

Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. СПб., 1998.

Кобрин В. Б. *Смутное время – утраченные возможности* || История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 163–185.

Платонов С. Ф. *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.* М., 1937.

Флоря Б. Н. *Польско-литовская интервенция в России и русское общество.* М., 2005.

Черепнин Л. В. *Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв.* М., 1978.

От “симфонии” к расколу 1666

С ноября 1666 и до июля 1667 г. в Москве тянулся церковный “великий собор” с участием вселенских патриархов, многочисленных греческих епископов, русского духовенства, царя и Боярской думы. Созван он был для разрешения двух наболевших и буквально раздиравших русскую церковь конфликтов, тесно между собой связанных: один, разворачивавшийся между патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, подрывал основы взаимоотношений светской и церковной властей, другой, между сторонниками и противниками проведенных Никоном церковных реформ, привел к расколу русской церкви.

Как Никон, так и вожди раскола неоднократно вызывались высоким собранием для увещаний и объяснений. И та и другая стороны решительно отрицали свою вину и во всех “нестроениях” обвиняли царя и поддерживавших его греческих иерархов. Опальный патриарх честил греческих судей как “бродяг” и “султанских невольников”, советовал им, вместо того чтобы “ходить всюду за милостынею”, поделить между собой золото и жемчуга с его патриаршей митры и панагии и заявил, что греческие канонические правила, которыми руководствовались судьи, “не прямые, печатали их еретики”. В ответ собор обвинил его в оскорблении восточных патриархов, лишил сана и отправил в северный Ферапонтов монастырь простым монахом.

Возглавлявший староверов протопоп Аввакум точно так же “покаяния и повиновения не принес, а во всем упорствовал... освященный собор укорял и неправославным называл”. Как потом вспоминал Аввакум, дело чуть не дошло до драки, и тогда “я отошел к дверям да набок повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю им. Так оне смеются: дурак-де протопоп! И патриархов не почитает!”. Юродствуя, Аввакум обличал и “Никона-волка”, и “неможных” от “насилия турецкого” греков, и идущего у них на поводу царя, утверждал, что “до Никона-отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна”. В итоге собор отлучил от церкви всех сторонников старых обрядов и книг, а вождей раскола отправил в ссылку. Следствием фанатической бескомпромиссности Никона и Аввакума стала церковная катастрофа, о которой ярко свидетельствуют события 6 января 1681 г.

Во время крещенского обряда освящения вод, когда торжественный крестный ход царя Федора Алексеевича вместе с патриархом, духовенством, приказными и стрельцами спустился от Успенского собора Московского Кремля к Москве-реке, где была устроена иордань (крестообразная прорубь), московские староверы ворвались в опустевшие соборы. Они учинили там разгром, осквернили могилу покойного царя и разбрасывали (впервые в русской истории!) с колокольни Ивана Великого листовки с карикатурами на власть и церковь, изготовленные по “эскизам” тогда уже “тюремного сидельца” Аввакума.

...Безстыдно и воровски метали свитки богохульные и царскому достоинству безчестные. И в то же время, подобно вора, тайно вкрадучися в соборныя церкви, как церковныя ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальныя свечи ставили, не отличаясь ничем от святокрадцев и церковных татей. Сии все злодеяния были в Москве от раскольников наущением... вождя своего Аввакума. Он же сам, окаянный изверх, в то же время... сидя в... земляной своей тюрьме, на берестяных своих хартиях рисовал царских

персон и высоких духовных лиц с хульными надписаниями, и толкованиями, и блядословными укоризнами.

(Цит. по: Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН. М.; Л., 1965. Т. 21)

Крещенская “замятия” 1681 г. показала всю остроту религиозного противостояния. Это хорошо видно по характеру средств, использованных староверами для осквернения святынь. В отличие от восковых сальные свечи в церковном обиходе не использовались, их считали нечистыми. Деготь – общеизвестный знак позора, им и в XX в. в деревнях мазали ворота девкам, которых считали “гулящими”. Как писал один из лучших знатоков культуры XVII в. А. М. Панченко, “в глазах бунтарей официальная церковь утратила непорочность, уподобилась блуднице и не могла претендовать на духовное руководство”.

Как же русское православное царство “дошло до жизни такой”? Как вообще мог случиться и “получиться” раскол, когда две партии истово веровавших и преданных церковному делу людей буквально “съели” друг друга, ослабив церковь и создав предпосылки для ее полного подчинения государством (по выражению Ф.М. Достоевского, “паралича”) в XVIII–XIX вв.? Каковы были взаимоотношения церкви и власти, церкви и общества, наконец, что из себя представляло русское религиозное сознание?

Крещение Руси, его предпосылки и альтернативы

Как известно, Русь приняла крещение от Византии около 988 г. Вплоть до 1448 г. история Русской православной церкви – это история одной из митрополий константинопольского патриархата. Крещение было второй религиозной реформой киевского князя Владимира, предпринятой в значительной степени вследствие неудачи первой. В 980 году Владимир предпринял попытку создания единого государственного пантеона из племенных языческих божеств во главе с Перуном. Насажение культа вдвойне чужого (киевского и княжеского) бога вызвало восстания в недавно покоренных землях и, вместо того чтобы укрепить власть Киева, наоборот, ее ослабило. Владимиру “с боярами и старцами градскими” пришлось искать другой способ духовного и идеологического скрепления разноплеменного населения подвластных ему земель. Варианты могли быть – и были – разные, что отразилось в источниках.

Наш древнейший летописный свод 986–987 гг. дает знаменитый рассказ о выборе веры Владимиром. Согласно ему, к князю поочередно приходили волжские булгары (принявшие ислам в 922 г.) с проповедью мусульманства, затем “немцы” от папы римского, хазарские иудеи. “После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя”. Владимир, особо впечатленный рассказом последних, по совету бояр и старцев отправил послов посмотреть “кто как служит Богу”. Побывав и у булгар, и у немцев, послы были потрясены византийской церковной службой “ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом”. Они сделали и практический вывод – “не можем уже более пребывать в язычестве”, поддержанный боярами ссылкой на прецедент – “если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей”.

Это предание, сочиненное, скорее всего, задним числом, тем не менее вполне достоверно отражает конфессиональное окружение молодого киевского государства. Русь действительно могла выбирать, и некоторые авторы даже рисуют захватывающую дух картину, к примеру, потенциального исламского выбора Владимира и его последствий для судеб Европы. Так, Д. В. Поспеловский полагает, что если бы Владимир принял ислам, то создавалась бы реальная угроза европейской христианской цивилизации со стороны воинственных

мусульманских народов (мавры на Пиренеях, турки-османы на Балканах и болгары с русскими в Восточной Европе). Именно эту угрозу, по его мнению, и сняло крещение Руси. Следуя такой логике, придется признать, что европейскую христианскую цивилизацию спасла любовь Владимира к вину. Ведь именно запрет на него заставил князя отвергнуть ислам с известной мотивировкой: “Руси есть веселие питье, не можем бес того быти”.

Если говорить серьезно, то у иудаизма, как и у мусульманства, были очень небольшие шансы. Хазарский каганат был разгромлен отцом Владимира Святославом, опустошившим также и Волжскую Булгарию. Но главное, Русь предшествующими веками истории была гораздо теснее связана многообразными политическими, экономическими и культурными связями с Европой, чем с южными или восточными степями. Уже в конце IX – первой половине X в. она постепенно превращалась в пусть и отдаленную, но существенную часть *orbis christianus*. Константинопольский патриарх Фотий Великий еще в 864 г. посылал епископа на Русь. И хотя эта первая христианская миссия была уничтожена Олегом после захвата Киева в 882 г., проникновение христианства на Русь из Византии, Болгарии и Скандинавии продолжалось. Великое дело “первоучителей и просветителей словенских” Кирилла и Мефодия, погибшее в Моравии, продолжилось в Болгарии и оттуда было передано на Русь. Множество варягов-дружинников были христианами. К середине X в. в Киеве было уже два христианских храма и, соответственно, две общины. В договоре киевского князя Игоря с Византией в 944 г. часть его дружинников клянется Перуном, а часть – церковью Св. Ильи.

Реально выбор стоял, конечно, между старым и “новым” Римом (Константинополем). В одной из немецких хроник зафиксировано, что княгиня Ольга, крестившаяся в Византии, отправляла в 959 г. послов к германскому королю и императору Священной Римской империи Оттону I “прося, чтобы их народу были поставлены епископ и священники”. Известны и некие германские планы убитого Владимиром сводного брата Ярополка (скорее всего, одновременно брачные и конфессиональные). Однако в итоге именно большая степень интенсивности русско-византийских связей продиктовала выбор Владимира, породнившегося после крещения с сестрой византийского императора Анной (в подобной высокой чести за несколько лет до этого было отказано Оттону II, сватавшемуся к одной из византийских принцесс). Православие стало государственной религией и оставалось ею вплоть до 1917 г.

Первый киевский митрополит из русских Иларион (1051–1054) так описывал последствия крещения: “...начал мрак идольский от нас отходить и зори благоверия явились, тогда тьма бесслужения рассеялась и слово евангельское землю нашу озарило; жертвенники были разрушены, а церкви поставлены; идолы сокрушены, а иконы святых предстали... фимиам, Богу воскуряемый, воздух освятил; монастыри на горах поднялись, монахи появились, мужчины и женщины, знатные и незнатные, – все люди заполнили святые церкви...” Это, несомненно, сильно идеализированная картина. Насаждение новой веры шло, естественно, сверху вниз: вначале были крещены горожане, причем зачастую принудительно (в Киеве все, кто не явится на реку креститься, были объявлены врагами великого князя, а в Новгороде жители Софийской стороны и вообще восстали с оружием в руках), затем настала очередь большинства, то есть сельского населения. Христианизация растянулась до XIV–XV вв., когда православная вера действительно становится основой духовной жизни народа.

Правда, религиозное сознание Древней Руси не было ни единым, ни цельным. Современные исследователи выделяют в нем три пласта. Первый связан с развитием собственно христианского, византийского наследия, второй – с причудливым взаимодействием христианской и восточнославянской языческой традиции и, наконец, третий – с судьбами “третьей культуры”, не христианской и не языческой, но скорее ахристианской, основанной на сложном синтезе позднеантичных, ближневосточных и западноевропейских элементов. “Третья культура”, народная и городская по своему происхождению, была представлена переводами

греческих и иудейских апокрифов, светскими повестями и хрониками, естественно-научными трактатами.

Иногда своеобразный сплав христианских и языческих представлений называют “двоеверием”. Наиболее точное описание этого явления дал богослов и историк церкви Г. В. Флоровский: “Язычество не умерло и не было обессилено сразу. В смутных глубинах народного подсознания... слагались две культуры: дневная и ночная. Носителей “дневной” культуры было, конечно, меньшинство... Заимствованная византийско-христианская культура не стала “общенародной” сразу, а долгое время была достоянием... культурного меньшинства... История этой культуры не исчерпывает всей полноты русской духовной судьбы... В подпочвенных слоях развивается “вторая культура”, слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие переживания сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения. Эта вторая жизнь протекает под спудом и нечасто прорывается на историческую поверхность. Но всегда чувствуется под нею, как кипящая и бурная лава...” Главным различием между этими двумя культурами Флоровский считает различие “духовных и душевных установок”. “«Дневная» культура была культурой духа и ума, это была «умная» культура: «ночная» культура есть область мечтания и воображения...” Действительно, христианство на Руси было воспринято скорее эстетически (через красоту богослужения и церковного искусства) и морально-этически (как система норм и запретов), но не было воспринято как религия Логоса (Бога как всеобъемлющего смысла). Более того, постепенно укреплялась традиция противопоставления сердца и чувства – разуму, веры – рациональному знанию. Отсюда вытекали многие печальные последствия, в том числе поверхностное знание Библии, магизм и ритуализм, когда вторичные, материальные, святыни (иконы, мощи, освященная вода) заслоняли собой первичные (евхаристию и Священное Писание).

Одновременно с христианизацией язычества идет “обязывание” христианства. Православная церковь включает языческие праздники в свой календарь или ставит новые на место старых (как в случае с Масленицей, ставшей неделей сыропустной перед Великим постом). Возникает православный культ “явленных” икон (обретенных на деревьях, воде или камнях) – явный отголосок языческого поклонения деревьям, источникам вод и камням. К сожалению, рука об руку с достижениями – распространением грамотности, книжности, искусств – начинают накапливаться и проблемы, отчасти бросающиеся в глаза и даже считающиеся особенностями русской религиозной жизни и сознания, а отчасти пребывающие под спудом, в глубинах народного сознания, вырывающиеся наружу во время кризисов и нестроений (ереси XIV–XV вв., “капитоновщина” или раскол). “Народное христианство”, например, плохо отличает догмат от обряда, делает акцент на поклонении, а не на понимании, враждебно относится к любым изменениям.

Византийская “симфония” в русском исполнении

Внешняя канва утверждения и развития православия, его основных институтов и культуры на Руси в допетровский период хорошо известна. Любой учебник рассказывает о митрополите, епископах и епархиях, игуменах и монастырях, священно– и церковнослужителях, книгах и обрядах, храмах и иконах и т. д. Но нередко в стороне остается вопрос о своеобразии русского православия, его взаимоотношений с государством и обществом. Между тем это своеобразие с самого начала властно заявило о себе, определенным образом направив развитие церкви, страны, культуры и сузив круг альтернатив.

Русь получила от Византии вполне разработанное христианское вероучение и развитую христианскую культуру. Ко времени крещения славян эпоха доктринальных споров на вселенских соборах подошла к концу. Основные догматы, сформулированные в никео-царе-

градском Символе веры, были уже разработаны и переданы славянам в окончательном виде. Быть может, именно поэтому русская церковь дала мало оригинальных богословов, а периодически возникавшие религиозные споры редко носили догматический характер. Кажется, что все основные усилия поколений русских священников и богословов были направлены на овладение византийским наследством, а не на его творческое развитие. Первые четыре-пять веков вообще в основном стояла проблема переводов текста Библии и богослужебных, учебных и т. д. книг на церковнославянский язык. Как известно, проблема эта была решена довольно поздно – только к концу XV в., когда под руководством архиепископа новгородского Геннадия была составлена так называемая “Геннадиевская Библия” (полный кодекс библейских книг). Напечатана полная славянская Библия была в 1580 г. в Остроге (Речь Посполитая), а в Москве по этому изданию – только в 1663 г. Долгое время Священное Писание на Руси не столько читали, сколько слушали. Ветхий и Новый Завет (помимо Псалтыри и Евангелий) были известны только в отрывках, читавшихся за богослужением. Впрочем, распространение так называемых толковых списков библейских книг, где к тексту Писания присоединены толкования, указывает на постоянно существовавший интерес к такому чтению среди грамотных людей. Для неграмотных основные положения веры разъяснялись в проповедях, иконах и фресках церквей.

Греки передавали свою веру и цивилизацию Руси не в греческом оригинале, а в славянском переводе Кирилла и Мефодия. Но это благо со временем обернулось отрывом от греко-римской традиции (в допетровской Руси мало знали латынь и греческий), очень выборочным и приблизительным знакомством с античной и средневековой богословской и философской мыслью. Раскол христианского мира и нараставшее отчуждение его частей привели к тому, что Русь упустила опыт западноевропейской схоластики, опыт открытой богословской дискуссии. Признаком подлинного благочестия на Руси стал считаться нерассуждающий разум (“не должно смети иметь мнение, мнение – второе падение”; “не чти много книг, да не во ересь впадешь”).

Наконец, с крещения Руси начинается собственно история (а не предыстория) русской культуры. Христианизация и окультуривание идут вместе и “сверху”. “Повесть временных лет” сообщает, что Владимир после крещения “посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное... матери же детей этих плакали о них... как о мертвых”. Так возникает тесная связь церкви и государства, когда церковь не только служит целям национальной, государственной политики, но и просто берет на себя выполнение некоторых государственных функций. И не всегда это было столь плодотворным, как в случае с грамотностью и книжностью.

В Византии взаимоотношения власти и церкви строились на принципе “симфонии”, сформулированном в VI в. в кодексе Юстиниана. Церковь и государство, священство (*sacerdotium*) и власть императора (*impenum*) рассматривались как две части единого организма. Император Иоанн Цимисхий говорил: “Я признаю две власти: священническую и императорскую. Творец вверил первой заботу о душе, а второй – попечение о людских телах. Пусть ни одна из властей не подвергается нападкам, дабы мир мог процветать”. Такова была теория, а практика ее нередко корректировала в сторону безусловного приоритета императорской власти. Например, один из византийских архиепископов XIII в. писал: “Император есть мерило в отношении церковной иерархии, законодатель для жизни и поведения священников, его ведению подлежат споры епископов и клириков и право замещения вакантных должностей”. Надо сказать, что эта древняя традиция идет от римского императора Константина Великого, сделавшего христианство государственной религией, создавшего в 325 г. первый Вселенский церковный собор в Никее и постоянно вмешивавшегося в богословские споры и церковные дела (крещение он принял только накануне смерти). Недаром продолжавшуюся вплоть до XX в. эпоху в истории церкви, когда политическая власть осуществ-

ляла свои цели, опираясь на христианство как государственную религию, принято называть “константиновской”. Критики теократии говорят о “пленении” церкви государством, о том, что императоры приковали церковь к своей колеснице, что в итоге привело к религиозно-политическому диктату, к “христианским” гонениям против инакомыслящих. Благостная в теории, на практике идея “симфонии” государственной религии была попыткой “воцерковления” языческой по сути монархии, в основе своей противоречившей постулатам Нового Завета.

Русь вместе с православием восприняла от Византии и ее церковно-политические концепции. Каноническая норма “симфонии” священства и царства была представлена уже в Кормчей книге, то есть в сборнике церковного законодательства (по-гречески – Номоканон) XII в., а в 1551 г. включена в постановления Стоглавого собора (причем повторена в нем дважды). Греческое понятие “симфонии” в первом случае переведено как “совещание”, во втором – “согласие”, то есть гармоническое взаимодействие между государственной властью и церковной иерархией. Практика, как обычно, корректировала благие намерения.

В начале киевского христианства мы видим, может быть, лучший вариант такого взаимодействия. Владимир уделял большое внимание тому, что мы бы сейчас назвали социальными аспектами христианства (и с чем так плохо обстоит дело сегодня). Он не только основывал школы, но и раздавал пищу голодным, поддерживал немощных. В Киеве X в. им была создана своеобразная система “социального обеспечения”. Его примеру пытались следовать другие князья. Владимир Мономах в своем знаменитом “Поучении” наставлял сыновей: “Всего же более сирых не забывайте, насколько можете, по силе кормите, подавайте, сироту и вдовицу защищайте сами и не давайте сильным погубить человека”. Владимир также глубоко воспринял христианские требования милосердия и, когда вводил в Киеве византийское право, настаивал на смягчении его наиболее жестоких черт (наказаний в виде смертной казни, пыток, увечья).

Основанный в XI в. Киево-Печерский монастырь в лице его знаменитых настоятелей преп. Антония, преп. Феодосия, многих монахов продолжал эту “социальную” линию. Все они воплощали идеалы “умаления”, служения ближним через помощь беднякам, наставление буйных князей, личную аскезу. Киево-Печерский патерик содержит, например, рассказ о “черноризце” (то есть монахе) Прохоре, который во время голода раздавал хлеб и соль, в то время как киевский князь солью, наоборот, спекулировал.

В отношениях церкви и государства в это время “симфония” действует под знаком влияния первой. Так, церковный устав Владимира Святославича значительно расширяет по сравнению с византийскими уставами сферу церковного суда, к которому переходят все семейные дела, чтобы церковь могла успешнее воздействовать на общественную жизнь. Еще важнее постоянная в XI – начале XII в. практика принятия князьями наставления и руководства от церковных иерархов.

Но с началом удельного дробления начинается и постепенное затемнение “симфонии”. Андрей Боголюбский в 1156 г., не поладив с ростовским епископом Нестором, выгоняет его, а через несколько лет и его преемника Леона (по словам летописи, “хотя самовластец быти всей Суждальской земли”). В 1162 году, пытаясь сделать из Владимира “новый Киев”, он просит константинопольского патриарха Луку Хрисоверга основать там митрополию и предлагает своего кандидата на этот пост, мотивируя просьбу тем, что он выстроил многие храмы и даже кафедральный Успенский собор. Патриарх хвалит его за ревность к делам благочестия, но отказывает в просьбе и строго напоминает, что не дело князя влиять на поставление епископов: “... начнеши гонити сего Богом ти данного святителя и учителя... а ведомо ти буди, благословенный сыну, то аще всего мира исполниши церкви, и грады... гониши же епископа... то не церкви, то хлевы...” Но суровое предупреждение о том, что стремление князей подчинить себе церковь превращает “храмы в хлевы”, то есть обесцени-

вает их, кажется, не было услышано. Брат Мономаха Ростислав убивает инок Григория за обличение, а великий князь киевский Святополк тоже за обличение мучил печерского игумена Иоанна.

С монгольскими завоеваниями начинается новый период церковно-государственной “симфонии”, продолжавшийся до падения Византии в 1453 г. С началом “собираания земель русских” Москвой церковь соединяет свою власть и авторитет с линией московских князей, что закрепил переезд митрополита Петра в 1326 г. из Владимира в Москву (позднее была перенесена и митрополичья кафедра). “Но, соединив свою судьбу с одной линией, всячески поддерживая ее, – отмечал протоиерей Александр Шмеман, один из самых авторитетных современных православных богословов, – Церковь незаметно сама оказалась во власти этой линии, поставила себя ей на службу, перестала быть «совестью» государства, чтобы превратиться постепенно в опору и почти инструмент Московского «империализма»”. Московские князья нередко бесцеремонно вмешиваются в церковные дела, нарушая все предписания и каноны. Так, Дмитрий Донской пытается сделать митрополитом удобного себе архимандрита Митяя и заключает в тюрьму епископа Дионисия, отказавшегося благословляться у еще не поставленного в епископы священника. Когда в Москву приезжает поставленный в Константинополе митрополит Киприан, Дмитрий прогоняет его, а за ним прогоняет и Пимена, подкупом добившегося посвящения в том же Константинополе. Только когда все эти неприглядные истории начисто изгладились из церковной памяти, Дмитрий Донской был канонизирован на Поместном соборе 1988 г.

Не случайно русские святые в XIV–XV вв. начинают уходить из городов в далекие и безлюдные места, основывая там монастыри нового типа, соединяющие мистические и молитвенные подвиги с социальным служением. И самый замечательный из них, преп. Сергий Радонежский, решительно отказывает митрополиту Алексию, когда тот хочет сделать его своим преемником, – “если не хочешь отогнать мою нищету [то есть меня, убогого] от того, чтобы слушал святые слова твои, более не говори и никому другому не веди”.

Через 60 лет после смерти Сергия под ударами турок пала Византия. За несколько лет до этого Русь, преимущественно по политическим соображениям, отказалась примкнуть к Флорентийской унии 1439 г. – последней попытке объединения церквей. Подписавший унию от московской митрополии митрополит Исидор был изгнан московским князем Василием Васильевичем, а на митрополию в 1448 г. без санкции константинопольского патриарха был поставлен Иона. Де-факто это стало окончанием зависимости русской церкви от Константинополя (де-юре русская православная церковь делается вполне самостоятельной – автокефальной – в 1589 г. с поставлением патриарха московского как пятого вселенского), но усугублением зависимости от воли великого князя московского. Русское церковное сознание, потрясенное гибелью православной империи от рук неверных, в спешном порядке конструирует московское самодержавие – не как политическую практику, к этому времени вполне сложившуюся, а как идеологему. Возникает идея Москвы как “нового града Константина”, или Третьего Рима, священной миссией которого является защита и утверждение православной веры. При этом великий князь, а потом и царь московский сакрализуется “верою и честью всех презыдья”.

Третий Рим не продолжает, а заменяет собой Второй (Константинополь), возникает опасная подмена “вселенского церковного предания местным и национальным”, по словам Флоровского. Доктрина о Москве как о Третьем Риме становится идеологическим базисом для образования деспотического Московского царства. Оно оформляется под символом мессианской идеи, при фактической, как писал Н. А. Бердяев, национализации церкви – “религиозная идея царства вылилась в форму образования могущественного государства, в котором церковь стала играть служебную роль”. Церковь, таким образом, попадает в ловушку, освящая своим авторитетом практически любое деяние московских государей. Разумеется,

были и исключения – митрополит Филипп мужественно обличал опричные порядки и принял за это мученическую кончину, были и другие примеры отстаивания правды перед лицом несправедливой власти. Но, например, утверждение крепостных порядков и несвободы общественной жизни прошло практически без реакции со стороны церкви. Увы, прав был строгий критик русской действительности Петр Чаадаев, писавший почти 300 лет спустя: «Почему... русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским... Пусть православная церковь объяснит это явление. Пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой». Справедливости ради надо заметить, что отдельные голоса все-таки были, например нестяжатели Максим Грек и Вассиан Патрикеев. Последний, будучи учеником знаменитого отшельника и мистика Нила Сорского, резко протестовал как против закабаления крестьян монастырями, так и против смертных казней еретиков. Но опять же это были исключения, и судьба их была печальной. Новый виток драмы взаимоотношений власти светской и духовной пришелся на XVII в.

Церковные реформы Никона и раскол

После Смуты Московское государство восстанавливалось сложно и с колоссальным напряжением всех сил. Слабость светской власти дополнялась ослаблением авторитета духовной. Епископы признавали: «Многие священники мало умеют грамоте, и в церковь Божию мало ходят, и церковного правила не исполняют, и крестьян к церкви быть не понуждают». В исповедных вопросах к кающимся грешникам духовного звания постоянно отмечаются такие провинности, как «обедню похмелен служил» или «упився, бесчинно валялся», участие в драках и даже «разбоях».

Своеобразная «симфония» государства и церкви при отсутствии в стране влиятельного и образованного «третьего сословия», казалось бы, исключала появление широкого антицерковного движения, подобного Реформации на Западе. Но в середине XVII в. реформы патриарха Никона вызвали неожиданный и тяжелый раскол среди православного духовенства и мирян. Созданные им церковные соборы 1654–1656 гг. постановили устранить различия в богослужебных книгах и обрядах между русской и константинопольской церквями. Наиболее заметными из изменений стали: новое написание имени Христа (Иисус вместо Исус); замена двоеперстия на троеперстие при совершении крестного знамения; изменение отдельных слов Символа веры и многих молитв (не носивших догматического характера); замена «трисоставного» (восьмиконечного) креста на «двочастный» (четыреконечный), хождения во время обряда крещения по солнцу («посолонь») на хождение против солнца.

Проведение реформы было вызвано не только «нестроениями» в самой церкви, но и внешнеполитическими планами правительства. В это время решался вопрос о присоединении Украины, шли переговоры о том же с молдавским господарем, и надо было устранить религиозно-обрядовые расхождения с православными церквями этих стран.

Никон, в миру Никита Минов (1605–1681), происходил из семьи мордовского крестьянина. Обучался грамоте и книжной премудрости в Макариево-Желтоводском монастыре. В 20 лет он стал священником, в 30 постригся в монахи в отличавшемся строгим уставом Анзерском скиту на Белом море. Через восемь лет стал игуменом, познакомился с юным царем Алексеем Михайловичем и произвел на него сильное впечатление, стал по его рекомендации новгородским митрополитом, а в 1652 г. – патриархом. Никон фактически выполнял роль главы государства: во время отсутствия царя вмешивался в деятельность приказов,

поддерживал войну со Швецией; с 1652 г. к нему обращались как к “великому государю”. Основное дело Никона – церковная “справа”, но не менее энергично он централизовал и управление церковью, при этом стремясь сохранить ее автономию. В предисловии к изданному в 1655 г. служебнику он прославлял “премудрую двоицу”: “великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя святейшего Никона патриарха, которые праведно преданные им грады украшают и суд праведный творят”. Основал новые монастыри, самым знаменитым из которых стал Воскресенский Новоиерусалимский под Москвой, выстроенный как “русская Палестина”, повторяющая христианские святыни и сооружения Святой земли. Там в трехэтажном каменном “отходном скиту”, где Никон жил почти восемь лет после отъезда из Москвы, сейчас находится его музей. Патриарх был человеком просвещенным и книжным, оставил после себя большое литературное наследие. Никоновская теократическая идея входила в противоречие с усиливавшейся светской властью – итогом этого столкновения был разрыв царя со своим “собинным другом”. В 1658 году Никон отказался от патриаршества, но сохранил за собой сан патриарха и надеялся вернуть престол. “Дело” опального патриарха тянулось несколько лет. Никон защищался от всех обвинений и, в свою очередь, доказывал: “Не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство пользуются... яко священство царства превыше есть”. На церковном соборе 1666–1667 гг. с участием двух восточных патриархов Никон был осужден и лишен сана, хотя проведенные им реформы собор подтвердил. Умер он в 1681 г. по пути из ссылки, откуда его вернул царь Федор Алексеевич.

Новые обряды противоречили “старине”, бывшей в сознании людей традиционной культуры наиболее надежной гарантией истинности веры. Для русского религиозного сознания было немыслимо даже малейшее изменение в священных текстах или в Символе веры, поэтому, например, добавление всего одной буквы в имени Спасителя понималось как принуждение поклоняться “другому Богу”, а изменение обряда крещения (обливание водой вместо погружения) делало недействительным само таинство.

Кроме того, весьма невысоким было и качество исправлений. Реформа проводилась под знаком возвращения к византийским корням, однако инициаторам не хватило образования: за основу “справы” были взяты не тексты древних греческих или славянских книг, как утверждали реформаторы, а современная им греческая богослужебная практика и тексты греческих изданий XVII в. (напечатанных в Венеции за неимением типографии в Константинополе). Неоднократно заявлявший о своем “грекофильстве” Никон греческого не знал, а его помощники трактовали своеобразно. По старообрядческому преданию, на вопрос Арсения Грека об исправлениях патриарх ответил: “Правь, Арсений, как попало, лишь бы не по-старому”. Это предание очень похоже на правду. В ходе “справы” были допущены многочисленные ошибки и нелепости. Многие из них – причем в основных богослужебных текстах – дожили в Русской православной церкви и до сего дня. Например, в Символе веры вместо слов “и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго” осталось только “и в Духа Святаго, Господа животворящаго”. Из-за такого весьма произвольного редактирования получалось, страшно сказать, что никониане верили в Бога “животворящего”, а не “истинного”. Справедливые возражения противников реформ привели только к еще большему ожесточению партии власти. Эти недочеты реформы, оказавшиеся в итоге роковыми, отражали кризисные явления в Русской православной церкви и обществе. Еще на Стоглавом соборе 1551 г. было признано, что в московском царстве “учителей нет, а те, что есть, сами грамоте мало умеют”, и решено повсеместно “у священников, у дьяконов... учинити в домех училища...

на учение грамоте и на учение книжного письма”. Однако сделано в этом направлении было мало. Спустя 100 лет один из обвинителей Никона на соборе 1666–1667 гг., митрополит газский Паисий Лигарид, выразил единодушное мнение приехавших в Москву греческих иерархов – главной причиной раскола является состояние общего и богословского образования: “Искал я корня сего духовного недуга и в конце концов нашел два источника его: отсутствие народных училищ и недостаточность библиотеки... Если бы меня спросили, что служит опорой духовного и гражданского сана, то я ответил бы: во-первых, училища, во-вторых, училища и, в-третьих, училища”.

Наконец, с психологической точки зрения интересен тот факт, что сам Никон, очевидно, довольно быстро охладел к своим реформам – книги, издававшиеся при нем в 1658–1666 гг. в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, напечатаны по-старому, без исправлений. Своему бывшему единомышленнику Неронову он разрешил в 1657 г. служить по старым служебникам – со словами “обои-де добры – все равно, по которым хочешь, по тем и служи”.

Тем не менее церковные соборы 1656 и 1666–1667 гг. отлучили противников реформ от церкви и прокляли их “как еретиков и непокорников”. Эти решения закрепили раскол русской церкви на никонианскую, признаваемую государством собственно церковью, и старообрядческую, объявленную после анафематствования еретической. С этого времени движение раскола стало набирать силу. В “воззваниях” 1667–1668 гг. патриарх Иоасаф называл в числе поборников “старой веры” и служилых людей, и “ленящихся работати” крепостных крестьян, и монахов, и “белых” священников; по его словам, это было “всенародное множество”. У раскольников появились свои вожди: дьякон Федор, инок Епифаний, священники Лазарь и Аввакум.

Аввакум (Петров) – протопоп, писатель, один из вождей старообрядчества (1620 или 1621–1682). Родился в семье сельского священника Нижегородского уезда. В 21 год стал дьяконом, в 23 был рукоположен во священника. С начала служения вступил в конфликт с окружением и за крайнюю строгость в церковных делах неоднократно изгонялся как властями, так и недовольной “бременами неудобноносимыми” паствой. Оказавшись во время одного из таких изгнаний в Москве, примкнул к кружку “ревнителей благочестия” и повел яростную борьбу против упадка нравов и нестроений церковной жизни – с позиций крайнего максимализма и традиционализма. Аввакум признавал себя пророком, призванным обличать и наставлять, бороться со злоупотреблениями церкви и государства, проповедовать и окормлять своих многочисленных духовных чад, которых “по се время сот с пять или шесть будет”.

“Не почивая, я, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, и во царствующем граде, и во стране Сибирской проповедуя”. Церковную реформу Алексея Михайловича и Никона Аввакум не принял, попытки царя и иерархии привлечь его на свою сторону оказались безуспешными. Его ссылали, бросали в тюрьмы, разлучали с семьей, но он остался непреклонен. По духу и темпераменту он был борцом, полемистом, обличителем. На церковном соборе 1666–1667 гг. был лишен сана и заточен в Пустозерский острог (в устье реки Печоры) вместе со своими единомышленниками Федором, Епифанием и Лазарем. Именно там Аввакум на 49-м году жизни становится писателем и продолжает борьбу, создавая в нечеловеческих условиях 15-летнего содержания в земляной яме многочисленные послания, проповеди, библейские толкования и знаменитую, не имеющую аналогов в

древнерусской литературе автобиографию – “Житие протопопа Аввакума, им самим написанное”. В нем Аввакум рассказывает потрясающим по силе и новаторским по художественным средствам слогом о своем мученическом, по примеру древних пророков и первохристиан, исповедании истинной веры, обличает “никоновские новины”. Несмотря на строгие условия содержания, сочинения Аввакума расходились буквально по всей России. В 1682 году Аввакум и его союзники по приказу царя Федора Алексеевича были казнены (заживо сожжены) “за великие на царский дом хулы”. Пустозерские мученики были канонизированы старообрядцами на соборе 1916 г.

Вожди раскола призывали уходить от гонителей и совершать церковные таинства самим, а попов-никониан обманывать. Староверческое движение стало первым в России массовым проявлением гражданского неповиновения; оно обеспечивало крестьянам организационные связи, необходимые для всех форм его борьбы. Раскольничьи скиты служили укрытием для беглых и исходной базой для повстанческих выступлений, а борьба за “старую веру” – идейным обоснованием социального протеста. Раскол стал своеобразной альтернативой московскому самодержавию и никонианской церкви, но обращен он был не в будущее, а в прошлое. Фанатичную верность традиции как условие спасения души зафиксировали знаменитые слова Аввакума, его кредо: “Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком!”⁷

Никоновскую реформу Аввакум и его последователи воспринимали как “блудную еретическую” (показывая тем самым, что не умеют отличить догматы, на которые покушались реальные еретики, от обрядов, реформированных никонианами). Для них церковная “справа” – это крушение богоустановленного порядка: “Никон начал правоверие казнити, оттоле все зло постигает нас и доньне”. Поэтому и разинщина, и “чумной мор” 1654–1655 гг., и войны с Речью Посполитой и Швецией были для них общественными проявлениями нарушения установленного Богом порядка. Аввакум в прошлом Руси видел “райский сад”, верил в неизбежное в будущем восстание против никониан накануне Страшного суда и мечтал: “Даст Бог, прежде суда тово Христова, взявше Никона, разобью ему рыло. Блядин сын, собака, смутил нашу землю. Да и глаза те ему выколупаю, да и ткну его взашей: ну во тьму поиди, не подобает тебе явиться Христу моему свету. А царя Алексея велю Христу на суде поставить. Того мне надобно шелепами медянными [то есть медными прутьями] попарить”. “Огнепальный” протопоп был убежден, что на Страшном суде он сможет приказывать Иисусу Христу...

Вожди раскола предвещали приход Антихриста, конец света в 1666 г. и грядущее царство небесное, где не будет различия между рабами и господами, “но вен едино есть”. Даже после того как ожидаемого светопреставления не произошло, активность сторонников староверия не спала. Ужесточилась и правительственная политика. Указ 1684 г. предписывал всех отказывавшихся посещать церкви “пытать и разыскивать накрепко”; упорствующих “если не покорятся, жечь в срубе и пепел развеять”. Начались печально знаменитые старообрядческие “гари”, в которых сжигали себя сотни людей.

Иногда сторонники “старой веры” решались на сопротивление: в 1668–1676 гг. упорно держались против правительственных войск монахи и работники Соловецкого монастыря, отказавшиеся принять новые богослужебные книги. Когда же открытая борьба была невозможна, преследование властей и сознание безысходности порождали отчаяние: мир захвачен Антихристом, “нигде нет исходу – только в огонь да в воду”.

⁷ Сохраню до конца в том виде, в каком принял; не нарушу заветов: до нас положено, лежи оно так во веки веков.

Старообрядчество, староверие или раскол (в терминологии РПЦ до 1971 г.) – общее название объединений русских православных духовных лиц и мирян, отказавшихся признать реформы патриарха Никона. Собственное наименование староверия – древлеправославное христианство. Сохранив каноническую и догматическую основу православия, старообрядчество звало своих последователей не столько к возвращению обратно к дореформенной церкви, сколько к церкви новой, основанной на желании более активной и более целостной религиозной жизни при соблюдении дониконовской традиции. Старообрядчество отличается строгим соблюдением принципа соборности (добровольного соединения верующих на основе любви к Богу и друг другу в духе Святом), значительной ролью мирян в жизни общин, верой в особую миссию русского православия. В силу давнего конфликта старообрядчества с государством в нем особое значение имеет идея разделения церковной жизни и государственной власти.

Старообрядчество не было единым движением; с конца XVII в. оно стало распадаться на отдельные толки и согласия (“федосеевщина”, “поморское согласие” и др.). Старообрядчество делится на “поповщину” и “беспоповщину”. Поповцы признают необходимость церковной иерархии и всех церковных таинств. Они в середине XIX в. создали свою церковную организацию (так называемую Белокриницкую иерархию) с центром в Буковине, тогда входившей в Австро-Венгерскую империю (позднее – в общине Рогожского кладбища в Москве).

Беспоповщина распространилась на Севере; ее приверженцы отрицали необходимость духовной иерархии и некоторых таинств. Наиболее радикальные ее толки (“филиповщина”, “нетовщина”) проповедовали необходимость “самоуморений” и самосожжений. В XVIII веке власти ослабили преследования старообрядцев, установив для них повышенное налоговое обложение. По мере того как раскольничьи общины втягивались в рыночные отношения, в них росло предпринимательство; из среды раскольников выделялась купеческая верхушка (знаменитые московские купеческие семейства Морозовых, Рябушинских, Кузнецовых, Расторгуевых). По данным Синода, в 1895 г. насчитывалось 13 млн старообрядцев, что составляло около ю% населения. В 1971 году Поместный собор Русской православной церкви признал постановления соборов 1656 г. и 1666–1667 гг. в части, касавшейся осуждения раскольников, недействительными, а сами старые обряды – равноспасительными и равночестными новым. Юбилейный собор 1988 г. (Собор тысячелетия) выразил сожаление по поводу возникшего 300 лет назад разделения единой церкви. В наше время наиболее крупными организациями являются: у “поповцев” – Русская православная старообрядческая церковь и Древлеправославная церковь во главе с митрополитами; у “беспоповцев” – Российский совет древлеправославной поморской церкви и Московские христиане древлеправославно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского федосеевского согласия.

Укрывшиеся в лесных скитах старообрядцы сохраняли свой уклад жизни, мировоззрение, старые иконы, книги “дониконовой печати” и рукописи. Уже 30 лет ученые Москвы, Петербурга, Новосибирска отправляются в экспедиции в районы старообрядческих поселений (с. Ветка на границе Украины и Белоруссии, Верхнекамье) за древними рукописями, записывают духовные стихи и песнопения; создается даже телевизионный архив, с помощью которого запечатлены церемонии и обряды прошлого, технологии традиционных ремесел.

Большинство старообрядцев верили, что с началом исправления книг наступило царство Антихриста. Эта вера, а также жестокие гонения со стороны государства привели наиболее радикальных “расколоучителей” к выводу, что самоубийство за веру есть подвиг, равный мученичеству. В 1687–1693 годах на Севере бывший дьякон Соловецкого монастыря Игнатий и его товарищи организовали массовые самосожжения, в которых погибло около 5 тыс. человек. “Держайте всенадежным упованием, таки размахав – да и в пламя! Накось диавол, мое тело, до души моей дела тебе нет”, – одобрял протопоп Аввакум своих последователей. Случаи самосожжения, самоутопления, самопогребения имели место даже в XIX в. Но не все могли последовать таким радикальным призывам. Десятки тысяч людей предпочитали уйти от гонителей-никониан: одни отправлялись в пределы Речи Посполитой, другие – к берегам Белого моря, третьи – в леса за Волгу и дальше в Сибирь, где и сейчас еще существуют общины старообрядцев.

“...И пришли они, подьячие с теми выборными людьми, в черные дикие леса к тому острогу, и, не подпуская их к острогу, начали воровские люди с того острога со стен по ним стрелять из пищалей. И подьячие с посыльными людьми учинили на тот острог окрик большой и убили у них, воров, на стене острожной из лука чернеца [то есть монаха]. Да с того ж острога со стены сорвали они человека, Стенькою зовут, Климова. Да с того ж воровского острога нашли... их воровское непристойное письмо. А по словам того вора Стеньки, в том остроге воры, церковные противники.

И они, воры, видя над собою промысел и многой окрик и стрельбу, в том остроге заперлись и хоромы зажгли сами, и от того запаления згорели они все без остатка. А отнять их вскоре от огня было невозможно потому, что у острога ворота, и у них двери укреплены многими запорами. А острог был зделан в толстом лесу, от земли мерою трех сажень мерных, и поделаны были частые бойницы... И подьячие, войдя в тот острог, дождались того, как пожар истух, осмотрели в том пожаре многие погорелые тела, по смете тел двести с тридцать. И тот острог они, посланные люди, разорили до основания и пожгли” – так описывал самосожжение старообрядцев в Важском уезде в ноябре 1685 г. архиепископ Холмогорский Афанасий.

(Цит. по: Шашков А. Т. Неизвестная “гарь” 1685 года в верховьях Кокшеньги // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 110)

Итак, церковные реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона прошли по, увы, традиционной русской схеме – “хотели как лучше, а получилось как всегда”. Точнее, получилось небывало хуже, и всю историю Русской православной церкви до собора 1917–1918 гг. правильнее было бы делить не на до синодальный и синодальный периоды, а на эпохи до и после книжной sprawy и раскола. В конфликте никониан и старообрядцев у каждой из сторон была своя правда. Никон и его сторонники совершенно справедливо пытались преодолеть замкнутость и отсталость русской церкви и восстановить авторитет ее главы, но действовали крайним насилием и сорвались в теократическую утопию. Аввакум и староверы мужественно противостояли зачастую неграмотному диктату и утверждали евангельские истины ценой собственной жизни, но замкнулись в невероятном традиционализме, гордыне, антиинтеллектуализме (“Не высокоумствуй, но бойся!” – писал Аввакум, сам ничего не боявшийся).

Официальными же делателями церковного дела остались те, кого можно причислить к третьей стороне... Эти пастыри и эта паства – не ушедшие в раскол и формально принявшие никонианство – чаще всего действовали по принципу, сформулированному на соборе 1666–

1667 гг. чудовским архимандритом Иоакимом, впоследствии патриархом московским: “Я не знаю ни старой веры, ни новой, но что велят начальницы, то я готов творить и слушать их во всем”. “Хороши законоучители, – язвительно писал Аввакум, – что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: «А се, государь, бо се государь, добро, государь»”.

По верному замечанию американского историка Джеймса Биллингтона, “конфликт Никона и Аввакума был вовсе не богословским спором, но смертельной схваткой между двумя мощными первопроходцами в мире единой истины. Только после того, как они уничтожили друг друга, Россия стала безопасным местом для... доктрины служения государству”. Именно конец русской “симфонии” в разрыве Никона с царем и расколе делает неизбежным превращение церкви при Петре I в часть бюрократического аппарата.

Подробнее на эту тему

Биллингтон Дж. *Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры*. М., 2001.

Панченко А. М. *Боярыня Морозова – символ и личность* // Панченко А. М. *Русская история и культура: Работы разных лет*. СПб., 1999. С. 422–436.

Панченко А. М. *Русская культура в канун Петровских реформ*. Л., 1984.

Робинсон А. Н. *Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты*. М., 1963.

Успенский Б. А. *Раскол и культурный конфликт XVII века* // Успенский Б. А. *Этюды о русской истории*. СПб., 2001. С. 313–360.

Федотов Г. П. *Святой Филипп митрополит Московский*. М., 1991.

Федотов Г. П. *Святые Древней Руси*. М., 1990.

Флоровский Г., прот. *Пути русского богословия*. Вильнюс, 1991.

Шмеман А., прот. *Исторический путь православия*. М., 2003.

Европеизация от амуниции 1697

Зимой 1697 г. в Москве готовилось Великое посольство – укреплять союз европейских стран против “салтана турецкого, хана крымского и всех бусурманских орд”. Среди волонтеров, ехавших обучаться морской науке, под именем Петра Михайлова скрывался Петр I. Он хотел сам увидеть приоткрывшийся ему в московской Немецкой слободе западный мир с его деловым размахом, океанской торговлей, процветанием наук и искусств.

Во время подготовки миссии кем-то из чинов Посольского приказа был составлен документ о положении крестьян в странах Европы. Появление такой “аналитической записки” не случайно совпало с кануном Петровских реформ. Небывалый вояж “великого государя царя” (да еще в качестве простого работяги) в чужие страны означал конец российского Средневековья. “Дух времени” постепенно подрывал основы старой российской военно-государственной системы и средневекового мировоззрения.

Во Франции, сказывают, невольных никаких нет, а служат все за плату в урочные лета и с крестьян господам брать в слуги невольно. А волен во всех крестьянех король, естли кого из них хочет взять в салдаты и до протчих услуг своих. А господа их токмо берут с них уреченной оброк по уставу. В Англии и в Италии також, как сказывают, и в Гишпании, живут люди потому ж на урочные лета наемные; а как срок доходит, то должен слуга, естли впредь у господина наймываться не хочет, за несколько месяцев то сказать господину своему, что он более у него служить не будет. Да и крестьян невольных у них нет, токмо имеют господа земли свои, которых крестьяне у них оброчат на несколько лет, а потом по воле своей или когда не возмогут в оброке договориться, могут в ыное место жить перейти; а сверх договору ни в какую работу дворовую их господа нудить не могут. Такое ж поведение и водность людем и крестьяном и в Голандии, с таким еще различием, что и купленные неволники, хотя и не христианские веры, могут, когда хотят, свободно от господина своего к иному господину. А крестьяня во всей Германии неволные... против того жив Датцкой земле во всем. В Польше сие известно многим, что содержат во крестьянех и слугах слуги наемные, а крестьяны невольные...”

(Выписка, каким образом в чужестранных разных государствах поступают со служителями и с крепостными людьми // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1905. Кн. 3. Смесь. С. 30–31)

В основе структурного кризиса Московского государства XVII в. лежало нараставшее отставание России от стран Европы; но попытки выхода из кризиса порождали в правящих кругах как “реформаторские” настроения, так и оппозицию им. Приведший Петра к власти переворот 1689 г., вопреки обычным представлениям, был не победой молодого реформатора над косным боярством, а консервативной реакцией на умеренно западническую политику царя Федора Алексеевича (1676–1682) и царевны Софьи. Великий русский историк В. О. Ключевский был уверен: “Прощай Федор еще 10–15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама”.

“Первый министр” царевны князь Василий Голицын много потруился для создания коалиции европейских стран для борьбы с Османской империей. По сообщениям дипломатов, князь готовился создать регулярную армию, ликвидировать государственные монополии и даже отменить крепостное право. Голицын стал и первым из плеяды официальных

фаворитов при “дамских персонах”. К подобным вещам в его время современники еще не привыкли: с криком: “Временщик!” в 1688 г. бросился на князя убийца.

Если бы Голицын пришел в политику несколькими годами позже, он вполне смог бы стать достойным сотрудником Петра. Но в 1689 г. они оказались по разные стороны баррикад. Привлечение иностранцев и попытка устройства университета вызвали недовольство церкви. Не случайно Петра в конфликте с Софьей поддержал патриарх Иоаким, сразу же потребовавший изгнания из России иностранцев. В своем завещании патриарх умолял царя разорить “еретические” храмы и не допускать православных “общения в содружестве творити” с иноверцами. Приход к власти Петра I не оправдал надежд церковного руководства: церковь была вынуждена смириться с падением своей роли в политической жизни страны. И все же прошло несколько лет, прежде чем царь понюхал пороха в Азовских походах 1695–1696 гг. и приступил к преобразованиям.

В исторической науке с начала 90-х гг. XX в. появились попытки выявить альтернативные пути и “точки бифуркации” исторического развития страны. Некоторые историки полагают, что к концу XVII в. обозначилась объективная тенденция капиталистического развития страны. Другие сомневаются в такой готовности, но думают, что энергичный царь в условиях кризиса системы служилых “чинов” мог бы при желании сравнительно легко избавиться от крепостного права. Приведенная выше записка свидетельствует: в “верхах” о положении крестьян думали. И смотрели – во время знаменитого путешествия по землям Швеции, Пруссии, Голландии, Англии, Австрии, – каково оно в этих странах.

Молодой царь и его окружение, не скованные рамками посольского этикета, могли знакомиться с разными сторонами жизни западноевропейского общества. Они общались с коронованными особами и их министрами – и мастерами, торговцами, моряками, епископами, актрисами. Петр с одинаковым интересом работал на верфи, посещал мануфактуры, монетные дворы, театр и больницы, повышал квалификацию в качестве кораблестроителя и артиллериста, сидел в портовых кабаках и наблюдал за публичными казнями.

Гулял в “русском” стиле. “Спальня, убранная голубой отделкой и голубая кровать, обитая внутри светло-желтым шелком, вся измарана и ободрана. Японский карниз кровати сломан. Индийское шелковое стеганое одеяло и постельное белье запятнаны и загрязнены. Туалетный столик, обитый шелком, сломан и изрезан. Стенной орехового дерева столик и рундук сломаны. Медная кочерга, пара щипцов, железная решетка, лопатка – частью сломаны, частью утрачены. Палевая кровать разломана на куски...” – таким он оставил предоставленный ему особняк в английском Дептфорде, с поломанными деревьями и истоптанным газоном. Но после неумеренного “веселья” вел переговоры, наблюдал морские маневры, знакомился с Оксфордским университетом, заглянул в парламент: “Царь московский, не выдавший еще до тех пор собрания парламента, находился на крыше здания и смотрел на церемонию через небольшое окно”.

Письма Петра, передающие его впечатления от калейдоскопа событий и достопримечательностей, предельно скупы и сообщают только о делах и передвижениях: “Здесь, слава Богу, все здорово, и работаем на Индейском дворе”; “Покупки, которые принадлежат к морскому каравану, от господина генерал-комисария искуплены, также и ружье, которое принадлежит к конным и пешим полкам, искупают же. Что станет впредь чиниться, писать буду Из Амстрадама, декабря в 1 день”; “...о железных мастерах многожды говорил Витцену”; “...мы третьего дни, слава Богу, возвратились из Англии все здорово и на будущей недели, Богу изволшу, поедем отсель в Вену. *Piter*”.

Где-то здесь, в центре деловой, динамично развивавшейся Европы, Петр решил внедрить в России западноевропейскую “модель” жизни, как можно скорее перенять все необходимое наперекор старому укладу и его традициям. Случилось ли это на королевской верфи в Дептфорде, где царь постигал высокие технологии своего времени – искусство корабле-

строения, или в лондонской часовой мастерской Карте, где выучился на часовщика, сказать трудно. Но в то же время ясно, что западный мир московский царь воспринял как сложную машину, набор технических приемов и форм, которые надо как можно скорее использовать у себя дома. Другой вопрос – мог ли он понять основы качественно иного мироустройства, социальной структуры, отношения власти и подданных? Едва ли.

И все же он пошел на принципиальный разрыв с “московской” традицией и утверждал новую культуру, основанную на иной “знаковой системе”. Образцом для восприятия объявлялось не восточное благочестие, а культурный уклад Западной Европы; бороду надо было менять на парик, русский язык – на немецкий; античная мифология (“еллинская ересь”) стала официальным средством эстетического воспитания. К прошлому у него был и личный счет. На глазах десятилетнего Петра во время стрелецкого восстания 1682 г. погибли знатнейшие бояре и братья его матери-царицы; такой он навсегда запомнил прежнюю Русь.

Отсюда и темпы реформ: на следующий день после прибытия из-за границы царь лично обреза бороды у потрясенных бояр, потом сам стал укорачивать рукава и приказал “всем служилым, приказным и торговым людям” носить иноземное платье. Указами вводилось новое летосчисление – от Рождества Христова. С набором рекрутов началось формирование новой армии. Реформа 1699 г. лишила воевод судебной власти над горожанами, которым разрешено было выбирать свои органы – “бурмистерские избы” (правда, за милость надо было расплачиваться двойным размером податей). Началась подготовка нового свода законов.

По единодушному мнению современников, Петр обладал огромным запасом энергии, необыкновенной любознательностью, целеустремленностью и вместе с тем практическим трезвым расчетом, умением использовать обстоятельства и выбирать людей – немногим правителям удавалось собрать вокруг себя столько одаренных и на все способных помощников. Петр вставал в пять часов утра, большую часть жизни провел в бесконечных переездах и, кажется, совсем не умел отдыхать – отдыхом ему служила смена занятий.

Царь отличался колоссальной работоспособностью и универсальными способностями. Сам он гордился, что владел и профессиями и был не только матросом и плотником, но и высококлассным артиллеристом, капитаном, инженером-кораблестроителем (специальностей выше по техническому уровню в начале XVIII в. не было), а еще токарем, часовщиком, каменщиком и даже врачом; если же лекарское искусство ему изменяло, мог вполне профессионально сделать вскрытие и установить свою же ошибку в диагнозе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.